

Ю. М. ЛАУФЕР

ТЕОРИЯ
И
МЕТОДИКА
СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
БИБЛИОГРАФИИ

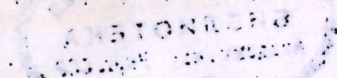

Ю. М. ЛАУФЕР

ТЕОРИЯ
И
МЕТОДИКА
СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
БИБЛИОГРАФИИ

Историографический очерк

МОСКВА, «КНИГА», 1978

016:8 + 82
Л 288

78.5-
Л28

Юрий Михайлович Лауфер

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

ИБ № 110

Редактор Н. С. Митрофанова

Художник Н. Т. Сайко

Художественный редактор В. А. Крючков

Технический редактор Е. Н. Полякова

Корректор Л. В. Петрова

Сдано в набор 24.01.78. Подписано в печать 23.08.78. А-02242
Формат бум. 84X108^{1/32} Типографская № 1 Литературная гар-
нитура. Высокая печать Усл. печ. л. 12,6 Уч.-изд. л. 13,73
Гидаж 4000 экз. Заказ № 621 Изд. № 1904 Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Книга» Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10
Московская типография № 10 «Союзполиграфпрома»
при Государственном Комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-114, Шлюзовая наб., 10.

486034

61005-080
Л 002(01)-78 51-78

Издательство «Книга», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Растущая роль средств печатной информации в современной общественной жизни обусловила необходимость проведения целостного исследования советского библиографоведения. Однако это не исключает, а, напротив, предполагает изучение библиографоведения, расчлененного на взаимосвязанные элементы, на подсистемы (отраслевое библиографоведение), которые несут в себе определенные свойства всего библиографоведения. Такое изучение противостоит и игнорированию специфики библиографоведения как целостной научной дисциплины и сведению этой специфики к констатации наличия у него только интегративных качеств.

Отраслевое библиографоведение, являясь частью, подсистемой библиографоведения, выступает, в свою очередь, как система. На основе принципа иерархичности, координированности развиваются и каждый из ее элементов, и сама система в целом. Успешное изучение отраслевого библиографоведения может осуществляться только в том случае, если будут учитываться и его системное членение, адекватно репрезентирующее свойства всего библиографоведения, и его генетические, эволюционные или структурно-функциональные связи с библиографоведением как с более широкой системой. И, напротив, лишь учитывая специфичность отраслевого библиографоведения можно постигнуть библиографоведение в целом. В этой связи целостное уяснение теории и методики литературной библиографии как элементов системы выступает одной из центральных задач современного библиографоведения.

Литературная библиография оформилась в самостоятельную научную дисциплину совсем недавно: ведь только в советские годы началось специальное изучение ее

природы, свойств, общественной роли, перспектив развития, а до этого разрабатывались отдельные частные проблемы, от случая к случаю возникавшие из конкретной библиографической деятельности. Процесс становления литературной библиографии продолжается и ныне. Она до сих пор еще не имеет строгого, однозначного определения. А. Г. Фомин подобную дисциплину называл «библиографией литературы» (1929 г.) (89)*, С. Д. Балухатый озаглавил свою статью «К пересмотру принципов литературной библиографии» (104). Двадцать лет спустя П. Н. Берков наименует ее «литературоведческой библиографией» (161), а в «Очерках теории и методики литературной библиографии» Е. И. Рыскина, вышедших через десять лет, сказано: «Термин „литературная библиография“ (или „литературоведческая библиография“) употребляется в двух значениях. Им пользуются для обозначения совокупности библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению. Он служит также для названия научной дисциплины» (210, с. 3). В 1961 году Б. Я. Бухштаб назовет свою статью «О рекомендательной литературоведческой библиографии для специалистов» (196), а впоследствии в учебнике для библиотечных факультетов институтов культуры он напишет: «Несколько громоздкий термин „библиография художественной литературы и литературоведения“ мы будем иногда заменять сокращенным названием „литературная библиография“. Бытующее иногда в библиотечной практике выражение „художественная библиография“ заведомо неудачно: оно может относиться и к библиографии изобразительного искусства и не подразумевает включение литературоведения» (233, с. 3).

Формирование взгляда на наиболее важные проблемы литературной библиографии началось сравнительно поздно — только в наше время. К ним прежде всего относятся установление ее объекта, специфического предмета ее теории, определение границ литературной библиографии и литературного библиографоведения. Постигание этих проблем сопряжено с большими трудностями, в значительной мере увеличившимися из-за чрезмерно затянувшейся неразработанности сходных вопросов в общebiблиографической теории, которая лишь со

второй половины 50-х годов XX века приступила к изучению объекта библиографии и предмета библиографоведения.

Установление объекта литературной библиографии и предмета литературного библиографоведения усложняется и состоянием важнейших теоретических проблем литературоведения — выяснения его предмета и границ, определения путей взаимодействия литературоведения с другими гуманитарными и точными науками, мотивировки его самостоятельности. Научные характеристики предмета литературоведения до сих пор слишком аморфны, а круг основных вопросов, относящихся к методологии современного литературоведения, и порядок их органического сцепления, пока еще не достаточно хорошо прояснены. Сложность проблем теории литературной библиографии становится еще яснее, если учесть, что литературная библиография, критика и история литературы долгое время существовали нерасчлененно, образуя единое целое, и что в современной науке литературная библиография рассматривается как одна из вспомогательных литературоведческих дисциплин.

Эмпирическим объектом литературной библиографии являются художественная литература и литературоведение, их сущностное содержание и структура, и читатели — потребители этих источников первичной информации — читатели.

Вместе с тем литературоведение и, разумеется, в особенности художественная литература, исследуются многими науками. Литературоведение — наука, всесторонне изучающая художественную литературу, ее сущность, происхождение, общественные связи и оценку современниками. Литературоведение, как и каждая из многих гуманитарных наук, в художественной литературе находит свой специфический предмет, подходит к ней с точки зрения своих задач и своих способов исследования. Оно занимается изучением и читателя, воспринимающего и познающего художественную литературу.

Литературоведение как самостоятельная форма познания действительности оценивает и истолковывает произведения художественной литературы в соответствии с логикой жизни, в них отраженной, разъясняет читателю смысл произведений.

Специфика литературной библиографии состоит в том, что это область научно-практической деятельно-

* Цифры в скобках отсылают к списку цитируемой и упоминаемой литературы и архивным материалам, помещенным в конце книги.

сти, ставящая себе целью подготовку и доведение до читателя библиографической информации о произведениях художественной литературы, критики и литературоведения; являясь свернутой (вторичной) информацией читателя об этих произведениях, она осуществляет обработку первичной информации, заключенной в них.

Литературной библиографии присущи и учебно-воспитательная и агитационно-пропагандистская функции, характерные для социальной информации вообще. Они отчетливо обнаруживаются преимущественно в рекомендательной библиографии, которая одну из своих задач видит в целенаправленной помощи личности в овладении литературными знаниями, а другую — в распространении информации о художественной литературе и литературоведении для их воздействия на массы. Важное значение имеет связь этих задач с научно-познавательной функцией, выражающей взаимоотношение литературной библиографии и литературоведения, способствующей углублению или упорядочению старых знаний и приобретению новых. Благодаря этой связи совокупность библиографических материалов, содержащих в свернутом виде информацию о литературе, может рассматриваться в качестве вспомогательной дисциплины литературоведения, составной его части, и, с другой стороны, эта обусловленность направляет ее на обслуживание рекомендательными пособиями специалистов и всех тех, кто углубленно изучает художественную литературу, критику и литературоведение. И в этом смысле литературная библиография вплетается в литературоведческий труд, в литературную науку.

Содержание предмета литературного библиографоведения носит объективный характер — это обобщение научно-практической деятельности в области информации читателя о художественной литературе и литературоведении.

Объект литературной библиографии и предмет литературного библиографоведения не находятся в застывшем состоянии, они, в соответствии с постоянным развитием художественной литературы, литературоведения и библиографии, с изменяемостью практической деятельности, исторически развиваются. Эта обусловленность требует исторического подхода к изучению объекта литературной библиографии и предмета литературного библиографоведения, учета конкретно-исторических усло-

вий, в которых происходит их формирование. «Без истории предмета нет теории предмета», как «без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах», — указывал Н. Г. Чернышевский (33).

Главная роль в определении границ, объекта литературной библиографии и предмета литературного библиографоведения принадлежит их «началам». «Начало» все время воспроизводится в процессе формирования и развития объекта и предмета; оно выражает внутреннее условие существования объекта литературной библиографии и содержит в себе необходимость своего будущего развития в ее теории. Однако полное определение «начала» может получить только в результате исследования всех сторон и этапов развития объекта и предмета, вследствие постижения основных ступеней их развития в конкретной форме. «Историческое развитие всех наук, — подчеркивал К. Маркс, — приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить ее фундамент» (1).

Осознать сущность литературной библиографии и литературного библиографоведения можно только исследуя современное их состояние как общественных явлений и, исходя из этого, рассмотреть их генезис — возникновение, укрепление на качественно различных этапах, качественные переходы из одних состояний в другие. «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме», — писал Ф. Энгельс (2).

Эта же суть принципа историзма научного познания выражена В. И. Лениным: «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (6).

Литературное библиографоведение состоит из основных, связанных друг с другом частей — теории, методики и истории литературной библиографии, каждая из ко-

торых имеет свои специфические задачи, границы и предмет изучения.

История литературной библиографии исследует процесс развития литературной библиографии, определяет место и значение в этом процессе как конкретных библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению, так и видов и типов библиографических пособий. История литературного библиографоведения изучает возникновение, смену и развитие теоретических взглядов и методических способов библиографирования. В истории литературной библиографии и литературного библиографоведения их развитие воспроизводится как система, как процесс со всеми историческими связями, существующими между библиографическими, литературоведческими, общebiблиографическими и библиографоведческими явлениями, внешне не связанными друг от друга.

Теория литературной библиографии обобщает практический опыт в области библиографической деятельности по информации читателей о произведениях художественной литературы и литературоведения, раскрывает связи, своеобразие, свойства и специфику литературной библиографии, изучает закономерности ее развития и общественную роль, применение методов, типологию, построение библиографических пособий, устанавливает принципы рассмотрения и оценки библиографического материала, состояние библиографии художественной литературы и литературоведения.

Марксистско-ленинская философия — база библиографической методологии. Литературное библиографоведение и литературная библиография, используя общebiблиографические принципы, заимствует и методы, применяемые литературоведением и другими науками. Все эти методы сами по себе, вне связи с философскими, не образуют целостной системы. На основе общих философских и частных специальных методов литературное библиографоведение вырабатывает методику, присущую литературной библиографии — систему правил, которые регулируют порядок совершения операций. В этом своем свойстве методика не относится к методологии, но и не обладает полной независимостью от нее. Методические приемы и способы могут оставаться более или менее нейтральными по отношению к методологии.

* * *

Заклучая краткое введение, отметим, что, в отличие от общего библиографоведения, в котором уже появились обобщающие работы (М. А. Брискмана «Советская теория библиографии в 20-е — 30-е годы» (195), Э. К. Беспаловой «Некоторые проблемы развития теории рекомендательной библиографии» (256), А. И. Барсука и О. П. Коршунова «Советское библиографоведение: состояние, проблемы, перспективы» (268) и др.), литературное библиографоведение не располагает ни одной статьей, брошюрой или книгой, в которой хотя бы в минимальной мере подводились итоги развития теории и методики литературной библиографии за какие-либо отрезки времени. Встречаются лишь единичные случаи историографических характеристик изучения отдельных конкретных теоретико-методических вопросов.

Историографическое освещение развития теории и методики литературной библиографии преследует прежде всего цели совершенствования библиографической практики и обогащения советского библиографоведения.

Современное состояние теории и методики литературной библиографии и исторические этапы их развития связаны глубокой и неразрывной исторической преемственностью. Проблема наследия прогрессивных и преодоления устаревших традиций библиографии, замена их новыми — актуальная задача советского библиографоведения. На каждом этапе развития теории и методики литературной библиографии закреплялись и совершенствовались положительные результаты, достигнутые в предшествующие годы, совершалось поступательное движение теоретико-методической мысли. Отсюда возникает потребность в освещении теории и методики литературной библиографии на различных фазах ее существования, в анализе главных направлений, в характеристике современного состояния и определении перспектив развития. Вырастает острая необходимость в рассмотрении сути развивающихся больших и малых проблем теории и методики литературной библиографии на основе генезиса. В то же время генетический исходный пункт должен выявляться на базе анализа современного наиболее развитого предмета изучения.

Все это, вместе взятое, оправдывает появление настоящей работы, в которой возможно полно отражены теоретические и методические материалы, разумеется, в рамках, обозначенных названием книги. За ее преде-

ИСТОКИ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1

лами остались предисловия к указателям, отзывы, вызванные их публикацией, не рассматриваются также теоретико-методические проблемы, относящиеся к специфике библиографирования литератур народов СССР и зарубежных стран.

Содержание книги несколько шире ее названия: первая глава посвящена ведущим направлениям в развитии теории и методики литературной библиографии в дореволюционной России. Такое расширение закономерно: без рассмотрения дореволюционных теоретико-методических исканий невозможен анализ более поздних работ.

Теория и методика литературной библиографии не могут выступать как полностью независимые элементы, они, естественно, находятся в сложном единстве, в органической связи с общим библиографоведением, поэтому автор предлагаемой книги обращается к освещению общелиблиографических проблем.

Периодизация, принятая нами, в основном совпадает с общелиблиографической и историко-литературной, поскольку фазы их развития сходятся. Однако отсутствие единого принципа литературной и общелиблиографической периодизаций находит свое выражение в неточности расчленения явлений, относящихся к литературной библиографии, которая имеет свою специфическую особенность в развитии, не тождественную развитию ни литературы, ни библиографии вообще, в известной скованности рассмотрения разнообразных теоретико-методических проблем.

Автор выражает искреннюю признательность за ценные советы и помощь Л. А. Везиновой, Ю. С. Зубову, О. П. Коршунову, Ю. Д. Рыскину.

В библиографоведческих работах возникновение литературной библиографии специально не рассматривалось, хотя многие авторы в своих суждениях о ней, по существу, исходили из предположения, что история литературоведения и история литературной библиографии генетически представляют собой историю сдвоенного предмета, другие упрощенно видели два ряда, параллельно развивающихся и независимых друг от друга.

Процесс возникновения и развития литературоведения и литературной библиографии был довольно сложным. В течение долгого времени наука о литературе и библиография развивались как единое и неделимое целое, и вычленились из него по уровню своего объекта и общественных функций лишь в середине XIX века.

Стадия зарождения и формирования нерасчлененных литературоведения и литературной библиографии охватывает сравнительно большой период. В эмбриональном состоянии их элементы присутствуют уже в древней русской литературе — с момента возникновения письменности. Независимо от содержания, формы и назначения, произведения письменности собирались и комментировались, накапливались данные из биографий и деяний их авторов и от случая к случаю описывались. Постепенно эти характеристики увеличивались в объеме.

В древней русской литературе возникли и укрепились традиции давать объяснения и «толкования» неудобно понимаемому речем, книжным образам, именам исторических лиц — все это располагалось в алфавите толкуемых слов и было началом русских энциклопедических словарей, «алфавитов», или «азбуковников», получивших распространение на Руси в XVI—XVII веках*. Это были «эле-

* История русской критики: В 2-х т. М.; Л., 1958, т. 1, с. 33.

менты» будущей истории литературы и литературной библиографии.

В XVIII веке число таких «элементов» в русской культуре немало увеличилось, они приобрели иной характер, появились новые формы. Этот процесс был связан, главным образом, с возникновением периодической печати и зарождением в ней журнальной библиографии. Все чаще страницы периодических изданий предоставлялись библиографическим материалам — информационным аннотациям и рецензиям, которые на первых порах зачастую имели библиографический характер: ограничивались изложением сюжета произведения, для ознакомления читателя со «слогом» включали в себя фрагменты из них. Несколько позже стали печататься библиографические обзоры, списки, напоминающие текущий библиографический учет книг.

В процессе развития журналистики и изменения читательских потребностей происходит дифференциация этих форм, выделение критики, первое оформление ее жанров. Информационно-библиографическая рецензия постепенно превращается в один из ведущих жанров критики. Иногда она становилась поводом для высказывания серьезных суждений о проблемах, волновавших современников, использовалась и в качестве предлога для размышления об отвлеченных вопросах, перерастая в критическую, обобщающую статью. Критика берет на себя задачу организатора и выразителя общественного мнения по литературным и общественным проблемам. Эта направленность критики особенно ярко проявилась в журналистской деятельности Н. И. Новикова.

И в общественной жизни и в журналистике с каждым годом возрастало значение литературной критики, интенсивнее развивались ее жанры, что привело к дальнейшей дифференциации критики и библиографии. Критическая оценка, критический анализ книги постепенно становились необходимой принадлежностью русской периодики и вытесняли основные библиографические жанры.

Говоря о разграничении общественных функций и объектов критики и библиографии, следует заметить, что в «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова (124), в работах современных историков и теоретиков библиографии бросается в глаза зыбкость позиций при

рассмотрении процессов зарождения и развития русской библиографии и литературной критики, что выражается в игнорировании существенных признаков литературной критики и библиографии.

По убеждению Н. В. Здобнова, журнальные рецензии на книги есть библиография. Эти воззрения Здобнова оказали сильное влияние на историков библиографии, на их представления о журнальной библиографии XVIII—XIX веков. Можно сослаться, например, на концепцию, положенную в основу вузовского учебника «Библиография. Общий курс» (224), на работы Л. М. Равич, на некоторые кандидатские диссертации и статьи (например, И. Ф. Мартынова) (227).

Л. М. Равич и А. И. Барсук (254), отрицая существование «критической библиографии» в наше время, занимают иную позицию в отношении XVIII и первой половины XIX века. Заметим, что в отличие от Здобнова, Равич (а вслед за ней и другие авторы) пользуется термином «критико-библиографическая информация», который, в ее понимании, синонимичен термину «критическая библиография». Что это именно так, показывает разъяснение самой Равич: «Думается, что по отношению к журнальной библиографии первой половины XIX века, представлявшей собой критико-библиографическую информацию о вновь выходящих произведениях печати, — этот термин как нельзя более правомерен»; «журнальная библиография... отвечала тем требованиям, которые ныне предъявляют к библиографии критической» (199, с. 128). Равич пишет, что бессистемность и случайность отбора, свойственные «библиографическим» отделам современных нам журналов, — «...первый признак того, что перед нами отнюдь не библиография» (228, с. 63). Вместе с тем она утверждает: в русле истории библиографии следует вводить отделы критики и библиографии журналов не любой эпохи, а только лишь первой половины XIX века. Всякие же попытки рассмотрения рецензий в истории библиографии других периодов следует считать неким анахронизмом. Таким образом, получается, что если бы современные журналы помещали рецензии не случайно, а в определенной системе, тогда они относились бы к библиографии и жанровыми особенностями, и методически, и организационно, т. е. рецензии автоматически превратили бы соответствующие отделы журналов в библиографию.

В качестве наглядного примера понимания того, что такое «критико-библиографическая информация», приведем фрагменты из статьи И. Ф. Мартынова: рецензенты «высказывали свои взгляды по тем или иным вопросам общественной, научной и литературной жизни»; «рецензенты журнала, чуждые мелочным придиркам и личным выгодам, последовательно отстаивали свои политические, эстетические и научные позиции, непримиримо выступали против абсолютистского произвола, против схоластики и суеверия, против ремесленничества в литературе»; «лаконичные журнальные рецензии ярко и убедительно пропагандировали их политические и эстетические взгляды, расчищали дорогу новому направлению. Они знаменовали качественно новый этап в развитии критико-библиографической информации» (227, с. 125, 130, 132).

Историческое рассмотрение явлений предполагает анализ тех ростков, из которых в дальнейшем вырастут библиография и критика как самостоятельные феномены.

Качественные изменения в содержании и форме элементов критики и истории литературы, в библиографических ростках наиболее отчетливо проявились в литературных обзорах, которые утвердились в общественной жизни XVIII века и представляли собой расположенные в алфавитном порядке небольшие статьи словарного характера об отдельных писателях. Здесь надо назвать «Примечания на употребленные в сих эпистолах стихотворцев имена» А. П. Сумарокова, приложенные к его «Эпистоле о стихотворстве» (1747 г.). По словам П. Н. Беркова, «Примечания» были «первым русским словарем писателей»*. К ним по времени опубликования примыкает «Известие о некоторых русских писателях» А. А. Волкова (1768 г.). Особое положение в этом ряду занимает «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772 г.). В. Г. Белинский считал, что «Опыт» — «богатый факт собственно литературной критики того времени»**. Появление книги знаменовало собой начало обособления критики в самостоятельную область, а ее автор по праву считается

* Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. 1. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., 1964, с. 22.

** Белинский В. Г. Речь о критике. — Полн. собр. соч. М., 1955, т. 6, с. 321.

первым русским историком литературы. Опубликование названных работ, особенно «Опыта» Новикова, обозначило начальный этап процесса зарождения русского литературоведения. Но «Опыт» и другие подобного типа словари нельзя относить к библиографии, как это делал Н. В. Здобнов (124) и его последователи (224). В «Опыте» в лучшем случае можно обнаружить лишь в зачаточном состоянии библиографические элементы, не более того. «Библиографическое» в нем сводится только к тому, что иногда приводятся фактические данные о том или другом писателе: «сочинил две книги», «писал много стихов, но печатных нигде нет», «перевел на российский язык немало весьма изрядных и полезных книг». Из более трехсот развернутых и кратких статей, помещенных в «Опыте», только три содержат сведения, которые в известном смысле можно назвать библиографическими: в очерках об архиепископе Амвросии, Феофане Прокоповиче и В. К. Тредиаковском даются напоминающие библиографические перечни их работ.

Такого рода элементы не формировали библиографическую специфику, они не обладали, хотя бы в минимальной степени, независимостью, сливались с критикой и историей литературы. Выработанных в XVIII веке библиографических элементов в периодической печати, в «словарях» оказалось недостаточно, чтобы можно было говорить о самостоятельном развитии библиографии, со своей, только ей присущей спецификой.

2

Изменения в содержании и форме подачи критических и библиографических материалов, публикуемых в периодической печати, издаваемых отдельными книгами, стали ощущаться лишь с первого и особенно второго десятилетия XIX века, когда возникли новые идеи в методологии познания и оценке явлений литературной жизни.

Принципиально новое в прояснение сущности литературного процесса внесла декабристская критика. Боевая критика декабристов не могла существовать в прежних сковывающих границах. Она разрушила рамки обзора, создав новую форму — ежегодные или полугодовые обзоры литературы, осуществленные впервые А. А. Бестужевым и так блестяще продолженные Белинским. Эти обзоры уже имели мало общего с критико-

библиографическими обзорами прошлого, в них поднимались важные и животрепещущие проблемы политической и литературной современности.

Закреплением тенденций декабристской критики и особенно, конечно, деятельностью В. Г. Белинского был окончательно определен предмет литературной критики, ее общественные функции. Она сделалась самостоятельной областью культуры, стала влиять на развитие литературной библиографии, с которой когда-то находилась в неразрывном органическом единстве. Этот процесс оказывает необратимое влияние на отпочкование литературной библиографии от критики и истории литературы. Начинают очерчиваться ее задачи, функции и границы, формируются элементы ее объекта.

Подобные перемены в литературной критике и новые ростки в библиографии способствовали изменению в содержании публикуемых материалов на страницах литературно-художественных журналов и утверждению новых библиографических жанров. Так, издаваемый Н. И. Гречем «Сын отечества» стремился «помещать известия обо всех выходящих в России книгах, на каком бы языке и какого бы содержания они ни были» (19). Для этих целей в журнале велся отдел «Современная русская библиография», в котором печатались сообщения о книгах, нередко без всяких аннотаций. Благодаря журналу в России была введена текущая библиография, были обозначены ее цели и задачи. В «Современной русской библиографии» публиковались и критические рецензии. Статьи раздела «Критика» отличались от них тем, что, как писал Н. И. Греч, «сочинитель замечания», которое помещалось в «Современной русской библиографии», «изъявляет в нем общее мнение свое о каком-нибудь литературном произведении, не входя в его рассмотрение. Он произносит свое мнение решительно только о тех книгах, которые очевидно порождены невежеством, и, что всего хуже — корыстолюбием, и которые также мало заслуживают критики». Критика же, по мнению Греча, это — «суд» (18). Поэтому в отделе «Критика» печатались более обширные по объему статьи и посвящены они были книгам, которые давали возможность редакции высказать соображения, представлявшие наиболее актуальный интерес для общества или литературы. Журнал еще недостаточно определенно проводил разграничительную линию между литературной крити-

кой и библиографией, их функции не были еще четко осознаны. Впрочем, это было характерно не только для «Сына отечества», оно было типичным почти для всех журналов той поры. Примерно такой же библиография виделась и другим крупным деятелям культуры того времени, в частности П. И. Кеппену, издателю «Библиографических листов».

Одновременно с этим за библиографией закрепляется подытоживающая функция, в данном случае — быть регистратором книжной продукции, информатором читателя о ней. Показательна в этом смысле заметка, помещенная в газете «Северная пчела», которая, сожалея о прекращении «Библиографических листов», писала: «Труды библиографов заслуживают тем большее внимание и признательность любителей наук, что они почтенные мужья, отрекаясь от удовольствия и славы быть авторами, посвящают все время свое на утомительное и неблагодарное собирание, исчисление, указание и дополнение чужих работ. Отказываясь от хвалы современников, они ищут возмездия в скромной признательности будущего историка, который, в тишине кабинета своего, безмолвно поблагодарит их за пользу, доставленную ему тяжелыми и неусыпными трудами» (23).

Новым значительным шагом в развитии литературной критики и литературной библиографии была деятельность Н. А. Полевого в его журнале «Московский телеграф», по словам Белинского, «лучшем журнале в России, от начала журналистики»*. Поначалу крупные по объему статьи и небольшие критические отзывы, заметки печатались в «Московском телеграфе» в одном отделе, или, как его именовал Полевой, в «статье». «Цель сей статьи — по возможности большее ознакомление соотечественников с литературами иностранными и обзорение литературы отечественной», — писал он. Позже, для того, «чтобы не смешивать ученых известий о книгах с легкими общими замечаниями», он разделяет критику и библиографию. В отделе «Критика», писал он, «будут помещаемы большие разборы книг важных — иностранных и отечественных... Общие библиографические замечания, обзоры отделов литератур и вообще литературы какого-нибудь народа, словом —

* Белинский В. Г. Николай Николаевич Полевой. — Полн. собр. соч. М., 1955, т. 9, с. 693.

краткие известия о литературах иностранных и отечественной будут помещаемы в *Библиографии*. И заключая объяснение читателю причин «разделения», он указывает на основную задачу и критического и библиографического отделов: «Если успеем обратить внимание на сотню хороших книг в статье критики, показать замечательнейшие точки зрения в иностранных литературах, предостеречь читателей от траты времени на чтение каких-нибудь произведений литературного удачества и промышленности — надеемся, читатели Телеграфа простят недостатки критических и библиографических наших известий» (21). К разъяснению своего понимания целей и задач библиографического отдела в «Московском телеграфе» Полевой возвращается снова в другой статье: «Но цель нашей библиографии состояла не в том, чтоб показать *все что печатается в России*. Мы хотели не столько исчислять все что напечатано, сколько стараться дать полное понятие о ходе, духе, направлении русской литературы. Если мы успели сказать несколько полезных истин, заметить то, что вредит, что способствует ее успехам, если наконец, некоторые замечания наши внушили кому-нибудь новые для него идеи, а другим старание совершенствовать труды свои, мы почитаем цель свою достигнутою» (22).

Все это свидетельствует, что тут дело вовсе не в том, что «Полевой в „Московском телеграфе“ впервые поставил вопрос о разграничении критики и библиографии», и отнюдь не в том, что он «не ограничивал библиографию формальными задачами» (124.1, с. 186), и совсем не в том, что он не отличал библиографию как источник информации, — он это отлично понимал: «при увеличивающемся непрерывно числе книг, нам необходимою становится библиография — наука описывать книги по известным правилам» (20), а в том, что для Н. А. Полевого все то, что печаталось в разделе «Критика», и все то, что составляло суть отдела «Библиография» — неразрывно, и имя ему — литературная критика. Именно в этом заключается прогрессивная позиция по этому вопросу и Полевого и — позже — Пушкина, Гоголя, Белинского. Разделение же Полевым в журнале «критики» и «библиографии» совсем не вытекало из какой-то отличительной сущности материалов, помещаемых в том и другом отделах, а вызывалось поисками наиболее удобного размещения материала в журнале, легкостью его

нахождения читателями. И это начинание, эта практическая мера Полевого, лишенная каких бы то ни было принципиальных решений, не будет поддержана Белинским.

Таким образом, критика прочно утвердилась в журналистике начала XIX века, стала ее обязательной принадлежностью. Одновременно с этим происходит дальнейшее углубление размежевания критики и библиографии в собственном смысле этого слова. Библиография постепенно вытесняется критикой со страниц литературных журналов, остаются лишь информационно-библиографические аннотации и рецензии, обзоры, выборочные списки только что выпущенных в свет книг. В «библиографических» отделах журналов доминирует критическая рецензия — мобильный жанр критики. Попытки отдельных литературных журналов публиковать на своих страницах собственно библиографию, т. е. вести учет книжной продукции без ее критической характеристики, вызывает неодобрение современников. Так, редактор и издатель «Телескопа» Н. И. Надеждин резко отрицательно оценил публикацию в погодинском «Московском вестнике» неплохо библиографически выполненного указателя В. Д. Комовского. Он даже утверждал, что своим «Списком» В. Д. Комовский оттолкнул многих подписчиков журнала и способствовал прекращению его существования: «Весьма недавно один московский журнал вздумал подарить своим читателей полную *Библиографию русских книг* за предпрошлый год; и сие похвальное усердие, стоившее конечно ему немалых трудов, было вознаграждено так же, как усердие проповедника, который, по окончании слишком назидательного слова, должен был сам запереть церковные двери». В журналах, полагал Н. И. Надеждин, должны печататься рецензии на книги, в которых рецензент обязан говорить их авторам «горькую правду прямо в глаза; и не обвиняясь стирать пятна, полагаемые им на святых скрижалях отечественного просвещения!...» (25).

Принципиальное значение для уяснения задач и функций литературной критики, определения объекта и границ литературной библиографии имела деятельность А. С. Пушкина — журналиста и критика. В его «Современнике» велся отдел «Новые книги». Руководство отделом первого номера «Современника» А. С. Пушкин поручил молодому Н. В. Гоголю, который написал для

«Новых книг» большинство небольших критических заметок.

А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь критике придавали особое значение, видели в ней важнейшее средство литературного развития. «Состояние критики,— подчеркивал Пушкин,— само по себе показывает степень образованности всей литературы»*.

Развивая свое понимание задач критики и библиографии, Пушкин в статье, опубликованной в «Литературной газете» в 1830 году, писал: «... произведения нашей литературы, как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч... Эти семейственные шутки должны иметь свой ключ и вероятно очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла... Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих» (24).

Он находил, что критика в журнале не должна «ограничиваться сухими библиографическими известиями»: это удел библиографии. При этом он вовсе не считал, что литературная критика отличается от библиографии более или менее подробным и обстоятельным изложением проблем. Напротив, для Пушкина-критика характерна сжатость, почти афористичность выражения своих мыслей. Пушкин «открыл средство в критике, в простом извещении об книге, быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах»,— находил современник поэта И. В. Киреевский**.

«Новые книги» состояли и из «сухих библиографических известий» и из критических заметок и статей. Журнал, по словам Белинского, стремился быть «чем-то живым и деятельным», однако «Новым книгам» еще недоставало именно этого, что и заключало в себе, по его мнению, «главный недостаток в „Современнике“» (28, с. 179).

* Пушкин А. С. <Опровержение на критики>. — Полн. собр. соч. М.: Л., 1949, т. 11, с. 143.

** Киреевский И. В. Письма Киреевского из-за границы. — Полн. собр. соч. в 2-х т. М., 1911, т. 1, с. 18—19.

Пушкину или Гоголю (авторство окончательно не установлено) (221, с. 39—44) принадлежит заключительная заметка к «Новым книгам». Она содержит всего 137 слов, но каких слов! «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года,— читаем заметку.— О большой части их мы ничего не говорили, потому что о них решительно ничего нельзя сказать. Иные по значительности своей требуют особого разбора. Иные, взятые отдельно, не принадлежат собственно к словесности, которой преимущественно посвящен журнал наш, но, будучи сложены в общий итог книг, входят таким образом в область литературы и в этом отношении получили здесь место. Из сего реестра книг ощутительно заметно преобладание романа и повести, этих властелинов современной литературы. Их почти вдвое больше против числа других книг. Беспрерывным появлением в свет они, несмотря на глубокое свое ничтожество, свидетельствуют о всеобщей потребности. История заглядывает урывками в русскую литературу. Капитальных и больших исторических сочинений нет ни в переводах, ни в оригиналах. На статистику и экономию одни намеки. Даже в значении практических, не вторгающихся в быт литературный, заметно тоже мелководие»*.

Как видим, заметка никак не может быть причислена к «библиографической характеристике». Пафос ее в резко отрицательном отзыве об основной массе книг начала 1836 года. Заметка привлекла особое внимание дореволюционных и советских литературоведов и библиографов; о ней писали П. А. Кулиш, Н. С. Тихонравов, Н. О. Лернер, Н. В. Здобнов, Е. И. Рыскин и многие другие.

Эта заметка, написанная с пушкинским лаконизмом, имеет огромное значение для познания новаторства Пушкина в определении жанров критики, в отграничении литературной критики и литературной библиографии. Оценка книг в отделе «Новые книги» для Пушкина и Гоголя не род занятий библиографией, не библиография, а один из жанров критики, «малая критика», как впоследствии этот жанр назовет Белинский. Именно эта позиция Пушкина, подчеркнутое предпочтение, которое он оказывал литературной критике перед литературной библиографией, показывают бесспорную близость

* Гоголь Н. В. Заключительная заметка к отделу «Новые книги». — Полн. собр. соч. М.: Л., 1952, т. 8, с. 498—499.

А. С. Пушкина и В. Г. Белинского в понимании задач, стоявших перед литературной критикой и литературной библиографией.

В противоположность этому представители иных взглядов на объект библиографии, ее границы и функции, в частности Н. В. Здобнов, утверждают: Пушкин в заметке, «подводя „общий итог книг“ за первую четверть 1836 г., сделал смелые выводы», первый в библиографии «сделал культурно-политические обобщения», и это была «не обычная информация о новых книгах, не обычное рецензирование книг, а библиографические обобщения были основной задачей библиографического отдела пушкинского „Современника“» (124.1, с. 192—193; 116).

Задачу «поддержать известные уже нам положения» Н. В. Здобнова, «обогадив их новыми фактами, развивать их» поставил перед собой А. Н. Горецкий, автор кандидатской диссертации «А. С. Пушкин и библиография» (129). Он даже критикует Н. В. Здобнова за «явно недостаточный» вывод: «не учтено, что Пушкин был библиографом, знавшим свое место в истории отечественной библиографии, и своей библиографической работой двигал русскую библиографию вперед, содействуя ее развитию». Сам диссертант находил, что он определил это «место и значение в русской библиографии» Пушкина путем характеристики не только его рецензий, но и благодаря анализу художественных произведений — «в основном его лирики и поэм», а «Городок», по мнению Горецкого, дает — ни больше ни меньше — «новую форму библиографических материалов» — «обозрение в стихах».

3

Новую страницу в литературной критике открыл В. Г. Белинский. Он наметил ее методологические принципы, указал на отличия литературной критики и библиографии. В статье «Общее значение слова литература» Белинский определил роль и задачи библиографии. Устанавливая различие между понятиями «словесность» и «литература», он отмечает, что все, что находит выражение в слове, принадлежит области словесности. Под литературой Белинский понимал «или словесность народа, исторически развивавшуюся и отражающую в себе народное сознание, или какую-нибудь отрасль сло-

весности, обнимающую собою известную сторону искусства и науки» (29, с. 621).

Согласно концепции Белинского, словесность тем и отличается от литературы, что не представляет собой органического, следственно-причинного развития. «И поэтому, — утверждал Белинский, — всякая литература имеет свою историю, тогда как словесность может иметь только библиографию... Задача библиографии состоит только в том, чтобы описать каждое из данных произведений словесности по его содержанию, форме, особенностям. Библиография говорит просто: такая-то рукопись или книга включает в себе то-то и то-то, принадлежит она к такому-то веку, писана на пергамене или на бумаге, уставом, столбцами, или печатана таким-то шрифтом, в такую-то долю листа, и т. п. Если библиография соблюдает какой-нибудь порядок, то всегда внешний, для удобства употребления, а не по требованию сущности предмета; она классифицирует рукописи и книги, как классифицируют их каталоги и реестры» (29, с. 637).

Следовательно, роль и задачи библиографии мыслились Белинским как чисто информационные: сама библиография не несет в себе никаких функций, присущих литературной критике. Это положение может служить исходным при выяснении суждений Белинского о задачах, функциях и общественном назначении библиографии. Тут мы подходим к современным работам, комментирующим взгляды Белинского на критику и библиографию.

В. Г. Белинский принадлежит к числу тех великих критиков, к высказываниям которого о библиографии приковано внимание многих теоретиков и историков библиографии. Но следует отметить одну существенную особенность: их теоретические доказательства основываются не на анализе существа затронутых Белинским проблем, а на цитировании выдержек из его статей, в которых он употребляет слово «библиография». Не считаясь с мотивами использования Белинским слова «библиография», эти библиографоведы наделяют его несвойственными ему чертами — поборника «критической библиографии».

Белинский, обращаясь к критическим материалам, опубликованным на страницах периодической печати, как было принято в то время, употреблял слово «биб-

либграфия» в двух смыслах: и тогда, когда обозначал библиографические явления в собственном значении этого слова, и тогда, когда говорил о разновидностях критики: рецензии, заметке, полемике. В последнем случае он всегда имел в виду «малую», «низшую», «практическую» критику.

Решительно выступая против двойного деления критики «на большую, или собственно критику, и малую, или рецензию» (30, с. 49), Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» указывал на их видовую несхожесть: «под критикой разумеется статья известного объема и даже особенного от рецензии тона» (30, с. 49). «Под словом „полемика“ я разумею здесь,— писал он в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“»,—не брань, не споры, а все, что называется рецензией и простым выражением мнения о каком-нибудь литературном предмете. Цель критики высокая — проверка фактов умозрением... цель полемики низшая — защита здравого смысла» (27, с. 124). Аналогичные положения Белинский развивал и в других своих работах. К примеру, в статье «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю „Телескопа“ за последнее полугодие (1835) русской литературы» эту «малую критику» он называл «низшей, практической критикой, столь необходимой, столь важной, столь полезной и для публики и для журнала» (26, с. 48). Эта разновидность критики, подчеркивал Белинский, предоставляет журналисту большие возможности для высказывания «какой-нибудь дельной мысли», а при разборе даже вздорной книги «привязать какое-нибудь важное суждение».

Ставя в центр своего внимания критику, Белинский не забывал и о журнальной библиографии. В той же статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он предупреждал своего читателя, что к книжкам «Современника», «от времени до времени», будут прилагаться «полные библиографические списки всех, без исключения, выходящих в России книг на русском языке, с обозначением типографии, формата, числа страниц и даже, по возможности, цен» (30, с. 50).

Приверженцы же «критической библиографии», сторонники размывания границ между критикой и библиографией приписывают Белинскому идеи, которых он никогда не придерживался. Тут на первое место надо поставить «Историю русской библиографии» Н. В. Здоб-

нова (124). Почти ничем не отличается от его позиции точка зрения авторов учебника «Библиография. Общий курс» (224). По существу, ее разделяет и С. А. Трубников, считающий, что объемы понятий литературная критика и литературная библиография «находятся в настолько тесной связи, что в определенных случаях переходят друг в друга» и что поэтому Белинский называл библиографию «малой критикой», а в своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он «сетовал на то, что трудно провести грань между библиографией и критикой» (230, с. 15).

На самом деле Белинский ни в этой, ни в какой-либо другой статье ничего подобного не говорил. В статье, цитируемой С. А. Трубниковым, он писал об организации отделов критики и библиографии в «Современнике», о том, что «почти во всех других журналах критика составляет особый от библиографии отдел» и что сам Белинский «семилетним тяжким опытом дознал невыгоду такого деления». Ведомству серьезной критики, поясняет Белинский, подлежат замечательные книги, «представляя отчеты наши публике о всех более или менее примечательных явлениях русской литературы, мы не будем нисколько заботиться, что выйдет из нашего разбора — критика или рецензия. Пусть сами читатели наши решают это, каждый по своему вкусу и разумению. Этим мы надеемся доставить им услугу, избавив журнал наш от балласта многословия и надутости, неизбежного иногда при двойном делении критики: на большую, или собственно критику, и малую, или рецензию. Критика наша, как мы сказали выше, будет обращать внимание на все сколько-нибудь замечательные сочинения по части русской истории; затем более всего обратит она свое внимание на произведения чисто литературные; но в отношении и к ним мы не обещаем полной библиографии, ибо о книгах ничтожных даже отрицательно, по нашему мнению, не стоит труда ни писать, ни читать» (30, с. 49).

Итак, трактовка взглядов Белинского на библиографию Н. В. Здобновым, авторами вузовского учебника, С. А. Трубниковым и рядом других библиографоведов не включает в себе ничего, что следовало бы считать принципиально верным. Но такое толкование проявляет в советском библиографоведении известную живучесть. Это происходит потому, что оно служит оружием защи-

ты «критической библиографии» (или, по-иному, «критико-библиографической информации») и представляет собой часть основной проблемы — понимания исходной сущностной природы библиографии. Этим и объясняется тот факт, что поборники введения «критической библиографии» в рамки библиографии на правах ее вида склонны приписывать Белинскому идеи, которых он не высказывал, и усматривать зависимость своего понимания библиографии от взглядов Белинского там, где ее вовсе нет.

Примечательно и то, что в библиографоведении развилась точка зрения, согласно которой следует считать, что интерпретация «критической библиографии», которой придерживался Н. В. Здобнов и другие авторы, могла возникнуть «только благодаря, во-первых, переносу на библиографию положений В. Г. Белинского, относящихся к литературной критике, и, во-вторых, известной противоречивости высказываний самого В. Г. Белинского, вызванной нерасчлененностью журнальных критических и библиографических жанров». Этот тезис развивает О. П. Коршунов в книге «Проблемы общей теории библиографии» (257, с. 81).

Первое из этих утверждений не вызывает возражений. Второе — находится в прямом противоречии с воззрениями Белинского.

4

Коренные изменения в литературной библиографии произошли в середине XIX века. Именно в это время неизмеримо возрос интерес к прошлому русской литературы и начала оформляться в самостоятельную научную дисциплину история литературы. Этот процесс был исключительно активным и затрагивал самые разные стороны литературоведческой методологии.

Господствующим в литературоведении стал новый метод научного исследования — историзм. В его основе лежали сравнительно-исторический подход к изучению фольклора и культурно-исторический принцип научного познания литературно-художественных явлений, требовавшие выяснения причинных связей и исторических закономерностей развития литературы. Новое направление формировалось под влиянием идей Белинского о принципах историзма при уяснении сущности литературы.

Становление истории литературы и, следовательно, литературной библиографии протекало в сложных условиях, под знаком окончательного формирования революционно-демократической идеологии, с одной стороны, и критики и ревизии наследия Белинского, антидемократической, буржуазной критики — с другой.

Отход от традиционных литературных приемов, полнейшая перестройка методологии изучения литературы предопределили глубинное переосмысление целей, общественных функций и границ литературной библиографии. На первый план выдвинулись задачи разыскания и накопления различного рода и значения фактов, потребность создания таких библиографических трудов, которые бы исчерпывающе учитывали все материалы без каких бы то ни было ограничений и охватывали весь обширнейший круг писателей, их произведений и материалов об их жизни, творчестве и деятельности, зарегистрировали источники, относящиеся к истории культуры и общественной мысли. К тому же литературная библиография в то время развивалась как дисциплина, неотделимой частью которой была текстология. В сферу библиографии входила не только библиографическая информация, но и определение качества издания, критическая проверка текста, установление канонического текста, сличение текстов по различным публикациям и рукописям, изучение вариантов, атрибутирование текстов, выяснение даты написания и опубликования и т. п. В таком неразрывном единстве библиография и текстология находились сравнительно долго, только в советское время текстология становится самостоятельной вспомогательной отраслью филологической науки. Подобное историко-литературное и «библиографическое» изучение литературы отвечало потребности времени: надо было накопить факты из истории литературы и общественной мысли для последующего их осознания. «Несомненный успех обширных журнальных статей, даже отдельных книг, посвященных таким критико-библиографическим исследованиям, доказывает, что они, к счастью, приходятся по вкусу читателям», — писал М. Н. Лонгинов (34). Начали выходить специальные периодические журналы («Книжный вестник», «Библиографические записки»), систематически публиковавшие такого рода материал. В них сотрудничали крупнейшие литературоведы и библиографы — А. Н. Афанасьев,

П. А. Ефремов, П. П. Пекарский, Н. С. Тихонравов, М. Н. Лонгинов, Г. Н. Геннади, С. И. Пономарев.

Вместе с тем в условиях недостаточной расчлененности литературной библиографии и истории литературы, полного слияния литературной библиографии и текстологии, границы библиографии настолько оказались размытыми, что она стала подменять собой критику и историю литературы. Эта особая сложность развития привела к резкому размежеванию сил в критике, литературоведении и библиографии.

Революционно-демократическая критика, разумеется, не отрицала положительного значения библиографии, однако она внесла резкие коррективы в оценку библиографических явлений, отводя библиографии вспомогательную роль в науке. И в этом выражается глубокое новаторство революционеров-демократов, которые уловили специфичность библиографии в выполнении ею общественных функций. «Я признаю важность библиографии, как вспомогательной науки для истории литературы», — подчеркивал Н. Г. Чернышевский (31). «В настоящее время никто не сомневается в пользе библиографических указателей, и потому нельзя не быть признательным г. Ламбину, библиотекарю Академии наук, за его „Указатель“, составленный с полным знанием дела», — отмечал он в другом месте (37).

Само собой разумеется, что революционно-демократический лагерь подверг беспощадному осуждению всякую подмену исследований критикой и историей литературы литературных явлений «библиографическим» их изучением. Чернышевский и Добролюбов остро и непримиримо боролись с этим ложным направлением, толкавшим критику и литературоведение на «библиографический» путь изучения литературы, культивировавшим вместо теоретического ее осмысления и глубокого историко-литературного обобщения крохоборство, копание в текстологических мелочах.

Эта тенденция в критике и литературоведении особенно сильно давала о себе знать после смерти Белинского, когда наблюдался отход от заветов революционной демократии, от обсуждения злободневных общественных проблем к мелкотемью, рыхлости, описательности, узкому эмпиризму, подмене глубокого идейно-художественного анализа литературных произведений фактографическим комментированием. Началось, по словам

Добролюбова, «фактическое, или, лучше, библиографическое, направление критики» (38, с. 184). В одном из программных выступлений «Современника» в статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859 г.), Добролюбов писал: «...какой-то летаргический сон, прерываемый только библиографическим храпом и патристическими грезами» (в связи с Крымской войной. — Ю. Л.), литераторы «бродили как потерянные» (45).

Такую же принципиальную характеристику уродливых направлений в литературной критике и литературной библиографии дал и Чернышевский. В письме Н. И. Костомарову он писал: «Как пример перемены, происшедшей во всех областях умственной деятельности, укажу вам современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию. Место Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и смирдинский каталог с тремя прибавлениями... Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимавшихся критикой, как средством распространения человеческого взгляда на вещи; они обвиняют их в неосновательности за то, что, говоря, например, о Ломоносове, не описывали они формата, шрифта и т. д. всех изданий Ломоносова» (31). Показательно высказывание Чернышевского в его «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «...была мода на библиографию, прославившиеся в то время библиографы были превозносимы особенно за то, что чрез них критическая история нашей литературы воздвигается на основании совершенно новом — на основании разработки фактов, о необходимости которой (будто бы) прежде у нас и не думали, считая (будто бы) подробное исследование фактов бесполезным. К этим похвалам присоединялись упреки Белинскому за то, что он, сам (будто бы) пренебрегая разработкою фактов, доказывал (будто бы) бесполезность ее» (35).

Еще более резкой, саркастической критике подвергала «библиографическое» направление в критике и в самой библиографии статья Добролюбова о «Собеседнике любителей русского слова» (38), острая оценка дана в рецензии на VII, дополнительный, том анненковского издания «Сочинений» Пушкина (39), в рецензии на стихотворения М. П. Розенгейма (41), в отзыве об издании А. Н. Афанасьевым русских сатирических жур-

налов XVIII века «Поденьшина», «Пустомеля», «Кошелек» (42) и в др.

К статье о «Собеседнике» Добролюбов приложил обширные «Библиографические заметки», по поводу которых он иронически отмечал: «Здесь будет списано отчасти и оглавление „Собеседника“, и представлен счет страниц его, и показаны опечатки, и высказаны „требовавшие обширной эрудиции“ соображения о том, кого скрывала такая-то подпись из начальных букв и кому могло бы принадлежать такое-то четверостишие без подписи, — словом, все то, что так постоянно оставалось неразрезанным в наших журналах последних годов. В самом же сочинении читатель найдет только готовые выводы и самые необходимые соображения касательно важнейших вещей. Это даст мне более свободы в моем изложении, позволит подробнее и вернее проследить дух и направление журнала, оставит более простора соображениям критическим и собственно литературным» (38, с. 185). Было бы глубоко ошибочно считать, что Добролюбов здесь высмеивает библиографию. Главное для него — развенчать «библиографическое направление критики».

Добролюбов, как и Чернышевский, отводил библиографии вспомогательную роль. По его мнению, библиография должна собирать факты, указывать, где помещено то или иное произведение, отмечать изменения в тексте, сделанные при его редактировании, устанавливать дату написания и опубликования произведения. Выводы же и обобщения — это задача не библиографии, а критики и литературоведения, которым библиография предоставляет материал. Нельзя сомневаться, что Добролюбов ценил библиографию, с большим пониманием относился к труду библиографа. «В самом деле, — писал он, — их занятия трудны и почтенны, и если достоинство каждого дела мерять его трудностью, то едва ли в области умственной найдется труд более достойный... Уважаю я труд библиографа...» (38, с. 184). При этом он решительно подчеркивал вспомогательные функции библиографии: «Это несчастные носильщики, перетаскивающие камни к месту стройки; это жалкие рудокопы, копающие землю, чтобы отыскать в ее горах зернышко золота. Они полезны, они необходимы, они даже достойны уважения; но позвольте мне все-таки более уважать архитектора, распоряжающегося стройкой, геолога,

указывающего руду. Их дело, может быть, требует менее постоянного, тяжелого, изнурительного труда; но я знаю, что они-то именно и придают значение трудам каменщиков и рудокопов, что от них-то мир может ожидать открытий и планов, на исполнение которых всегда найдется довольно людей» (38, с. 184).

Толкованием взглядов Добролюбова на библиографию, выраженных им в «Собеседнике», занимались многие советские библиографы и литературоведы. Наиболее верной представляется нам интерпретация Ю. И. Масанова в его статье «Добролюбов и Чернышевский о библиографии и библиографическом направлении в литературной критике» (159). Н. В. Здобнов, который первым обратился к изучению вклада Добролюбова в библиографию (113), без всяких на то оснований утверждал, что статья Добролюбова представляла собой «библиографическое исследование, библиографическое обобщение журнального материала с культурно-историческими выводами», что Добролюбов «требовал от библиографов, чтобы они не останавливались на полпути, не ограничивали свои задачи библиографическими разысканиями и указателями, а шли дальше и доводили свою работу до конца» (124.1, с. 278, 281).

Прямым следствием библиографического направления в критике был «библиографизм» библиографии, точнее, текстологии: появляются собрания сочинений, снабженные без особой необходимости обширнейшими библиографическими комментариями, обзорами, содержащими разнохарактерные сведения о предшествующих изданиях автора и критических отзывах о его жизни, деятельности и творчестве, когда-либо и где-либо появлявшихся различного рода библиографическими указателями; в стремлении к исчерпывающей полноте изданий, включались в качестве самостоятельных произведений случайные варианты, фрагменты, авторство которых не было определено, практиковалась «доработка» за автора незаконченного произведения и т. п.

Поводом для выступления Н. А. Некрасова против «библиографизма» в самой библиографии (в текстологии) было исаковское издание «Сочинений» А. С. Пушкина, которое редактировал библиограф Г. Н. Геннадий. Геннадий не имел в своем распоряжении никаких подлинных пушкинских материалов, однако стремился к исчерпывающей полноте, вставлял в текст фрагменты из чер-

новики, неточно опубликованных П. В. Анненковым в «Сочинениях Пушкина с приложением материалов для его биографии». Такая редакторская работа подверглась убийственному сарказму Некрасова.

Некрасов в форме письма из провинции поместил фельетон «Г. Геннади, исправляющий Пушкина» (46), в котором обескураженный читатель якобы пишет: «Г. Геннади, становяте теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта... Прошу вас сообщить мне, справедливо ли известие, будто готовится еще издание сочинений Пушкина, уже вполне удовлетворяющее требованиям библиографической науки, издание, как пишут мне, драгоценное для людей ученых, но которого я не куплю, ибо в нем, слышно, будут все стихотворения Пушкина напечатаны следующим образом:

Пора! Трубят уже рога —
Пора, пора! уж рог трубят —
Пора, пора! рога (звучат) трубят,
Давно (чернильное пятно)
Давно — — — —
В охотничьем псари уборе
Псари в охотнич. уб-х
Чем св. уж на к (смазано)
Борзья пр. на сворах.
(Тут капля коричневого цвета)
И барин — — — —
Выходит барин на крыльцо... и т. д.

Унылое чувство сознания старости и увядания овладевает невольно человеком, когда подумаешь, что становишься уже не способен понимать те высокие стремления, которыми одушевляются люди, занимающиеся наукой, прославившей имя г. Геннади».

Библиографическая «наука», библиографическое бесплодие и схоластика стали объектом уничтожающей сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, который иногда, пропизируя над библиографами, выбирал для себя псевдоним Стыдливый библиограф. В «Современной идиллии» Салтыков-Щедрин изобразил собрание библиографов, на котором «Черную шаль» Пушкина «библиографической разработке подвергали» и решили издать это стихотворение в двух томах с комментариями. На этом собрании библиографы «в течение трех часов только два первых стиха обработали» и «остановились в недоумении. Три

партии образовались». Затем собрание «всполошилось» и перешло к рассмотрению единственного экземпляра портрета Гоголя, «на котором автор „Мертвых душ“ изображен с бородавкой на носу». Заканчивается собрание тем, что, «в виде литии, прочли „полный и достоверный список сочинений Григория Данилевского“» (50).

С огромной сатирической силой высмеял Салтыков-Щедрин библиографическое крохоборство, формализм в двенадцатом «Письме к тетеньке». Тут сатирик запечатлел «смятение чисто библиографического свойства».

На рауте у тайного советника старый библиограф «угадал», что стихотворение, выдаваемое поэтом Мижуховым за свое, принадлежит к числу лицейских опытов Пушкина, и поспешил об этом заявить. Библиограф еще в юности написал об этом стихотворении реферат, который постоянно носил с собою. Рефератом было «на незыблемых основаниях установлено:

1) что стихотворение «Под вечер осенью ненастной» несомненно принадлежит Пушкину; 2) что в первоначальной редакции первый стих читался так: «Под вечерок весны ненастной», но потом, уже по зачеркнутому, состоялась новая редакция; 3) что написано это стихотворение в неизвестном часу, неизвестного числа, неизвестного года, и даже неизвестно где, хотя новейшие библиографические исследования и позволяют думать, что местом написания был лицей; 4) что в первый раз оно напечатано неизвестно когда и неизвестно где, но потом постоянно перепечатывалось; 5) что на подлинном листе, на котором стихотворение было написано (за сообщение этого сведения приносим нашу искреннейшую благодарность покойному библиографу Геннади), сбоку красовался чернильный клякс, а внизу поэт собственноручно нарисовал пером девицу, у которой в руках ребенок и которая, по-видимому, уже беременна другим; и наконец 6) что нет занятия более полезного для здоровья, как библиография» (49).

Протестуя против ухода библиографов от общественной жизни, от животрепещущих вопросов литературоведения, критики и библиографии, Добролюбов высмеивал библиографов, «отрешенных от всяких интересов, посторонних для их науки». Он был глубоко убежден в том, что такая аскетическая преданность библиографической «науке» не может не завести библиографию в тупик: «Библиограф погрешил бы против своей науки, если бы

„Мертвым душам” отдал преимущество пред „Развязкой „Ревизора” или „Перепиской”. Он совершил бы страшное преступление, если бы „Мертвые души” предпочел „Гансу Кюхельгартену”. Помилуйте — что за невидаль „Мертвые души”! А „Ганс” — библиографическая редкость... И так тверда у библиографов эта точка зрения, что один из них, составляя список сочинений Гоголя, действительно *пропустил „Мертвые души”*» (42, с. 461)*.

Та же тема в сатирическом стихотворении Некрасова «Литературная травля, или раздраженный библиограф» (47):

...О светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.
Не долго думал думу,
Достал два автографа —
И вышел не без шуму
На путь библиографа.
Шекспировых творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.
Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья не речисты:
Какую-то Заиру
Позднейшего поэта —
Я приписал Шекспиру
Да пропустил Гамлета...
Могу себя прославить
И без журнальных стычек:
Решился я составить
«Словарь Собачьих Кличек!»
Сей труд монументальный
И деньги мне доставит,
И зависти нахальной
Шипение подавит».

Последовательно проведенная революционно-демократическая критика уродливых извращений в критике и литературоведении, в библиографии и текстологии способствовала небывалому их подъему. Новый этап ознаменовался появлением научных собраний сочинений классиков русской литературы и хорошо составленных библиографических литературных указателей.

* Речь идет о пропуске Г. Н. Геннади в «Списке сочинений Гоголя», напечатанном в «Отечественных записках», «Мертвых душ».

Выступления представителей революционной демократии, в которых они рассматривали круг вопросов, относящихся к библиографии в современном ее понимании, имели исключительно важное значение для теории и методики литературной библиографии, для определения путей ее развития.

Разбирая библиографические указатели, Добролюбов всегда стремился выяснить, насколько они соответствуют актуальным требованиям помощи читателю, науке, насколько тема того или другого указателя отвечает важным запросам современности, включен ли ценный материал в указатель и отброшена ли ненужная, засоряющая его литература, насколько система расположения материала и библиографическая его характеристика облегчают читателю ориентировку. Это было характерно для всех отзывов Добролюбова о библиографических работах, в частности и для его рецензии на «Указатель статей серьезного содержания, помещенных в журналах прежних лет», изданный Н. Д. Бенардаки и Ю. М. Богусевичем (40). Добролюбов с беспощадной резкостью выступил против всякого дилетантизма, верхоглядства, невежества в библиографии. Анализируя принципы отбора и систематизации материала в указателе, он с полным основанием утверждал, что составители «взялись за дело, не умея отличить серьезного от несерьезного. Они и юмористическую статейку Булгарина о характере Петербурга внесли в отдел *географии*, и „Мысли” Федора Глинки в отдел *философии*, и „Речь о любви к отечеству” в отдел *государственного и частного хозяйства* (!), и „Кавказские очерки” Марлинского, и письма барона Розена о римском пантеоне — в отдел *географии*... С таким понятием о *серьезности* ничего не сделаешь» (40, с. 375—376).

Добролюбов находил, что библиографические указатели научно-вспомогательного характера могут быть двоякого типа и соответственно иметь две цели: «общую и чисто-библиографическую». К указателям, преследующим общие цели, он относил пособия, для которых материал отбирается в соответствии с его научной значимостью: «Если уж человек имеет столько самоотвержения, что решается на неблагоприятную работу составления указателя, то пусть же он примется за это по крайней мере с тем, чтобы покончить дело однажды навсегда. Пусть он прочтет все журнальные статьи затем, чтобы

иметь уже полное право сказать, что их не надобно читать. Их даже можно вовсе и не вносить в указатель: кому они нужны? Но из двух-трех сот статей всегда наберется одна, которая может быть не бесполезна и для нынешних читателей. Это, разумеется, почти исключительно статьи, относящиеся к русской истории и литературе. На них-то следует уж обратить внимание и выбрать из них все, что в них есть замечательного и что не вошло еще в учебники». К «чисто-библиографическим» указателям Добролюбов относил пособия, которые позднее стали именоваться регистрационными. Характеризуя этот тип указателей, он выдвигал на первое место полноту охвата материала. Такие указатели, полагал Добролюбов, должны включать все и служить справочно-библиографическим целям. Он определяет и конкретную методику составления указателей содержания журналов: «... всего лучше перепечатать полное оглавление журнала, с исчислением страниц, алфавитным списком собственных имен, указанием времени выхода каждой книжки и т. п.» (40, с. 377). Именно так и будут в наше время строиться указатели содержания журналов. Поразительно точно определил Добролюбов и общие принципы типизации литературных научно-вспомогательных указателей, которые только в наше время станут общепризнанными. Интересно, что он считал необходимыми в указателе библиографические характеристики для понимания того, «о чем идет дело в статье».

Идеи Чернышевского развивал в статье «Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке» (32) поэт-революционер М. Л. Михайлов. В определении задач библиографии Михайлов следовал принципам Добролюбова: библиография — это наука, которая в грудах книг и печатных листов «обязана указать нам, какое произведение заслуживает нашего внимания, какое не стоит его», указать издание лучшее, «объяснив, почему именно оно лучше других», она должна не только отметить существование сочинения или издания произведения, «но и познакомить с содержанием их, если оно не лишено для нас интереса» и, наконец, она призвана из многочисленных общественных библиотек уметь выбрать книгу полезнейшую — «наука, руководящая в этом выборе, есть та же библиография».

Конечно, такая программа развития библиографии, определение ее задач и функций могла разделяться толь-

ко прогрессивными революционно-демократическими кругами. Она была неприемлема для иного лагеря. И это не замедлило выявиться. Из совершенно других критериев исходил Р. И. Минцлов в статье «Что такое библиография и что от нее требуется?» (43). Признавая, что «без предварительной библиографической работы невозможна история литературы... Библиография, предлагая хронологический обзор сочинений по известной отрасли человеческих знаний, тем самым дает материал для истории этой науки», он тем не менее предъявлял библиографии очень скромные требования. «Полные и точные списки существующих книг в систематическом виде, — вот все, что можно от нее требовать... Не ученым — она бесполезна». От такого определения задач библиографии отмежевлась даже редакция «Библиографических записок», опубликовавшая статью Р. И. Минцлова. В следующем номере был помещен ответ редакции (44), в котором говорилось, что из обязанностей быть помощницей науки вытекают задачи библиографии — отмечать достоинства и недостатки книги, полноту освещения вопроса, подлинность источника, отличие одного источника от другого и т. п.

Революционные демократы, прогрессивные деятели второй половины XIX века, как и их предшественники в 40-е годы, естественно, относили рецензии, публиковавшиеся в отделах критики и библиографии периодических изданий, к критической сфере деятельности. Их концепция в существенных чертах совпадала с концепцией Белинского. Исходные позиции Чернышевского в вопросе о соотношении отделов критики и библиографии, об их задачах почти такие же, как у Белинского. «Критику и библиографию, — писал он в письме Некрасову, — нельзя ли соединять в один отдел? Впрочем, это все равно. Важнее то, чтобы писать только или о книгах, производящих эффект, или о таких, которые дают случай написать что-нибудь заслуживающее прочтения. Пустых и мелких разборов не писать, — сказать о трех-четырёх книгах, и довольно. Но главное, чтобы пустых статей только для наполнения отдела не помещать» (36).

Никаких отличий критических рецензий от критических статей по их сути не видел и Добролюбов. Подобную точку зрения разделяли Д. И. Писарев, В. А. Зайцев, Н. С. Курочкин, П. Л. Лавров и многие другие.

Для Писарева рецензентская работа в журнале представляла возможность, как он сам писал, «развивать на бумаге мои мысли и взгляды», объяснять, доказывать и размышлять о книгах и журнальных статьях (48). В деятельности Зайцева «библиография была не сухим и скучным отзывом о книгах, — вспоминал Н. В. Шелгунов, — это была пропаганда и публицистика в форме библиографии, живая, горячая, боевая, писанная именно кровью сердца и соком нервов. Каждый отдельный отзыв заключал в себе цельную, законченную мысль, и все эти отдельные мысли составляли одно законченное общее, проникнутое одной идеей»*.

Таким образом, необратимый процесс размежевания общественных функций и задач литературной критики, истории литературы и литературной библиографии, резко обозначившийся в начале XIX века и все усиливающийся в последующие годы, привел к полному отграничению критических литературных рецензий от литературной библиографии. Литературная рецензия заняла свое прочное место среди жанров литературной критики.

5

Культурно-исторический подход к изучению литературы господствовал в течение нескольких десятилетий и не мог не оказывать огромного влияния на литературную библиографию, на деятельность крупнейших библиографов — В. И. Межова, В. Ф. Кеневича, С. И. Пономарева, Д. Д. Языкова, А. В. Мезьер. Ценнейшие библиографические труды создавали и сами литературоведы — активные деятели культурно-исторической школы, и среди них: А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, М. Н. Лонгинов, Л. Н. Майков, В. В. Сиповский, С. А. Венгеров, В. И. Сантов, В. Н. Перетц, Н. К. Пиксанов. История литературы в их трудах соединялась с библиографией в нерасторжимое единство. В соответствии с их воззрениями утвердилось и стало доминирующим представление о библиографии как о дисциплине, по самой своей сути сливающейся с историей литературы и имеющей основную цель — разыскание фактов и их накопление. «Если от историка требуется критическая проверка источников, полагаемых им в основу своего труда, то и от историка литературы требуются мелочные исследо-

вания о годах жизни, времени учения изучаемого писателя, влияний, оказанных на него окружающими лицами, и т. п. Словом, разделить эти изыскания так, что часть предоставить библиографу, часть — историку литературы — трудно; трудно потому, что невозможно указать грань между этими изысканиями», — писал А. И. Лященко, один из ярких представителей историко-фактического направления в литературоведении (53).

Однако крайности культурно-исторического подхода, его односторонность и ограниченность, утрата границ исследования, пренебрежение к специфике художественной литературы как вида искусства привели к осознанию необходимости замены его более совершенным методом. Неудовлетворенность отдельными сторонами культурно-исторического подхода начинает звучать даже в работах авторов, которые в целом разделяли методологию этой школы. Она стала объектом обоснованного осуждения. Наиболее глубокой и последовательной критике подвергли ее представители марксистской методологии.

Новые веяния в литературе, критике и литературоведении предопределили кардинальный пересмотр воззрений на функции, цели и задачи литературной библиографии. Уже в начале XX века наметился, пусть небольшой, но все-таки поворот в сторону отбора литературы для указателя, в сторону отграничения библиографии от истории литературы.

В этой связи примечательна статья А. М. Ловягина «О содержании библиологии или библиографии» (52), в которой он писал: «...понятию „библиографии“ в России придавался и придается самый широкий объем». Ловягин находил, что лишь во второй половине XIX столетия начали отделять историю литературы от библиографии, этим объясняется, что до этого времени одни и те же труды получали название и библиографических и историко-литературных. Пафос статьи заключался в том, что, не отрицая неразрывной связи, тесного родства библиографии с историей литературы, Ловягин настаивал на разграничении библиографии с «теми науками, которые также занимаются произведениями писателей всех времен и народов; таковы: а) история умственного развития, б) история литературы, в) изучение книжной промышленности». История литературы, по Ловягину, имеет дело с «абстрактной стороной (абстрактными формою и содержанием) произведений. Она

* Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2-х т. М., 1967, т. 1, с. 225.

следит за развитием литературных форм и исследует условия появления словесных произведений художественных». У библиографии, считал он, имеются особые цели, и кардинальными являются в ней вопросы «о количественном составе произведений письменности и печати и о причинах и следствиях того количественного состава, который наблюдался или наблюдается при тех или иных обстоятельствах». Конечно, Ловягин в силу исторических обстоятельств не смог подняться до более правильного понимания общественных потребностей, назначения, функций и задач библиографии. Но важно подчеркнуть наметившийся отход от традиционного представления об истории литературы и библиографии.

Если ранее генерализирующим принципом научно-вспомогательной библиографии был исчерпывающий охват литературы, то теперь во взглядах библиографов обозначился поворот к отбору источников для указателей.

А. Г. Фомин пришел к выводу, что по старой методике составить библиографический указатель, посвященный русской литературе начала XX века, «не по силам не только одному лицу, а даже целому библиографическому учреждению, если бы такое имелось» (56).

А. Л. Бем констатировал: «Еще недавно казалось, что идеал исчерпывающей литературы предмета не может быть оспариваем. Но сейчас... приходится решительно задуматься над этим вопросом... Не лучше ли, не гоняясь за полнотой, поставить себе целью так вести библиографическую работу, чтобы она отвечала потребности исследователя... И если мы станем на эту точку зрения, то должны будем признать, что и в выборе регистрируемого материала субъективизм библиографа неизбежен» (57).

Знаменательна неудовлетворенность, которую высказал литературный критик А. Г. Горнфельд в рецензии на один из выпусков библиографического словаря Д. Д. Языкова «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц»: «Мы не стояли бы за исчерпывающую полноту; мы предпочли бы, чтобы библиографический указатель был также критическим, чтобы указания делались в нем по выбору, который определялся бы и достаточно широкой, но твердой и ясной точкой зрения, и знакомством с содержанием указываемых сочинений, и тактом, дающим возможность отвергнуть

одно и принять другое. До такой библиографии мы просто не доросли — и каждый новый указатель есть доказательство этого: нет в нем ни исчерпывающего знания предмета, ни смелости занять в его оценке какое-либо положение, ни попытки дать внутреннее единство своей системе. Эти недостатки не индивидуальные, а общественные; и оттого громадное большинство наших библиографических трудов представляет собой груду сырья, в которой разобраться трудно и на которую положиться опасно, так что при всякой самостоятельной работе приходится начинать сначала» (54).

В пору поворота теоретической мысли от простого учета и регистрации всей разысканной литературы в научно-вспомогательном библиографическом пособии чрезвычайно важные выводы сделал К. Н. Дерунов в статье «Жизненные задачи библиографии» (55): «библиография только тогда сможет успешно развиваться, когда она будет откликаться на жизненно важные запросы современности. Что касается „специальной“, т. е. отраслевой библиографии, то она может существовать лишь при условии разработки указателей специалистами данной отрасли знания, которые в состоянии отобрать нужную для читателя литературу».

Обнаруживается неудовлетворенность и всей методикой библиографирования литературы. Показательна в этом отношении статья Г. А. Ильинского «Аннотации как тип библиографии» (51), в которой он писал, что «приемы и метод библиографической работы передавались из века в век с удивительным однообразием: форма книги, год и место напечатания, число страниц, иногда указание типографии, где книга была издана, и фамилия издателя, рисунки и карты, — вот и все, чего могла достигнуть пока библиография в смысле обогащения своего содержания».

Конечно, не следует преувеличивать значение всех этих суждений. Их авторы не совсем представляли себе выход из создавшегося положения — работы содержали слишком мало конструктивных предложений, которые можно было бы реально осуществить на практике.

Новые общественные потребности в начале XX века настойчиво выдвигали принципиально иной подход к решению кардинальных теоретических, методологиче-

ских и, соответственно, методических проблем. Поиск верного направления, сводящиеся к частным теоретико-методическим находкам, не могли оказаться эффективными. Главные вопросы теории и методики, которые в той или иной мере затрагивались в прежних теоретических исканиях, вынашивались революционной демократией, могли быть решены только на основе новой идеологии — на основе марксизма-ленинизма. Лишь марксизм-ленинизм создал прочную базу для верного определения перспектив развития библиографии.

Принципиальные ответы на новые проблемы дают работы В. И. Ленина, в которых продолжены и развиты лучшие традиции передовой русской общественной мысли, признававшей важную роль библиографии в социальной жизни.

В. И. Ленин создал учение о партийности литературы. Понятие партийности как относительно самостоятельной научной категории впервые было специально разработано Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература» (3). «...Социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме», — писал он. Ленин обосновал, почему именно социалистический пролетариат заинтересован в принципе партийности литературы — потому что он отстаивает интересы миллионов масс трудящихся. Следуя своему учению о партийности, Ленин выдвинул принцип партийности библиографии. В рецензии на второй том библиографического указателя Н. А. Рубакина «Среди книг» (4) он вскрыл истинное содержание распространенной в дореволюционной России декламации о внепартийности библиографии. Ленин показал, что декларируемая Н. А. Рубакиным внепартийность в действительности представляет собой прикрытую полемику и защиту эклектицизма. Ленинский критерий партийности библиографии требует исходить не из деклараций, фраз, клятвенных уверений о «надпартийности» библиографии, а из четких классовых, партийных позиций. Эти положения Ленина направлены против буржуазного объективизма, ибо всякий объективизм ведет к эклектизму и прикрытой полемике, к прикрытию партийных, классовых интересов. Ленин утверждал, что библиография не может стоять в стороне от борьбы идей, она, отражая эту борьбу, сама уча-

ствует в ней. Ленинский принцип партийности является руководящим для библиографии.

Ленин выдвинул понятие партийности как важнейшее в определении общественной значимости литературы. Партийность — это участие в общественном движении большой социально-исторической значимости, конкретное содержание его может быть различным и зависит прежде всего от характера той области движения, в которой участвует общественный деятель. Партийность библиографа — это его участие и вклад в общественно-историческое движение посредством библиографической деятельности.

Партийность в библиографии не находится в прямой зависимости ни от видовой сущности библиографического пособия, ни от того, регистрационное оно, рекомендательное, выборочное, аннотированное, систематическое, предметное или алфавитное. Этот принцип проявляется как в тех, так и в других случаях. Однако в регистрационных указателях, в которых отсутствует какая бы то ни было библиографическая характеристика литературы, проявление его имеет свою специфику. Дело в том, что такие указатели не выражают прямо и непосредственно классовые интересы людей. Тем не менее и эти пособия в условиях классовых отношений неизбежно имеют классовый аспект. Он обнаруживается прежде всего в выборе такой проблематики, которая в данный момент больше всего соответствует интересам определенного класса. Классовая направленность здесь проявляется опосредованно — через цели, ради которых информация, заключенная в библиографических пособиях, используется.

Принцип партийности библиографии, введенный в теорию библиографии В. И. Лениным в дореволюционные годы, не мог быть в существенной мере реализован в то время. Полное его развитие оказалось возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинский принцип партийности, завершивший искания в теории библиографии в дореволюционной России, стал генерализирующим в советской библиографии.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО БИБЛИОГРОВОЕДИЕНИЯ В 20-е ГОДЫ

1

С победой Великой Октябрьской социалистической революции наступила новая эпоха в развитии библиографии. Проблема тесной связи библиографии с революцией стала центральной.

Подчинение библиографии задачам построения социализма требовало коренного пересмотра ее теоретических, методологических и методических основ, активной борьбы с традициями и пережитками «нейтральной», буржуазной библиографии, создания, защиты и пропаганды библиографии, которая бы прочно стояла на позициях марксистско-ленинской идеологии.

Решающую роль в утверждении связи библиографии с действительностью сыграли произведения, речи, письма В. И. Ленина послереволюционных лет по вопросам культурного строительства, библиотечного дела и библиографии.

По инициативе В. И. Ленина были приняты основные государственные и партийные документы, касающиеся коренных преобразований в этих областях. Проблема отношения к классическому наследию, традициям, проблема партийности литературы и искусства решались партией с ленинских позиций. На основе ленинской концепции ЦК РКП(б) в письме «О пролеткультах» (1920 г.) (9) оценил деятельность Пролеткульта; в соответствии с ленинскими взглядами XIII съездом партии была принята резолюция, рассматривавшая развитие литературы тех лет (1924 г.) (10), ленинские взгляды отразила резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925 г.) (11) — программный документ для развития художественной литературы, критики, литературоведения и литературной библиографии.

Основополагающими для советской библиографии явились и труды Ленина, опубликованные еще до революции, но не сразу ставшие достоянием широких кругов библиографов. Так, рецензия Ленина на второй том труда Н. А. Рубакина «Среди книг», в которой был сформулирован важнейший принцип библиографии — принцип партийности, долго оставалась не изученной. Этому способствовало то обстоятельство, что легальный теоретический общественно-политический и литературный журнал большевиков «Просвещение», где была опубликована рецензия (1914, № 4), подвергся конфискации и изъятию из продажи и библиотек.

Не исследованными оказались в первые послереволюционные годы и работы, а также отдельные высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о литературе и искусстве. Даже важнейшая работа Ленина «Партийная организация и партийная литература», статьи о Л. Н. Толстом, «Памяти Герцена» были впервые собраны и напечатаны только в 1921—1926 гг. в первом собрании сочинений. Они мало или совсем не были известны даже специалистам-литературоведам и критикам. Лишь в 1928 году, в связи со 100-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского и Л. Н. Толстого, вышли относительно полные сборники работ и высказываний Ленина об этих писателях. В том же году печатаются статьи, в которых делаются первые попытки охарактеризовать отношение Ленина к общественно-политической и литературно-художественной деятельности А. М. Горького. Серьезные обобщающие работы о взглядах Ленина на литературу и искусство появились лишь в 30-х годах.

Теоретическая библиографическая мысль в 20-х годах отставала от размаха и уровня библиографической практики, в которой, например, принцип партийности уже осуществлялся в отдельно изданных указателях, в библиографических материалах, печатавшихся специальной библиографической печатью, в литературно-художественных журналах, в газетах.

Те библиографы-теоретики 20-х годов, которые хотели поставить библиографию на службу революции, свою центральную задачу видели в том, чтобы развернуть борьбу с аполитичностью в теории и методике библиографии. Они стремились применять марксистское положение о социальной, классовой обусловленности любых

1910-1911

общественных явлений к объяснению книжных и библиографических проблем, но это исходное положение зачастую подменялось пересказом марксистской социологии, библиографические же явления не получали правильного освещения.

С другой стороны, в 20-х годах еще очень сильны были традиции дореволюционной библиографии с ее характерной тенденцией к самодовлеющему замкнутому рассмотрению библиографических явлений, вне учета взаимосвязи библиографии с общественно-идеологической жизнью. Показателен в этом отношении I Всероссийский библиографический съезд (1924 г.).

Хотя в проведении съезда значительную роль сыграла Государственная центральная книжная палата, «идеологическая, ведущая роль принадлежала всецело» Русскому библиографическому обществу, как впоследствии писал секретарь Общества, один из активных организаторов и участников съезда Н. Н. Орлов. «Идеологи» считали, что это должен быть съезд «теоретиков», которые, по словам Н. Н. Орлова, в состоянии «теоретически осмыслить» итоги и наметить дальнейшие пути развития библиографии (273). Однако отчетные доклады о деятельности библиографических и книговедческих обществ и учреждений не могли объединить библиографов страны для решения задач, выдвинутых социалистическим строительством.

В ходе работы съезда по требованию его делегатов — представителей рекомендательной библиографии и библиотечной общественности — были заслушаны доклады Л. Н. Троповского и Я. П. Гребенщикова «О связи теоретической и практической библиографии», имевшие принципиально важное значение, потому что большинство библиографов, начавших свою деятельность до революции, противопоставляли «научную» и «практическую», т. е. рекомендательную библиографию. Такое противопоставление Л. Н. Троповский с полным основанием квалифицировал на съезде как искусственное, бесцельное и даже вредное: между «так называемой теоретической, научной библиографией и так называемой практической, прикладной библиографией никакой принципиальной грани не существует» (68, с. 172). Библиография, подчеркивал он, должна обслуживать интересы широких народных масс, облегчить работу читателя с книгой. Я. П. Гребенщиков обратил внимание на то, что само употребление

понятия «научная» библиография низводит всякую другую до ненаучной, и это оскорбительно для практической деятельности, основанной на научных методах (68, с. 174).

Важнейшие положения, выдвинутые в этих докладах, были в общей форме приняты съездом, однако их осуществление на практике стало позже это засвидетельствует Троповский, «носило несколько случайный характер», тем не менее, благодаря представителям Главполитпросвета, на съезде, «сугубо проникнутом духом старой формальной, теоретической (в самом узком смысле) библиографии, прозвучали слова о марксистском подходе к библиографии, о ее частях в общей системе просветительной работы, о равноценности т. наз. практической (рекомендательной) библиографии... Однако существенных практических выводов, конечно, съезд не принес» (282). Съезд оказался неспособным решить центральные задачи, которые выдвигала перед библиографией жизнь. Необходимым условием для верного теоретического осмысления и обобщения практического опыта должен был явиться отказ от аполитизма в библиографии, обращение к подлинно научной методологии.

2

Под влиянием революции пересматривали свои теоретические позиции многие библиографы, начавшие свой библиографический путь задолго до Октября и составлявшие демократический лагерь в библиографии. Принципиально новым был их подход к научно-вспомогательной и особенно рекомендательной библиографии, к вопросам отбора материала для указателей и его аннотирования. Возрастающий интерес к поискам теоретико-методических основ библиографии отразился на опубликованной посмертно статье С. А. Венгерова «Наша задача» — одной из первых работ, характеризовавших библиографию тех лет (59). Решающее значение для библиографии Венгеров видел в правильном определении круга ее обязанностей, когда в стране начался «книжный потоп», в котором «тонет всякий, кто задается целью знать в избранной им области науки „литературу предмета“». И совсем погибает простой читатель, не специалист, а просто интересующийся книжными новинками» (59, с. 1). В этих условиях особое значение приобре-

ретае «направляющая роль библиографии». Поэтому с удовлетворением отмечал Венгеров, библиографическому делу уделяется столь большое внимание. Представленная прежде заботам отдельных самоотверженных деятелей, библиография становится предметом государственной важности. Венгеров поднимается на принципиально иной теоретический уровень, когда обращает внимание на новые явления — на рекомендательную библиографию, называемую им «критической». При этом он резко разграничивает первичную библиографическую регистрацию, которая «беспристрастно регистрирует все — гениальные произведения и макулатурный лубок», не оказывая «никакой помощи при желании сделать выбор из множества книжных заглавий», и рекомендательную, которая должна быть создана «для всякой новой книги». Такое «первое распределение книг по тем внешним признакам, которые при всей своей внешности все же дают руководящую нить» (59, с. 3—4), по Венгерову, — прибавление к имени автора слов: известный романист, сотрудник «Вестника Европы», поэт-модернист, марксист, народник. Это вызывает желание посмотреть оглавление, иногда перелистать книгу. Наряду с такой библиографией необходимо разработать рекомендательные обзоры, в которых тоже надо «немного» говорить о каждой книге. Обзоры должны содержать в себе «очень густую квалификацию» (59, с. 4).

Как видим, Венгеров чутко уловил изменение роли библиографии. Особенно были важны и новы предложения об аннотировании книг и отборе литературы.

Статья С. А. Венгерова сразу же была замечена. Она сыграла особую роль в теории библиографии и оказала положительное влияние на взгляды библиографов. О статье много писали и говорили и в 20-х годах и позже. «Одной из самых интересных, — можно было бы сказать, эпоху делающих, — работ в области современной русской теоретической библиографии я считаю крохотную заметку покойного Сем. Аф. Венгерова», — писал К. Н. Дерунов. «Дореволюционного» Венгерова Дерунов относил к «прямым и упрямым последователям того объективного, академического направления, которое почти безраздельно царило на протяжении двухвекового развития русской библиографии», но под влиянием новой действительности С. А. Венгеров, по словам Дерунова, призывает в своей статье «ко всемерному отрешению

от мертвенно-академического отношения к литературе и воссозданию библиографии, как „жизненной силы“; к замене шумливо-бесплодной возни с „простыми, хотя и самыми полными перечнями“ книг систематической разработкой „критических отчетов“ (рецензий)» (60).

Среди крупных библиографов, по-новому рассматривавших основные задачи библиографии после Октября, заметную роль играл А. М. Ловягин. В его работах этих лет отчетливо выделяется стремление осветить теоретические проблемы библиографии в соответствии с новыми потребностями общества. В «Основах книговедения» Ловягин (65) поднимает важнейшую проблему отбора материала для указателя научно-вспомогательного характера. «...Библиограф должен вспомнить, что и на нем лежит определенный общественный долг. Работа, им исполненная, должна быть общественно-полезна, а следовательно представлять интерес для возможно широких кругов или хотя бы служить материалом для работ, могущих иметь общественную пользу. Библиографический максимализм, стремящийся объять необъятное, преступен, так как он ведет только к трудам, не могущим быть законченными и ведущим к бесполезной затрате сил и средств». В противоположность мнению, что «научная» библиография может быть только «исчерпывающей», Ловягин утверждал, что указатели журнальных статей «не могут и не должны быть абсолютно полными, а должны быть выборочными, изыскивающими из журналов только то, что представляет известную ценность для современников или для потомства и что заслуживает отделения от журнала» (65, с. 100—101). Совершенно определенно высказался Ловягин и по поводу определения круга писателей для включения в указатель: «Несомненным максимализмом же являются попытки регистрировать всех писателей, когда-либо писавших в журналах. К сожалению, все имеющиеся у нас инструкции по расписыванию журнальных статей составлены максималистически, то есть с полным забвением общественной ответственности библиографа. Очередной задачей момента, ввиду все усиливающегося потока журнальной литературы и, в то же время, несомненной наличности в ней весьма многого длительно ценного, является установление норм для отбора» (65, с. 101).

В книге Ловягина имеются весьма любопытные сравнения труда библиографа и историка литературы, свиде-

тельствующие о том, что процесс расчленения истории литературы, текстологии и литературной библиографии продолжал активно развиваться. Библиографию и литературоведение Ловягин сопоставляет и противопоставляет. Он пишет, что наряду с историками литературы охотнее всего интересуются творчеством писателей библиографы. Разница между ними состоит в том, что библиограф не просто собирает факты, но и критически рассматривает их, определяет, что подлинно, что нет, сопоставляет разные свидетельства, выделяет из них наиболее достоверные, приводит в известность то, что было напечатано автором, собирает сведения о его жизни, выясняет обстоятельства, при которых происходило печатание, и т. п. Историк литературы делает ту же работу, но к ней должно быть прибавлено нечто, чего библиограф дать не может: библиограф — не историк литературы, поэтому в его труде нам незачем искать выяснения общественных основ творчества писателя; библиограф — не ценитель литературных форм, поэтому он не вдается в вопросы об их совершенствах и несовершенствах. Наиболее сомнительно отнесение А. М. Ловягина к библиографическим работам подробных комментариев к произведениям писателей с пояснением встречающихся собственных имен, всех обстоятельств жизни писателя, расшифровкой намеков на современные события, выяснения литературных и иных влияний; составление летописи жизни и трудов писателя; издание материалов о писателях: их переписки, документов о жизни и деятельности, сборников отзывов о писателе; создание словарей литературных типов, исследований о судьбе отдельных произведений писателя. Приведенные примеры говорят о том, насколько расширительно понимал Ловягин возможности библиографии, сколь расплывчато представлял себе ее границы. Впрочем, в ту пору общественные функции литературной библиографии еще многими библиографами и литературоведами понимались чрезмерно широко; только еще начиналось отпочкование от библиографии текстологии и превращение ее в самостоятельную филологическую дисциплину.

В общем русле пересмотра теоретических основ библиографии принципиальное значение имело осмысление активного руководства чтением широких слоев народа. В этой связи стала играть важную роль разработка ме-

тодов раскрытия содержания книг при помощи аннотаций.

Вопросы аннотирования литературы привлекали внимание библиотекарей и библиографов еще в дореволюционное время, но разработка методики аннотирования находилась в зачаточном состоянии. Одним из первых, кто начал ею заниматься, был А. М. Белов. О своем понимании аннотации он писал Б. С. Боднарскому 1 марта 1915 г.: «...краткое, в несколько строчек, примечание к книге, которое печатается после ее заглавия мелким шрифтом, и, отнюдь не вдаваясь в критический разбор, имеет целью при помощи чисто внешнего описания книги ближе познакомить с нею читателя и дать ему возможность судить, годится ему помеченная книга или нет» (272). Через 10 лет свои размышления об аннотировании он обобщил в книге «Алфавитный каталог и аннотация» (62), в которой писал, что в послереволюционных условиях руководство чтением составляет главнейшую обязанность библиотечного работника, но если он не пользуется аннотациями, он не вооружен по-современному. Белов предложил ряд ценных приемов. Аннотации должны содержать: указания на общественные убеждения автора, его классовое самосознание, особенности склада ума писателя, характеристику книги и степень ее доступности читателю. Сведения для аннотаций Белов рекомендовал брать из ее содержания и из посторонних источников, вроде энциклопедических словарей, библиографических указателей, биографий, некрологов и т. д. При этом содержание книги должно раскрываться в аннотации точно, с указанием точки зрения на него аннотатора. Полемизируя с В. Звездиным, понимавшим под аннотацией «сокращенную рецензию, отвечающую на вопросы: что написано и как написано, плюс указание на степень трудности усвоения данной книги», и рекомендовавшим для аннотации брать извлечения из журнальных и газетных рецензий (61, с. 38), Белов утверждал, что для составления библиотечной аннотации журналы и газеты — материал не вполне пригодный, потому что в них рецензии пишутся специалистами, а не библиотекарями.

О целесообразности раскрытия содержания книг на каталожных карточках писал в 1919 году А. И. Калишевский (58), который, как и другие крупные дореволюционные специалисты, успешно работал в годы Совет-

ской власти. В таких случаях, считал Калишевский, следует пользоваться выписками из оглавления, или, если его нет, изложить содержание своими словами. В каталогах небольших библиотек полезно кратко знакомить с содержанием и особенностями книг беллетристического отдела. На примере аннотации на роман Гектора Мало «Без семьи» Калишевский показывает, что собой должна представлять аннотация на художественное произведение: «О приключениях смелого мальчика, странствующего по Франции и Англии в поисках своей семьи» (58, с. 31). Конечно, аннотация далека от совершенства, но не следует забывать, что в то время аннотирование делало только первые, робкие шаги.

3

Со второй половины 20-х годов теория и методика библиографии поднимаются на более высокую ступень, библиография все крепче связывается с действительностью, с идеологической и общественной борьбой тех лет.

В этом отношении значительным явлением был II Всероссийский библиографический съезд, созванный в 1926 году.

Съезду придавалось большое значение. Он должен был нацелить советскую библиографию на решение наиболее важных задач. Еще до его открытия Н. К. Крупская, выступая с докладом на экскурсии-конференции заведующих уездными центральными библиотеками (64), говорила о важности проблем, выдвинутых для обсуждения съездом. Среди них она выделяла вопрос, имеющий «очень большое значение, который будет стоять на этом библиографическом съезде, — это вопрос о рекомендательной библиографии» (64, с. 155).

Высоко оценивая общественную роль рекомендательной библиографии, Н. К. Крупская исходила из указаний В. И. Ленина: «...задача, которая стоит перед нами, это — неуклонное воспитание масс к революционному мирозерцанию и к революционному действию» (64, с. 11). Этому, подчеркивала Н. К. Крупская, должна быть подчинена и библиотечная работа, этим целям должна служить и рекомендательная библиография.

Она считала «чрезвычайно важным», чтобы для литературы, помогающей выработке революционного мирозерцания и строительству новой жизни, в библиотеке

был «свой каталог, написанный так, чтобы каждый желающий, даже мало подготовленный читатель, мог обратиться в этом каталоге» (64, с. 11). Важным она называла и снабжение аннотациями (Н. К. Крупская называла их рецензиями) включенной в рекомендательное пособие литературы.

Эти положения были развиты Н. К. Крупской в ее выступлении на съезде. Большое значение, подчеркивала она, имеет учет и раскрытие содержания книг, установление степени их научности и доступности определенным группам читателей (84).

Выступление Н. К. Крупской сыграло большую роль. «Я вспоминаю, — говорил Л. Н. Троповский, — как она в 1926 году поехала на Второй библиографический съезд, который тогда состоялся из старых библиографов, мало очень уделявших внимания массовой рекомендательной библиографии, считавших это какой-то чуждой областью, разделявших библиографию на так называемую научную (под ней разумелись такие издания, как издания Книжной Палаты, различные многотомные справочники) и политпросветительную библиографию, которая их как бы не касалась. Надежда Константиновна специально поехала на этот съезд, чтобы призвать библиографов вернуться лицом к массам, поставить библиографию на службу народным трудящимся массам. Ее слова в значительной степени повлияли на ход этого съезда, который явился переломным в деле взглядов на библиографию. По крайней мере теоретически уже уничтожалась эта неестественная грань между двумя библиографиями» (286).

О значении съезда говорит также выступление начальника Главнауки Ф. Н. Петрова. «Я считаю, — говорил он, — что на этом съезде нам предстоит разрешить ряд огромных задач». К ним он относил выявление библиографией богатств, которые заключены в книге, и вопрос о приближении книг при помощи рекомендательной библиографии к широкому рабоче-крестьянскому массам. Библиографическая работа — неотъемлемая часть процесса восстановления хозяйства страны и поэтому библиография должна занять подобающее ей место в научно-исследовательской работе, подчеркивал Ф. Н. Петров (85).

С докладом «Методология библиографии и теория диалектического материализма» выступил И. В. Владис-

лавлев (80). Докладчик стремился пересмотреть «по-новому, под углом революционной теории научного социализма» предмет и метод библиографии. «Борьба за более углубленное понимание самого предмета библиографии и ее социальной роли, — говорил он, — борьба за вооружение книговедения более научными, т. е. более целесообразными и более гибкими методами, увеличивающими социальный эффект работы, — вот его [доклада] задача», — утверждал Владиславлев (76, с. 7).

В современной библиографии, подчеркивал он, кристаллизуются две «основные библиографические идеологии». С одной стороны, библиография наполняется новым содержанием — она начинает ориентировать в книге по существу, оценивает ее. Если в дореволюционное время имелись только отдельные факты оценки книги по существу затрагиваемых в ней проблем, то в послереволюционной библиографии это становится основным, стержневым направлением. С другой стороны, утверждал докладчик, существует противоположное направление библиографической мысли — «формально-схоластическая школа», пропитанная старой идеологией и по-прежнему видящая задачу библиографии в беспринципном коллекционировании всякого человеческого опыта. Чем дальше, тем больше будет раскрывать себя старая библиография и в смысле выявления идеологической сути своих методов, и в смысле непригодности их для решения усложняющихся задач библиографической деятельности. Разработка основ библиографической методологии выдвигается первоочередной задачей советской библиографии, подчеркивал Владиславлев. Вместе с тем в докладе имелось немало вульгарно-социологических толкований, что и было отмечено многими выступавшими на съезде. Особенно глубокие замечания сделал В. И. Невский. «Понимать диалектический материализм так, что сказать несколько общих фраз о том, что нужно усилить аннотацию, рецензирование различных библиографических произведений, приспособить библиографию к широким трудящимся массам, — это не применение принципов диалектического материализма. Построить работу в области библиографии, чтобы библиография служила широким трудящимся массам, — это нужно. Но тут никакого применения принципов диалектического материализма нет. За постановку вопроса можно при-ветствовать И. В. Владиславлева. Но ни сущности диа-

лектического материализма, ни применения его к библиографии, ничего в его докладе не было», — справедливо резюмировал В. И. Невский. Отрицательно отзывался о выступлении Н. В. Здобнов, по мнению которого в докладе «ставился большой для нас вопрос в новом освещении — с точки зрения диалектического материализма», но Владиславлев не справился с теоретическими вопросами библиографии.

Спору нет, И. В. Владиславлев многое трактовал вульгаризаторски. Вместе с тем, прав был Е. И. Шамурин, который спустя несколько лет, в 1931 г. писал, что заслуга И. В. Владиславлева состояла в заострении проблемы социальной роли библиографии, что несмотря на то, что доклад содержал ряд не до конца продуманных установок, он все же «представляет интерес, как первая попытка резко и определенно поставить вопрос о взаимоотношениях марксизма и теории библиографии» (287).

Знаменательно, что В. И. Невский уже после съезда снова подчеркнул важность для библиографии поставленных И. В. Владиславлевым проблем: «Во всяком случае Вашу попытку направить и библиографию на наши марксистские рельсы приветствую и желаю Вам успеха», — писал он в письме И. В. Владиславлеву (279). После съезда доклад Владиславлева был выпущен отдельным изданием (76). С предложением высказаться в печати по методологическим вопросам библиографии обращались и к В. И. Невскому. По поручению редакции Государственного издательства Владиславлев писал Невскому: «Возможно, что и есть у нас с Вами разные серьезные „уклоны“, но пока, по-моему, они остались невыявленными. Ежели они есть, то выявляйте их в своей статье — на благо родному (книговедческому) марксистскому просвещению, дабы из столкновения мнений скорее брызнула та истина, которой так ждет советское книговедение... Грамотных книговедов марксистов у нас так много, что они все на одном диване усядутся. При таких условиях Вам, знатоку марксистской философской теории, не отвертеться, чтобы не внести своего вклада в закладывающееся здание марксистской книговедческой теории» (278). К сожалению, из-за перегруженности работой Невский не смог принять это предложение (279).

Проблема осмысления библиографии на основе марксизма-ленинизма решалась в обстановке острой борьбы

с традициями и концепциями дореволюционной библиографии. Сложность задачи усугублялась тем, что библиографов, стремившихся это сделать, было немного. Вследствие неподготовленности всего библиографоведения они не могли проникнуть в наиболее глубокие пласты библиографических явлений, упрощали и вульгаризировали. И вместе с тем, острые споры были не случайностью, не препирательством отдельных лиц, а неизбежной стадией в истории формирования советского библиографоведения. Они сыграли свою положительную роль, показав всю несостоятельность тех библиографов, которые стремились помешать применению в теории библиографии марксизма, одновременно с этим обнаружив и невозможность развития советской библиографии на основе вульгарно-социологического подхода. Главное заключалось в стремлении советского библиографоведения выяснить сущность и отличительные особенности советской библиографии, основывающейся на марксизме-ленинизме.

4

Всемерное развитие рекомендательной библиографии, призванной осуществлять руководство чтением трудящихся, активно способствовать социалистическому строительству в стране, требовало обстоятельного рассмотрения рекомендательного библиографирования. С докладом «Проблемы рекомендательной библиографии» выступил на съезде Л. Н. Троповский (86). Отметив, что рекомендательная библиография в послеоктябрьские годы приобрела очень большое значение, он указал на ее характерную черту: она становится массовой. Отсюда, говорил он, проистекает ее большая социальная и культурная роль, вызывающая необходимость разработки ее теории и методики, в которых до сих пор царил полнейший эмпиризм. Троповский определил задачи рекомендательной библиографии, очертил ее границы, соотнес с критикой. Отличительная черта рекомендательной библиографии — стремление информировать читателя о книгах, помочь в их выборе и в наиболее рациональном использовании. Это отделяет рекомендательную библиографию от критики, которая не столько преследует цели информации читателя, сколько адресуется автору и издательству, стремится корректировать их работу, в задачи критики входит также изучение и определение

удельного веса данного произведения в общем развитии культуры и общественности.

Эти положения Троповского были особенно важны, так как на практике рекомендательная библиография сбивалась со своего пути, начиная вводить «момент дискуссионного, момент непужного высказывания своих субъективных соображений». Троповский подчеркнул классовость, партийность рекомендательной библиографии. До него никто из теоретиков не обращал на это внимание с такой остротой и определенностью: «в своем подходе, в своих критериях, в своей оценке рекомендательная библиография может быть только рекомендательно-марксистской».

5

Свидетельством развития теоретико-методической мысли явились доклады, посвященные методике составления пособий. Среди них выделяются доклады А. Г. Фомина «Аннотации (типы и методы составления)» (87) и И. П. Жука «Типы аннотаций и методы аннотирования» (82). Их авторы внесли существенное и новое в тогдашнее представление об аннотировании литературы. Методика аннотирования последующих лет развивалась под сильным влиянием их работ.

В первом докладе проблема аннотирования и освоения методики аннотирования была связана с новыми задачами, вставшими перед библиографией после Октября. Фомина, коснувшись только общей методики аннотирования, делает значительный шаг вперед по сравнению со всеми своими предшественниками, в том числе А. М. Беловым, А. И. Калишевским, Е. И. Шамуриным, Н. В. Здобновым, отводившим аннотациям роль кратких примечаний к книге, которые не дают оценки ее достоинств и недостатков. Отрицали возможность оценочного элемента в аннотации даже сотрудники Ленинградского политехпросвета и Бюро центральной каталогизации Главполитпросвета, занимавшиеся аннотированием рекомендательных пособий. Отвергая ошибочную позицию БЦК, исключавшую элементы оценки в аннотации, потому что она якобы должна быть «объективной», Фомина категорически утверждал, что, конечно, оценка книги, как бы она ни стремилась к объективности, включает в себе часто долю субъективизма, но это еще не довод против внесения в аннотации оценочных характеристик.

В то же время он не допускал мысли о возможности подобных аннотаций в научно-вспомогательных указателях, полагая, что специалист сумеет разобраться в книгах и без их помощи. Эти соображения Фомина разделяли и разделяют по сей день многие библиографы. Безусловно, аннотировать материалы, включаемые в научно-вспомогательные указатели, — дело весьма сложное, но отвергать полезность оценочных аннотаций, конечно, неправильно.

Говоря об аннотациях, предназначенных для научно-вспомогательных указателей, Фомин отметил необходимость более подробного раскрытия в них содержания книг, нежели в аннотациях, адресованных широким кругам читателей: специалист обращается к указателям часто с целью разыскать литературу по какому-нибудь детальному вопросу. На эту важную особенность аннотаций никто до Фомина не обращал внимание, мимо этого существенного отличия проходят и теоретики библиографии наших дней. Наконец, подводя итоги своим наблюдениям, Фомин делает вполне обоснованные выводы: аннотации не могут быть совершенно однообразны, поскольку объем, содержание и структура зависят от их назначения, от вида и характера аннотируемых произведений (художественная литература, критика, мемуары и т. д.). Этот доклад на съезде послужил основой для книги Фомина «Аннотации. Теория и практика их составления» (1929 г.) (88).

Доклад И. П. Жука был посвящен одной из сложных проблем, с которыми сталкивается советская библиография на протяжении всего своего существования — аннотированию литературы для рекомендательных пособий. В 20-е годы над этим напряженно работали многие библиографы, среди них прежде всего следует отметить сотрудников Бюро центральной каталогизации и их руководителя И. П. Жука. Доклад, как и другие его выступления в печати на эту тему, принес несомненную пользу советской библиографии. Содержавший во многом новый и самостоятельный взгляд сотрудников БЦК на проблемы аннотирования, иногда созвучный мыслям других библиографов 20-х годов, иногда диаметрально противоположный им, доклад был основан на кропотливом и вдумчивом изучении опыта Бюро по аннотированию, а также на знакомстве с зарубежными теоретическими работами, в первую очередь с книгой английского

библиографа Эрнеста А. Севеджа «Руководство по составлению описательных аннотаций для библиотечных каталогов» (Лондон, 1906). И. П. Жук сопоставлял различные типы аннотаций, находил между ними общие и отличительные черты, выделил в особую группу аннотации на художественную литературу, имеющие характерные, только им свойственные качества. Материал доклада и статей, опубликованных в «Красном библиотекаре», организован таким образом, что многие, не вполне ясные до того времени вопросы аннотирования становились понятными и, одновременно с этим, выступали со всей присущей им противоречивостью. Серьезную ошибку допускал Жук, когда, защищая работу БЦК, заявлял, что принцип «объективности» требует «отказа от прямой, открытой оценки книги». В одной из своих статей (63) он привел мотивы, побудившие Бюро занять такую позицию: «Ценность книги (ее общественная полезность, целесообразность, научная достоверность, точность, занимательность, художественность и пр.) определяется в конечном счете социальными, научными, практическими, эстетическими и пр. потребностями определенного времени. Книги стареют... Истинное значение книги очень редко можно определить в момент ее выхода; в большинстве случаев оно выясняется значительно позднее, после ряда проверок». Лишь «в некоторых случаях, — поясняет Жук, — Бюро центральной каталогизации допускает возможность скрытой рекомендации (не оценки, а именно рекомендации), выражающейся в тоне аннотации, в стиле, в большем или меньшем развитии текста и пр. Другое отступление от принципа объективности, которое может быть допущено в исключительных случаях, заключается в открытой оценке и рекомендации посредством вполне авторитетной цитаты».

Эти неприемлемые для советской библиографии положения Жук повторил в докладе на II Библиографическом съезде, они будут встречаться и в других его выступлениях на эту тему.

В атмосфере идеологической борьбы, споров о путях развития советской библиографии, о руководстве чтением широких народных масс с помощью библиографии, об активизации научно-вспомогательной библиографии и ее роли в научно-исследовательском процессе обсуждения теоретических вопросов аннотирования литературы на II Библиографическом съезде было очень важно. Ре-

золяция съезда, хотя и не отражала положение дел в библиографии и носила половинчатый характер, признавала, что, облегчая широкому кругу читателей использование печатного материала и тем самым увеличивая роль библиографии и ее практическую пользу, аннотации имеют большое значение.

6

Повышенный интерес к методике библиографии в 20-х годах сказался и на другом докладе А. Г. Фомина на II Всероссийском библиографическом съезде — «Методы составления библиографических указателей» (91). Доклад особенно ценен, поскольку на эту тему не было ни одной достаточно развернутой специальной работы. В 1929 году он вошел в сборник Научно-исследовательского института книговедения при Государственной публичной библиотеке (90), что само по себе знаменательно. Благодаря верному пониманию основ методики составления библиографических указателей, Фомину удалось наметить принципы составления библиографических пособий, на богатом фактическом материале дать анализ указателей, обобщив опыт использования тех или иных приемов различными составителями.

Особого внимания заслуживает подход Фомина к отбору материала для указателя. Полемизируя со сторонниками формальной библиографии, он говорил, что ограничение материала при библиографировании неизбежно. Ценное наблюдение высказал он и в отношении структуры указателя. Очень распространенным, считал Фомин, стало механическое расположение материала в алфавите авторов и заглавий анонимных произведений, в то время как наиболее целесообразно систематическое или предметное расположение материала, которое, за редким исключением, еще не применялось в библиографии. Правильно было указание Фомина и на то, что сочинения какого-либо писателя имеет больший смысл располагать в хронологическом порядке, дающем возможность нарисовать картину постепенного развития творчества писателя. Систематический указатель журнальных статей удобен, так как помогает навести справку о том, что напечатано по тому или иному вопросу, но при этом теряется физиономия каждого журнала, нельзя проследить его историю. До Фомина никто не подмечал этого методического своеобразия. Правда, в то время

такие указатели насчитывались единицами, но зато после Великой Отечественной войны они получают распространение и признание.

Подводя итоги вклада II Всероссийского библиографического съезда в теорию и методику библиографии, следует сказать, что он закрепил теоретические поиски, нацелил на решение новых библиографических проблем. То, что вопросы рекомендательной библиографии были в центре внимания съезда, как писал Л. Н. Троповский, являлось показателем идеологического сдвига, произошедшего в библиографии (67). Важно отметить, что съезд указал на необходимость развития библиографии на основе принципа партийности, подчинения задачам, выдвигаемым социалистическим строительством. Делегат съезда А. Д. Эйхенгольц справедливо замечал, что «по существу это было первое обсуждение в широкой аудитории специалистов вопроса о партийности библиографии и ее связи с социалистическим строительством» (178).

7

Во второй половине 20-х годов теоретическая и методическая мысль продолжала активно развиваться. Характерным для этих лет был устойчивый интерес к кругу проблем, связанных с постижением больших и ответственных задач, которые неминуемо вставали перед советской библиографией, когда успешное развитие библиографии невозможно было без понимания ее основных ведущих тенденций — боевитости и активности, без правильного определения ее места в общем социалистическом строительстве.

Заметной вехой в изучении теоретических и методических проблем стал 1927 год, когда советский народ отмечал десятилетие своего государства. Советская библиография — совершенно новое в истории явление — вызвала большой интерес у общественности. Появились первые работы, в которых рассматривался путь, пройденный советской библиографией. Подводя итоги, их авторы отмечали непреложный и отрадный факт интенсивного роста библиографии, ее теории и методики. Так, в сборнике «Библиографическое дело» (70) Н. Ф. Яницкий писал, что библиография вышла из тесных рамок любительского коллекционерства, для успешного решения своих практических задач она должна быть построена на твердой научной базе. А. И. Маленин подметил

важную тенденцию в развитии библиографии, которая стала одним из могущественных средств проведения науки в массы, все более и более усиливающееся стремление помочь читателям разобраться в литературе, посвященной новому укладу жизни, партийному строительству, комсомолу, антирелигиозной пропаганде и т. д. (74).

На широком подходе к изучению советской библиографии основаны работы Е. И. Шамурина, в частности его статья «Организация библиографического дела в РСФСР (1917—1927 гг.)» (78).

Важным шагом в осмыслении практики библиографии, ее теории и методики явилась работа А. Г. Фомина «Современное состояние русской библиографии и ее очередные задачи» (75). Фомин считал, что после Октябрьской революции библиография стала больше удовлетворять потребности государства и широких трудящихся масс, хотя в этом отношении «нужно основательно подумать о том, как повысить жизненное значение библиографии, что должно быть сделано, чтобы она в большей степени, чем сейчас, удовлетворяла жизненные запросы» (75, с. 34).

Сдвиги в теории и методике библиографии, происшедшие во второй половине 20-х годов, наиболее заметны в тех работах, в которых освещались вопросы рекомендательной библиографии. Изучение этих проблем было закономерным и естественным. Если в первой половине 20-х годов надо было еще доказывать важность существования рекомендательной библиографии, то вторая половина этого десятилетия выдвинула перед библиографами проблему более глубокого осмысления теории и методики рекомендательной библиографии. В этом плане следует остановиться на статье Д. А. Балики «Рекомендательная (критическая) библиография» (79), одной из тех немногих работ, в которых развитие рекомендательной библиографии рассматривалось в непосредственной связи с Октябрьской революцией. Революция, писал Балика, придавала особенно большое социальное и культурное значение рекомендательной библиографии. Он стремится выяснить, что такое рекомендательная библиография и библиография критическая, их место; какова роль «критики» в библиографии, какие существуют отличия «библиографической критики» от критики научной и историко-литературной. Основную осо-

бенность современной ему библиографии Балика видел в том, что она отходит от «крайностей академического „объективизма“ регистрирующей библиографии и становится „критической“ библиографией — «Библиографическая критика, оценка — вот то конкретное выражение наших рассуждений о функциональной библиографии». Под «библиографической критикой» он понимал оценку книг, при этом подчеркивал: «Оценка библиографа и оценка критика различны, так как имеют направление к различным целям» (79, с. 60). Целью критика и историка литературы является анализ идейных проблем, заключенных в художественном произведении, исследование эволюции формы и стиля. Критик в результате анализа произведения должен раскрыть его социальную природу, показать его место в развитии литературы. «Основная идея, путеводная нить библиографа, — писал Балика, — выражается не во всестороннем анализе и исследовании литературного процесса, а в том, чтобы выделить рабочий коэффициент книги на сегодня, учесть читательскую технику, установить место книги на социально-экономической карте наших дней. Не анализ, даже не литературоведческий анализ со стороны функции, а функциональность» (79, с. 61).

В понимании Д. А. Балики роль критика-библиографа состоит не только в том, чтобы сообщить читателю о вышедшей книге, ознакомить его с содержанием, с тем, что нового и ценного дает книга. Библиограф в рекомендательно-библиографической информации должен показать, какое место занимает книга среди других работ по данному вопросу, для какого читателя она предназначена.

Если отбросить элементы вульгаризации, которые имеются в статье, то надо сказать, что статья была нужна и полезна для библиографии тех лет, она в определенной мере двигала теорию библиографии вперед. Статья исходила из общих принципов рекомендательной библиографии, сформулированных Л. Н. Троповским на II Библиографическом съезде, развивала их.

Многие теоретические вопросы пытался решить в своем очерке «Критическая библиография» Н. М. Сомов (77). Ощущение острой недостаточности старых библиографических способов раскрытия содержания книги пронизывает эту работу. Вместе с тем вульгарно-социологический подход, односторонность взгляда на библи-

ографию помешали Сомову написать полезную книгу. Он, в духе того времени, когда различные литературоведческие школы были заняты созданием новых, иногда абсолютно противоположных, методов исследования литературы, тоже занят поисками новых методов, только библиографических.

По Сомову, у библиографии имеются «два метода внешней библиографии, четыре метода внутренней библиографии и два подсобных библиографических метода». К методам внешней библиографии он относил формальный метод и регистрационно-статистический; к методам внутренней библиографии — классификационный, аналитический, критический и аннотационный методы. Сомов утверждал, что формальный метод имеет большое значение, подобно формальному (морфологическому) методу в литературоведении, «в основе которого лежит, главным образом, описательный анализ». Критический метод есть метод критической или рецензионной библиографии. Сама же критическая библиография, по мнению Н. М. Сомова, занимается раскрытием внутреннего содержания книг в рецензиях. Рецензия — суждение о книге, ее критическая оценка. В качестве «прекрасной иллюстрации» критической библиографии Сомов приводил венгеровское собрание сочинений В. Г. Белинского. Рецензии, подчеркивал Сомов, как и критика, подразделяются на научные и литературные. Делом последних должно быть выявление основной идеи произведения, освещение его главной тенденции, оценка языка и стиля. Стало быть, у Сомова критика и критическая библиография сливаются. Рецензии, отнесенные к критической библиографии, это не что иное, как критика, а не библиография. Возникает естественный вопрос: почему же тогда «критическая библиография» отнесена к библиографии, а рецензия к «критическому методу» библиографии? Эта путаница была замечена сразу же после выхода книги в свет. Д. А. Балика в рассмотренной выше статье отмечал, что Н. С. Сомов не указывает тех главных признаков, которые отличают критическую библиографию от обычной критики.

Конец 20-х годов был чрезвычайно богат поисками и достижениями в области методики аннотирования книг. Эти разработки велись тогда в двух направлениях.

Общие вопросы аннотирования изучал А. Г. Фомин, методику аннотирования для рекомендательной библиографии — Библиотечная секция кабинета культурной работы Ленинградского Губпрофсовета и особенно Бюро центральной каталогизации при Главполитпросвете, во главе которого стояли И. П. Жук и М. Е. Минчина.

Итогом определенного этапа в методике аннотирования стала книга А. Г. Фомина «Аннотации. Теория и практика их составления» (88). Книга — результат долголетних раздумий автора, впитавшая в себя все предыдущие его выступления на эту тему. Она имела общепубликационное значение, открывала перспективы разработки методики и практики аннотирования, хотя в то же время, как писал П. Н. Берков, подавляла своей «бесконечной регламентацией и предусмотрительностью на все случаи жизни» (138).

Большое место Фомин отвел специфике аннотирования художественной литературы, раскрывая отличие аннотации на художественную литературу от аннотации на научные книги. Фомин убедительно показал, что в последних ценно возможно полное сообщение содержания работы. Слишком же подробная передача в аннотациях содержания художественных произведений непозволительна, так как, благодаря аннотации, читатель ознакомится с основными моментами фабулы и развязкой до чтения произведения, что ослабит интерес к произведению и художественное впечатление от него. В данном случае Фомин соглашался с Конференцией по вопросам аннотирования, организованной Бюро центральной каталогизации в октябре 1927 г. В качестве негативного примера он приводил аннотацию из «Указателя книг для рабочих библиотек» (М., 1924) на рассказ А. Куприна «В недрах земли»: «Двенадцатилетний наивный Вася попадает прямо из деревни в разгульную и развратную, благодаря тяжелой жизни, среду шахтеров. Мальчика берет под свое покровительство один из рабочих Ваня Грек, славившийся как необычайной работоспособностью, так и кутежами. После одного из кутежей с „Греком“ случился припадок в то время, когда шахте грозил обвал. Все рабочие бросились к выходу, но Вася не покинул своего покровителя. Он взвалил рабочего на тачку и с невероятным усилием повез его к выходу. Вот он в нескольких шагах от платформы, но в это время платформа с последними рабочими подни-

мается вверх. Васька издает отчаянный крик и теряет сознание». Подчеркивая специфику аннотирования художественной литературы, Фомин указывал на необходимость приведения в аннотации сведений об авторе, так как его личность ярко выражается в произведении, при этом важно сказать о времени рождения и смерти автора, национальности, социальном положении, общественно-политических взглядах, его роли в общественной жизни, принадлежности к литературной школе, популярности. Не остались не замеченными Фоминим жанр, род, вид литературного произведения, метр стиха. Он полагал целесообразным указывать время, изображенное в произведении, тему, общественный класс, социальную группу, к которой принадлежат герои. Одновременно с этим он советовал библиографам не злоупотреблять приведением в аннотациях имен и фамилий героев, — более правильно обращать внимание читателя на их социальное положение, профессию, взаимоотношения. Говоря о раскрытии «главной мысли, основной идеи, тенденции» произведения, Фомин допускает серьезную ошибку, впрочем, типичную для большинства библиографов 20-х годов: поскольку установить идею художественного произведения точно и бесспорно бывает трудно, он рекомендует идею рассматривать лишь в том случае, если она высказана вполне определенно, как это бывает в явно тенденциозном произведении.

Характеризуя способы аннотирования собраний сочинений и сборников художественных произведений, Фомин советует руководствоваться правилами, выработанными Бюро центральной каталогизации в «Проекте временной инструкции по аннотированию». В этих случаях в аннотациях прежде всего называется общая тема и все то, что является общим для всех произведений, вошедших в собрание сочинений или сборник: эпоха, страна, общественный класс, группы и т. д. Затем указываются темы нескольких произведений, наиболее типичных для данного собрания сочинений или сборника. Если в собрание сочинений или сборник вошло много произведений и раскрыть темы каждого из них не позволяет объем аннотаций, следует ограничиться указанием темы наиболее значительных по объему или ценных в каком-либо отношении или приведенном лишь заглавий.

Неразработанность методики аннотирования, недостаточное теоретическое осмысление проблем тексто-

гии не позволили Фомину и другим библиографоведам полнее осветить методику аннотирования собраний сочинений и сборников. Ничего не было сказано о необходимости раскрытия качества выверки текста, полноты издания, принципов отбора текстов для избранного издания, расположения материала, характеристики его научно-справочного аппарата.

Не меньший интерес представляют рассуждения Фомина о несходстве аннотаций и рецензий. Первые, пишет он, главной своей задачей ставят дать четкое представление о произведении, его оценка стоит на втором плане или совсем отсутствует. Рецензии тоже могут ставить подобные задачи, но главная, основная их цель — оценка книги. Автор рецензии может выявлять свои личные взгляды и симпатии, не заботясь о том, выражают ли они общее мнение и отношение к данной книге.

Наряду с изучением общих вопросов аннотирования во второй половине 20-х годов предметом постоянной заботы библиографов продолжало оставаться аннотирование в рекомендательной библиографии. Эти вопросы наиболее обстоятельно рассматривались в группе тематического каталога при Библиотечной секции кабинета культпросветработы Ленинградского губпрофсовета и, конечно, в Бюро центральной каталогизации Главполитпросвета.

Результаты работы ленинградцев были обобщены Я. Е. Киперманом в книге «Педагогическая аннотация» (73), вышедшей в 1927 году. Основой для нее послужили опыт работы автора в группе тематического каталога при Библиотечной секции ЛГСПС, материалы II Библиографического съезда и БЦК Главполитпросвета.

В противоположность БЦК, Я. Е. Киперман считал, что в массовых библиотеках возможны только «педагогические аннотации». Роль аннотации для массового читателя не может быть сужена до «обнаружения содержания книги», так как он не в состоянии сделать выбор на этом основании. Поэтому аннотация должна разъяснять тему книги, указывать цель чтения, способы использования ее и работы с ней. Всем этим требованиям, как казалось Я. Е. Киперману, и отвечает педагогическая аннотация, которую он определяет как «рабочий» комментарий к книге, преследующий цель наиболее рационального ее использования читателями.

Термин «педагогическая аннотация» впервые был введен в обиход в докладе И. П. Жука на II Всероссийском библиографическом съезде. Назначение педагогической аннотации — создавать у читателя критическое отношение к книге, не рекомендуемой ему, а только «терпимой» в библиотеке, причем создавать это критическое отношение незаметно для читателя, путем определенных сопоставлений материала, установления тех или иных фактов, которые косвенно подталкивают читателя на желаемые выводы о книге. В этом приеме скрытого руководства читателем и влияния на него и видел И. П. Жук «педагогичность» аннотации. Позже сотрудники БЦК и сам Жук отказались от этого термина, считая, что он «изобретен без достаточной необходимости».

Хотя Я. Е. Киперман вложил в него несколько иной смысл, термин не прижился в библиографии, поскольку «педагогическая аннотация» соответствовала аннотациям, которые применялись в обычных рекомендательных указателях.

В книге Кипермана в инструктивной форме изложены особенности аннотирования произведений художественной литературы. Киперман рекомендовал давать указания на время и место действия, исторические события, в необходимых случаях отмечать автобиографичность, говорить о соответствии повествования действительности, раскрывать тему и идею произведения и ее созвучность современности, частично раскрывать сюжет или фабулу, характеризовать отдельных героев, обращать внимание читателя на художественные особенности и жанр, указывать критические работы о произведении и творческом пути автора.

Наметил Киперман и некоторые особенности аннотирования драматических и стихотворных произведений, а также книг по литературоведению и критике. Так, при аннотировании первых он рекомендовал обращать внимание на драматические жанры, на среду, изображенную в пьесе, на способы ее сценического воплощения.

При аннотировании стихотворных произведений Я. Е. Киперман советовал останавливаться на основных темах, жанре, преобладающих мотивах, приводить цитаты из стихотворений. Аннотирование книг по истории литературы и критике выделяется им потому, что здесь, в соответствии с представлениями того времени, надо было указывать на идеологию автора, сказать о методе,

примененном в книге, литературных направлениях и важнейших именах, о которых идет речь.

Как видим, рекомендации Кипермана, по сравнению с предшествующими работами, не внесли в методику аннотирования чего-то нового и свежего, они мало чем отличались от разработок, выполненных сотрудниками БЦК. Но книга Кипермана была все же полезна, так как обобщала практику составления аннотаций, которая была в то время вновь, да и методических работ и инструкций по методике составления аннотаций было считанное число.

Однако ни Я. Е. Киперман, ни кто-либо другой не смогли внести такого большого вклада в теорию и методику аннотирования в рекомендательной библиографии, как это сделали сотрудники Бюро центральной каталогизации. Как уже отмечалось нами, их опыт неоднократно обобщался и описывался И. П. Жуком и М. Е. Минчиной в печати, в выступлениях на совещаниях библиографов и библиотекарей. Итогом всей работы явилась книга Жука и Минчиной «Аннотация в каталоге массовой библиотеки» (83). Она отразила поиски, неудачи и достижения теоретической мысли 20-х годов в области аннотирования книг для рекомендательных пособий, хотя в ее основу положен главным образом опыт работы БЦК, а также консультации видного библиотековеда А. А. Покровского, который с первых шагов БЦК принимал участие во всех спорных и трудных вопросах. Для книги были привлечены и материалы конференций и различные отзывы печати.

Книга Жука и Минчиной разбита на две части: теоретическую — «Основы теории», содержащую общие принципы аннотирования, определение понятия аннотации, классификацию аннотаций, и практическую — «Техника аннотирования».

Как и в предыдущих своих работах, Жук и Минчина в книге уделяли внимание отличиям рецензии от аннотации, выяснение которых, как видим, имело в то время весьма актуальное значение. По их представлениям, эти отличия состояли в том, что рецензия, в противоположность аннотации, имеет своей главной задачей оценку книги — анализ ее идей, изложение мысли критика о художественном, научном и социальном ее значении, определение удельного веса книги в литературе, в культуре вообще, а содержание книги передает лишь постольку,

поскольку это необходимо для обоснования мнения и выводов критика.

К наиболее полезным страницам книги Жука и Минчиной, обогатившим библиографоведение, относятся те, в которых давались конкретные советы по методике аннотирования художественной литературы.

Отмечая, что интерес читателя к стилю и языку произведения значителен и что мимо них не может пройти аннотатор, Жук и Минчина рекомендовали применять любопытные приемы: подражание стилю произведения; передачу стиля и языка произведения, сравнения со стилем и языком писателя-классика; цитирование произведения; указание на своеобразие языка.

Обратили они внимание и на важность приведения в аннотациях фактов из истории написания или опубликования произведения. В то же время они предупреждали, что ссылки на другие произведения следует давать только в тех случаях, когда эти произведения имеют общих героев или общую тему, задуманы автором как одно целое и являются продолжением друг друга (например, «Ругой-Маккары» Э. Золя).

Подметили они изменения характера и своеобразия аннотаций в зависимости от жанра художественных произведений. Так, например, они отмечали, что методика аннотирования поэмы и стихотворных произведений с развитым сюжетом мало чем отличается от приемов аннотирования прозы, добавляются лишь сведения о метре стиха, манере автора, а цитирование является одним из основных приемов, помогающих передать в аннотациях стиль и особенности стихотворных произведений.

И. П. Жук и М. Е. Минчина указывают на отличие аннотаций на драматические произведения, при этом они исходят из сужающей читательской и деловой предпосылки: такие произведения аннотируются в расчете на руководителей драмкружков или режиссеров театров, выбирающих пьесу для постановки. Поэтому аннотации должны содержать справки о жанре, числе действий, актов, картин; числе мужских, женских и детских ролей; месте действия (или характере декораций); наличии интермедий, музыкального сопровождения; сущности коллизии; типе театра, которому доступна пьеса; сведения о театрах, в которых осуществлены наиболее значительные постановки пьесы.

Теоретическая часть книги «Аннотация в каталоге массовой библиотеки» написана под сильным влиянием Э. Севеджа и содержит много грубо ошибочных утверждений, среди которых наибольшее возражение вызывает отказ от оценки аннотируемых произведений, защита так называемого принципа объективности. Попутно заметим, что на такой же позиции стоял и заведующий БЦК М. П. Сафонов. Ведущим мотивом его статьи «Аннотация или рецензия?» (66) также служило убеждение, что аннотация не должна содержать оценки книги из-за невозможности правильно это сделать в момент выхода книги из печати. В дальнейшем эта исходная позиция БЦК не подверглась существенным изменениям (72). Она была поддержана и Конференцией по вопросам аннотирования, организованной БЦК в 1927 году. На конференции выступил И. П. Жук с докладом «Спорные вопросы аннотирования» (71). Конференция согласилась с Жуком и одобрила деятельность БЦК, считая, что в аннотациях каталога массовой библиотеки «оценки не должно быть».

Комплекс взглядов И. П. Жука и М. Е. Минчиной не мог не привести их к еще одной грубой ошибке — полному отрицанию необходимости при аннотировании раскрывать идею художественного произведения.

Неоднократное обсуждение этого вопроса, для методики аннотирования художественной литературы центрального, в БЦК заканчивалось отрицательным отношением к нему сотрудников Бюро. В основе негативного отношения к раскрытию идеи лежала мысль о том, что в большинстве художественных произведений идея автором не высказывается, что большей частью каждый читатель и каждый аннотатор может сделать из чтения художественного произведения свои собственные выводы и потому раскрытие идеи в таких случаях равносильно высказыванию личного мнения аннотатора и не является справкой о книге, справкой, которая в первую очередь должна быть дана в аннотации.

Такой ход мысли сотрудников БЦК, когда оценка произведения исключалась из аннотации, закономерно приводил библиографов и к отказу от раскрытия идеи, ибо раскрытие идеи произведения неизбежно приводит к его оценке, это — взаимозависящий процесс.

Подход к аннотированию художественной литературы, применяемый и пропагандируемый в БЦК, был со-

вершено неприемлем для советской библиографии. Он приводил и не мог не привести к отказу от коммунистической партийности, к отрицанию возможности объективного раскрытия содержания произведения, к забвению его общественно-политического значения, к безразличию к его социальной сущности.

Позиция, занятая сотрудниками БЦК, отсутствие оценки книг на карточках Бюро вызывали недоумение или резкие возражения многих библиотечных и книжных работников, считавших, что Главполитпросвет должен взять на себя труд оценивать книги. Это сохранит время читателей и оградит их от чтения ненужных, не рекомендованных книг.

Резко отрицательно квалифицировал работу БЦК А. А. Бек в статье «На библиотечном фронте» (69): «Ярчайшие образцы библиотечистского нейтралитета дает Бюро центральной каталогизации Главполитпросвета... БЦК в своей работе по аннотированию книг придерживается самого строгого нейтралитета: оно, во-первых, никогда не подчеркивает отрицательных сторон данного произведения, а во-вторых, вообще, «принципиально», отказывается от всякого марксистского и классового подхода к аннотируемой литературе». Разумеется, Бек был прав, утверждая: «Грамотно передать содержание произведения — это значит, прежде всего, выяснить и формулировать его идею».

Ошибочные тенденции, противоречащие основам советской библиографии, не могли просуществовать долго, не могли закрепиться в библиографии, не могли быть одобрены и советской литературной общественностью. Одна из аннотаций, составленная в соответствии с методикой аннотирования, разработанной БЦК, настолько возмутила А. М. Горького, что он ее послал в «Крокодил». Это была аннотация на роман И. Эльяшберга «Раввин и проститутка»: «История благородного, умного и красивого раввина Боруха-Манделя, во время мировой войны приехавшего в Москву и влюбившегося в красавицу-аферистку Настеньку, у которой он провел ночь, спасаясь от полиции. В романе фигурирует также добряк Давид Маркович, его гражданская жена, славная Авдотья Спиридоновна, добродушный говорун Файвель и другие добрые евреи и славные русские».

Отправляя аннотацию в «Крокодил», А. М. Горький снабдил ее своими замечаниями: «Уважаемый т. „Кро-

кодил». Разрешите обратить Ваше внимание на прилагаемую карточку. На мой взгляд — она нуждается в комментариях, которые именно Вы умеете давать кратко и выразительно.» (81). Редакция журнала, поместив аннотацию и замечания Горького на нее, писала: «Из карточки явствует, что „добродушные говоруны“ встречаются не только в романах Эльяшберга, но и в Главполитпросвете ... Свет не без добрых людей как говорится».

Как видим, вопрос об оценке книг в аннотациях приобрел особую остроту. Следует, однако, сказать, что в ту пору получили распространение и вульгарно-социологические трактовки этого вопроса, выдвигалось требование обязательности оценки для всякой аннотации, а попытки утвердить описательные или реферативные аннотации рассматривались как формализм, буржуазный объективизм, забвение партийности в библиографии, отход от марксизма-ленинизма.

Исходным пунктом концепции, по которой непременно условием советской библиографии, советского аннотирования была оценка книг, служило убеждение в необходимости установления нового, пролетарского отношения ко всей литературе, как советской, так и дореволюционной. Значение этой концепции в библиографии было для того времени, вне всякого сомнения, велико. Оно выводило библиографию из сферы формальной, аполитичной на путь активного служения социалистическому строительству.

Но это вовсе не означало, что в советской библиографии возможны и нужны читателю только «оценочные» аннотации.

Проблема партийности библиографии не сводится к критическим оценкам литературы в аннотациях. Аннотирование нельзя рассматривать вне связи с другими методами составления библиографического пособия, — с принципами отбора материала для указателя, его систематизации, с целевым и читательским назначением пособия. К тому же сами оценки литературы в аннотациях могут быть правильными и ложными, научными и антинаучными, коммунистическими и буржуазно-объективистскими. В библиографии целесообразны и нужны разного рода аннотации: и критические, и описательные, и носящие рекомендательный характер и справочно-библиографический. Мысль о необходимости только оценочных аннотаций могла существовать лишь

на первой стадии развития советской библиографии, в разгар борьбы со всем старым и изживающим себя. С упрочением же советского общества, с укреплением новой советской библиографии острота в постановке этого вопроса постепенно пропадает, «оценочная» аннотация занимает свое место в ряду других способов аннотирования, она становится одной из важных, но не единственной в советской библиографии и получает все большее признание. Дальнейшая разработка теории и методики библиографирования открыла неправомерность приoliniейного требования оценки литературы в аннотациях и одновременно с этим показала всю несостоятельность отказа от «оценочных» аннотаций.

В конце 20-х и в начале 30-х годов наметились новые тенденции. Внимание теоретиков библиографии и аннотаторов-практиков было направлено на раскрытие идейно-тематического содержания художественного произведения, на оценку его социальной сущности с позиций марксистско-ленинского литературоведения и критики. На этой почве развилось то направление в теории, методике и практике библиографии, которое стало ведущим в современной библиографии.

В заключение надо сказать, что советская теория и методика литературной библиографии 20-х годов создавалась, набиралась опыта, укреплялась вместе с ростом духовной культуры народа, одновременно с развитием литературоведения и критики, библиографии и библиографоведения в целом.

Путь этот был сложным и противоречивым. В процессе постепенного укрепления и совершенствования теории и методики библиографии закладывался не без трудностей, не без ошибок фундамент советского библиографоведения. Гражданственность, общественная активность советской литературной библиографии были естественным отражением ее социальной природы, складывались в традицию, передавались следующим поколениям библиографов.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ В 30-е ГОДЫ

1

Путь, пройденный советской библиографией, ее теорией и методикой в первый период развития, послужил основой для более высокого этапа развития, обусловленного историческими изменениями, происшедшими в экономической, политической и социальной жизни страны.

В 30-х годах победой закончилось развернутое наступление социализма по всему фронту, в стране была завершена социалистическая реконструкция всех отраслей народного хозяйства и построено в основном социалистическое общество. Изменился и классовый состав населения. К середине 30-х годов завершилась ликвидация остатков эксплуататорских классов, укрепилось морально-политическое единство советского народа. Создались лучшие условия для развития науки и культуры.

Задачи, стоявшие перед библиографией, определялись рядом постановлений ЦК ВКП(б). В постановлении «Об издательской работе», принятом в августе 1931 года, были установлены цели рекомендательной библиографии и заложены организационные формы ее развития. ЦК партии отметил огромное значение, которое приобрело библиографирование книжной продукции, указал на необходимость создания такой системы библиографирования, «которая обеспечила бы авторитетное и своевременное ознакомление широких кругов читателей с литературой» (12, с. 408). Этим постановлением ЦК партии подчеркнул общественную роль библиографии.

Исключительно важное значение для литературной библиографии имело постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» (13), которое не только обус-

ловило пересмотр многих методологически важных, принципиальных проблем литературоведения и критики, уничтожило почву для распространения вульгарно-социологических концепций, но и создало благоприятные условия для более глубокого осмысления литературных и библиографических явлений.

Для дальнейшего плодотворного развития теории и методики литературной библиографии необходимо было всестороннее изучение теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, их взглядов на литературу и искусство. В углубленной разработке эстетического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса важную роль играли публикации их писем к Ф. Лассалю и писем Ф. Энгельса к М. Гаркнесс и М. Каутской, отражавшие взгляды основоположников марксизма на реализм. Немаловажную роль сыграл и сборник «Маркс и Энгельс об искусстве» (1933 г.), в котором впервые были объединены отдельные работы и высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по этим проблемам. Крупных успехов достигло изучение эстетических и художественных вкусов В. И. Ленина, появилась одна из самых значительных в то время работ, исследующая эстетическое наследие Ленина: «Ленин и литературоведение» А. В. Луначарского.

Начавшееся в 30-х годах глубокое исследование ленинских литературных воззрений имело большое значение для советской библиографии, для разработки ее теории и методики и стало центральным в библиографоведении. Взгляды В. И. Ленина на библиографию связывались с освещением актуальных проблем теории и практики библиографии, с осмыслением таких сложных вопросов, как партийность в библиографии, традиции и новаторство в библиографической деятельности. Анализ библиографических работ В. И. Ленина — рецензии на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг» (4), библиографии к статье «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)» (5) и других работ, не входивших в поле зрения библиографов 20-х годов, — дал возможность установить те основные принципы, на которых должна строиться советская библиография и библиографоведение.

Первой попыткой охарактеризовать особенности библиографических работ В. И. Ленина была статья С. Г. Романова «О марксистско-ленинской библиогра-

фии» (99). Вслед за этой статьей публикуются работы других авторов, среди них «Библиография марксизма» В. И. Ленина и наша библиографическая практика» Ф. Я. Зимовского (108), «Работа Ленина с библиографической литературой» Н. В. Здобнова (114)*, «Ленин и библиография» А. Д. Эйхенгольца (122).

Изучая ленинское учение о партийности, советские библиографоведы стремились применить его к библиографической специфике, установить место понятия партийности библиографии в кругу других методологических понятий классовости, народности, идеологии.

Разумеется, применение ленинского принципа партийности в библиографии должно быть свободно от схоластики и упрощения. Тем не менее в некоторых теоретических работах встречался абстрактно-социологический подход. Авторы этих работ считали, что каждый библиографический указатель должен содержать предварительные критические характеристики и что все ленинские замечания по поводу труда Н. А. Рубакина «Среди книг» автоматически распространяются на все виды библиографических изданий, на методику составления всех конкретных пособий. Так толковалась ленинская рецензия авторами первых статей о ней, в особенности С. Г. Романовым. Такой подход характерен и для работ, опубликованных позже. Раскрывая ленинские положения, нельзя забывать то, что Ленин написал рецензию на указатель Н. А. Рубакина, поставившего себе целью дать разумный обзор русских книжных богатств и справочное пособие для самообразования и библиотек.

Существует и другая точка зрения, согласно которой ленинские положения, содержащиеся в его рецензии на указатель Рубакина, распространяются исключительно на рекомендательные, выборочные научно-вспомогательные указатели, осуществляющие отбор и характеристику библиографируемых источников. Такой вывод сделал Н. В. Здобнов, а вслед за ним, но значительно позже и на более широкой основе, — О. П. Коршунов в монографии «Проблемы общей теории библиографии» (257, с. 152—160).

Безусловно, наиболее ярко принцип партийности в библиографии обнаруживается там, где проявляются

* Под этим заглавием напечатан первый раздел статьи «Об отношении Ленина к библиографии», почти полностью опубликованной в 1958 г. (182).

ее учебно-воспитательная и агитационно-пропагандистская функции. Но было бы ошибкой ленинскую концепцию партийности применять как схему и принцип партийности распространять лишь на ту деятельность, в результате которой осуществляется качественная оценка отбираемого либо так или иначе и характеризующего в библиографическом пособии материала.

Любая библиографическая информация преследует определенные задачи и цели, которые ставит перед собой общество, класс. Поэтому она носит партийный, классовый, оценочный характер, он и воплощается во всех ее видах, при всей ее широте и многоаспектности, хотя эта ее природа не всегда видна и не всюду проявляется на поверхности явлений.

Возрастающее стремление к теоретическому осмыслению библиографии на основе марксизма-ленинизма способствовало в 30-х годах формированию нового, более глубокого подхода к ряду важнейших библиографических проблем.

Эти поиски отражали в значительной мере понимание задач советской библиографии, ее действительный характер и в совокупности являлись осмыслением функций библиографии на новом этапе и в новых условиях.

По существу эти вопросы обсуждались в статьях В. И. Невского «Наши задачи» (92), Л. Н. Троповского «Задачи советской библиографии», помещенных в первом номере журнала «Библиотековедение и библиография» (93).

В открывавшей журнал статье его редактора В. И. Невского утверждалось: революционная эпоха в самое понятие научный метод, научная теория внесла такие изменения, что необходимо с иной точки зрения взглянуть на старые методы любой отрасли знания, в том числе и библиографии; применить методы материалистической диалектики к таким дисциплинам, как библиография, «обязывает нас время и развитие самой науки» (92, с. 4). Невский занял подлинно партийную позицию в решении одной из самых сложных и важных проблем библиографии. Разработка «теории этого дела с целеустремленностью именно в сторону обслуживания широких масс, — писал он, — вот главный нерв современности» (92, с. 5). Но отсюда, подчеркивал он, несколько не следует, что нужно заниматься только рекомендательной библиографией политпросветского типа.

В статье Л. Н. Троповского «Задачи советской библиографии» концентрируется внимание на целях рекомендательной и научно-вспомогательной библиографии в новых исторических условиях. Советская библиография должна изменить темпы и осмыслить новые цели и задачи, которые перед ней стоят в данный период. Библиография необходимо «срастись с великой стройкой, откликаться на ее потребности, отражать ее в своеобразных, свойственных ей формах» (93, с. 26). Исходя из этой предпосылки, Л. Н. Троповский писал о необходимости выкорчевать формалистические тенденции в библиографии, рутинные формы и приемы, абстрактное следование готовым канонам, беспристрастную нейтральность. Исключительное внимание уделено в статье рекомендательной библиографии как важному орудию пропаганды массовой книги и помощи читателю. Не останавливаясь на общепринципиальных библиографических проблемах, уже изложенных им в докладе на II Всероссийском библиографическом съезде, Троповский в этой статье говорит о вопросах, выдвинутых в начале 30-х годов. К ним он относил необходимость ориентировки рекомендательной библиографии на читателя, как правило, еще до него не доходившей, изучение читателя, создание действительно массовой библиографии, широкое использование массовой прессы, которая, вопреки указаниям ЦК партии, почти не уделяла библиографии должного внимания, развертывание борьбы с засоренностью фондов библиотек устаревшей литературой.

Затрагивая задачи, стоящие перед научно-вспомогательной библиографией, Л. Н. Троповский отмечал, что она должна «обеспечить быструю, толковую, исчерпывающую информацию каждого научного и практического работника о всех книгах, статьях и других материалах, касающихся вопросов его специальности. Между тем здесь у нас царит медленность, бессистемность, случайность» (93, с. 29).

Свидетельством четкого и правильного понимания Троповским отличительных особенностей рекомендательных библиографических пособий от научно-вспомогательных указателей служат и его записки, относящиеся к этому периоду. Библиографические списки могут быть «исчерпывающими, охватывающими всю литературу» («Индексы научной литературы СССР», «Лениниана»), и этот род указателей наиболее пригоден для научных

работников, которым важен исчерпывающий охват литературы по интересующему их вопросу. Другой род пособий составляют рекомендательные указатели, они включают только в той или иной степени рекомендуемые читателю издания, не указывая малоценных, устаревших и непригодных, а если и дают такие книги, то сопровождают их критической библиографической характеристикой (как это делается, например, в журнале «Книга — строителям социализма»). Конечно, подчеркивает далее Троповский, при составлении исчерпывающих указателей также необходим критический подход к литературе. И такая библиография не может быть нейтральной (285).

Идея отбора литературы в научно-вспомогательной библиографии в то время получила широкое распространение. В библиографоведении все больше укрепляется точка зрения, согласно которой считать отбор литературы прерогативой составителей рекомендательных пособий — ошибочно. Однако проблема отбора материала достаточно сложна. Нельзя оправдать позицию тех библиографоведов, которые требовали резкой выборочности включаемого материала в библиографические издания типа «Ежегодников», «Летописей» Книжной палаты, «Индексов научной литературы». Признание необходимости отсева определенных изданий не делает регистрационную библиографию принципиально избирательной. Ведь природе регистрационной библиографии свойственна полнота отражения материала. Библиографы, игнорировавшие этот существенный признак, проявили непонимание потребностей науки, потребностей общества в подобной библиографии.

С позиций убежденного сторонника отбора материала в библиографии выступал И. В. Владиславлев. Но в его статье «За реформирование органов государственной библиографии» (98) нетрудно заметить элементы чрезмерно прямолинейного подхода к рассмотрению этих вопросов. «Реформирование» всей библиографии и в первую очередь «Ежегодников», «Летописей» Книжной палаты, «Индексов научной литературы» он связывал с необходимостью «дефетишизации книги». Придавая своему утверждению вид исторической закономерности, Владиславлев писал, что нужно создать совершенно новый тип «жизненного» справочника, «решительно порывающего с традициями феодально-буржуазной библио-

графической школы». Соответствует такой установке указатель, в котором будет резко ограниченно отражена книжная продукция, «неразмазанное» описание и «комплексированное» расположение материала. Эту же мысль он проводит три года спустя в письме к В. И. Невскому (280), где опять говорит о «чуждой», «ошибочной методологии», о «проклятом вопросе для всей нашей библиографии».

Существование в советском библиографоведении различных взглядов на принципы отбора материала в научно-вспомогательной и регистрационной библиографии не подвергало сомнению или отрицанию главной предпосылки — обязательности отсева литературы при составлении всякого библиографического пособия. Речь шла лишь о конкретизации этого принципа.

Но было бы неверно представлять себе, что в библиографоведении той поры отсутствовали грубо ошибочные, мешавшие его развитию толкования. В манере обличения контрреволюции в библиотековедении и библиографоведении выступил на страницах «Красного библиотечка» секретарь Ленинградского общества библиотековедения Б. М. Левинтов (96). Обвинив В. И. Невского как ответственного редактора журнала «Библиотековедение и библиография» в «неясности» «в вопросе о методологии журнала», Б. Левинтов высокомерно и безапелляционно утверждал, что статья В. И. Невского «Наши задачи» свидетельствует об отсутствии партийности в журнале, об отсутствии заостренности его против буржуазно-феодальной методологии и методики, против отрыва от революционного опыта и революционной практики пролетариата» (96, с. 16). Отвечая на это выступление, Невский вполне обоснованно заметил, что у Б. Левинтова «отсутствующую логику заменяет развязность» (281).

В действительности, в отличие от Б. Левинтова и других, Невский прекрасно понимал задачи, стоявшие перед журналом, перед библиотековедением и библиографоведением. Это прежде всего применение марксистской методологии к проблемам библиотечного дела и библиографии. И вместе с тем он видел всю сложность предстоящей работы. Чтобы решить «методологические, теоретические и практические вопросы со всей серьезностью и глубиной, а не в той агитационной форме, в какой мы пишем много и спешно, для этого нужно иметь

кадр» подготовленных библиотекарей и библиографов, писал он (281). На эти же трудности, но только в связи с другим вопросом, указывала и ответственный редактор «Красного библиотекаря» М. А. Смушкова (97).

В высказываниях некоторых библиотечковедов и библиографов тех лет библиография была лишена конкретно-исторической и практической основы. Не все еще понимали, что простым провозглашением себя последователями диалектического материализма и огульным отрицанием прошлого теоретические проблемы библиографии решить нельзя. Несомненно, правильной была позиция В. И. Невского, Л. Н. Троповского и ряда других деятелей библиографии. Утверждение Л. Н. Троповского, что, по существу, теории библиографии, разработанной системы принципов и методов библиографической работы у нас нет, но схоластических словопрений, исканий самодовлеющих имманентных сущностей, законов и выводов очень много, хотя надо со всей решительностью заявить, что библиография — дисциплина сугубо практическая, и ее теория должна быть всецело подчинена практике и проверяться практической работой (93, с. 30), — отвечало историческим условиям времени.

При определении целей и задач советской библиографии все настойчивее выдвигалось требование партийности библиографии, ее высокой идейности. Особенно много внимания этой проблеме уделял журнал «Книга и пролетарская революция», ответственным редактором которого был А. С. Бубнов. Потребность в таком «ведущем органе марксистско-ленинской критики и библиографии колоссальна и ощущается особенно остро на данном этапе соц. строительства», — писал современник журнала (283). Партийность библиографии — лейтмотив статей, помещенных на страницах журнала. Об этом в статье «Неотложные задачи библиографической работы» писал Л. Н. Троповский, считавший, что основные пороки библиографии проистекают из того, что она «недостаточно партийна» (101).

Один из номеров журнала (1935, № 6), целиком посвященный проблемам библиографии, открывался редакционной статьей «Узловые вопросы советской библиографии» (112), в которой подчеркивался самый характер советской библиографии, ставящей во главу угла обслуживание нужд социалистического строительства, активную помощь читателю, открытое провозглашение

принципа партийности. Одновременно с этим редакция журнала указывала на необходимость поворота теории библиографии «к научной разработке проблемы применения метода диалектического материализма в библиографии».

Обязательность партийности советской библиографии питала статью Л. Н. Троповского «О пропаганде библиографии и борьбе за большевистские кадры в библиографии» (111). В ней Троповский затрагивал сложную и весьма острую для того времени проблему отбора литературы в научно-вспомогательной библиографии. Он писал, что «исчерпывающие» списки литературы, в которых смешаны научные труды, компилятивные, популярные работы, имеющие лишь отдаленное отношение к теме, при отсутствии раскрытия их содержания ставят специалиста в затруднительное положение, заставляют предпринимать бесполезные поиски. Нужна предварительная работа библиографа, выделяющего то, что может иметь действительное значение. Причем отбор, подчеркивал Троповский, должен производиться в соответствии с принципом партийности. Очень важны мысли Троповского об аннотировании, в частности художественной литературы. Он осуждал примитивное понимание партийности аннотации, которое сводится к фиксации «партийной или научной принадлежности автора», в то время как «партийность аннотации состоит в таком раскрытии тематики книги, которая действительно отражала бы политическое лицо этой книги, а не извращала и не смазывала его». На примере аннотации на «Поднятую целину» М. Шолохова Троповский показывает, что в аннотации можно перечислить внешние эпизоды, место действия, персонажи романа, «выхолостив из него всю живую душу». И это «будет „объективистская“ аннотация». Но можно «ярко отразить идею произведения, его большевистский пафос, целеустремленность, дать читателю понять и почувствовать его силу и значение, не давая формально-критической оценки („хорошо“, „замечательное произведение“, „рекомендуется“ и т. п.). Это будет действительно объективная, но партийная аннотация». Далее автор делает вывод: «Мы думаем, что по отношению к художественной литературе в подавляющем большинстве случаев просто невозможно правильное, неискаженное отражение ее тематики без критической партийной оценки аннотатором ее идеологического

лица (безразлично, выраженной ли в явной форме или являющейся внутренней предпосылкой самого оформления аннотации, выделения существенных ее элементов)» (111, с. 15). Этим выводом Троповский делает значительный шаг вперед в методике аннотирования художественной литературы по сравнению с библиографами 20-х годов, даже наиболее передовыми из них, которые только еще нащупывали главную особенность аннотирования художественной литературы — раскрытие ее идейно-тематической основы. Троповский впервые в библиографии поставил в прямую связь идейно-тематическое раскрытие содержания художественного произведения и объективность, партийность аннотации, показал их взаимозависимость.

Пониманием партийности библиографии отличалась статья И. Н. Кобленца «Некоторые вопросы библиографической методики» (109). Он писал: «Аморфная, политически-безразличная, принципиально-беспартийная и тем самым объективно-буржуазная библиография недавнего прошлого шаг за шагом уступает место библиографии целеустремленной, стоящей на партийных коммунистических позициях и всецело подчиняющей свои цели, содержание и методы задачам борьбы за построение бесклассового общества». Процесс перестройки библиографии, писал далее он, требует «библиографической теории, стоящей на современном уровне марксистско-ленинской методологии». В отличие от многих, считавших, что в советских условиях возможна только «выборочная библиография», И. Кобленц писал, что сама постановка вопроса в плоскости противопоставления «одного метода библиографического отбора другому, как полезного — вредному, как ответственного — безответственному, и т. д., научно-бесплодна и практически неправильна» (109, с. 43). Все дело в том, что это различные формы в обслуживании разнообразных потребителей и потребностей.

Рассматривая проблемы библиографического аннотирования, автор статьи отмечал, что позиция принципиально беспартийной, т. е. объективистской библиографии нашла в области аннотирования наиболее сильное выражение особенно в первые послереволюционные годы. «Совершенно естественно, — писал далее он, — что в последнее время уделялось большое внимание борьбе с аполитичной аннотацией». Подчеркнув эту «совершен-

но необходимую борьбу», Кобленц вместе с тем выступил против «выводов, вредных для библиографической работы», против отрицания права на существование описательной аннотации, так как «метод описательного аннотирования ни в каком противоречии с партийностью науки не стоит» (109, с. 44—45). Кобленц правильно считал, что принцип партийности столь же приложим и к описательному и к критическому аннотированию: не вдаваясь в критику аннотируемого произведения, аннотатор может фиксировать социальную позицию, научную и партийную принадлежность автора произведения.

Понимание, осознание возникающих перед теорией и методикой библиографии задач, которые отвечали бы реальным надобностям культурного роста страны, новым потребностям библиографии тех лет, стало насущной необходимостью библиографов. Это ярко проявилось на Всероссийском совещании по теоретическим вопросам библиотекосведения и библиографии, созванном Наркомпросом в конце 1936 года.

Речь Н. К. Крупской на этом совещании нацеливала библиотечарей и библиографов на то, чтобы они руководствовались в своей работе указаниями В. И. Ленина и партии, на то, чтобы библиография больше помогала читателю в самообразовании, библиотечарю — в работе с читателем (117).

Оценку и анализ состояния советской библиографии содержал доклад Л. Н. Троповского «Основные проблемы советской библиографии» (120). Пафос доклада — утверждение партийности в советской библиографии, полное подчинение библиографии задачам социалистического строительства. «Принципы советской библиографии основаны на учении марксизма-ленинизма», — подчеркивал Троповский (120, с. 55). Успешное развитие библиографии тормозится слабой разработкой ее теории и методики, здесь еще «значительны пережитки формалистических и других неприемлемых для нас тенденций буржуазного книговедения и библиографии».

Особое внимание на совещании и, в частности, в докладе было уделено методике отбора и аннотирования материала для библиографических пособий. Хотя каких-либо существенных поправок в уже утвердившиеся в советской библиографии критерии внесено не было, эти вопросы прозвучали на совещании с большой силой и убежденностью, подтвердив достигнутое в прошлые годы.

«Отбор произведений, подлежащих библиографированию,—говорил Троповский,—должен строго определяться целевым назначением библиографической работы. Недопустимо руководствоваться при отборе формальными признаками, засорять указатели во имя формальной полноты ненужными для данной цели произведениями. Стремясь к необходимой полноте в точно оговоренных рамках поставленной цели, библиограф должен подходить к отбору критически, соблюдая историческую и политическую перспективу» (120, с. 56).

Партийность давно уже заняла определяющее место в методике аннотирования тех лет. Троповский же говорил о том, что надо отвергнуть неосуществимое требование, чтобы аннотация давала развернутую критику произведения, и в то же время, подчеркивал он, «необходимо настаивать на партийности аннотирования во всех его видах и формах, на правильном отражении и недопустимости затушевывания, искажения идеологического облика книги в угоду формальным принципам» (120, с. 57). Троповский справедливо считал, что методика аннотирования еще слабо осмыслена, необходимо усилить ее разработку, вести ее дифференцированно, применительно к конкретным особенностям аннотирования отдельных отраслей литературы. Однако его категорическое утверждение о том, что пособия «по этому вопросу пронизаны формалистическими и объективистскими тенденциями» (120, с. 57), имело несколько упрощенный характер.

Состояние теории и методики в 30-х годах, особенно во второй половине, отражало сильные и слабые аспекты библиографии той поры. С одной стороны, определились и утвердились основные принципы советской библиографии, не поколебленные дальнейшим ее развитием, с другой стороны, теоретически разбитая вульгарная социология еще тормозила разработку теории и методики, задерживала создание общих принципов, на которых должна строиться советская библиография.

2

В 30-х годах, наряду с разработкой общепринципиальных вопросов теории библиографии, продолжались поиски конкретной методики составления библиографических пособий. От освещения отдельных сторон методики надо было переходить к систематическому обобщению

накопленного материала. Этого требовала историческая необходимость.

Заслуга создания обобщающего методического пособия принадлежит Е. И. Шамурину. Еще в 1931 году для Заочного библиотечного вуза Центрального института кадров народного образования он подготовил к печати рукопись «Основы библиографии» (287). В работе освещались различные вопросы библиографии, относящиеся к ее истории, теории и методике. Подчеркивая коренные отличия советской библиографии от дореволюционной, Шамурин писал, что произошло осознание и заострение теоретических проблем социальной роли библиографии—то, что в дореволюционной России лишь смутно ощущалось лучшими библиографами, произошел решительный отказ от признания за библиографом только роли книжного регистратора. Библиография стала орудием просвещения трудящихся масс, одним из звеньев в общей цепи различных форм массовой культурно-просветительной работы.

Рукопись Е. И. Шамурина рецензировал Л. Н. Троповский (284). По его мнению, в работе лишь формально были отражены социально-политическая обусловленность библиографии, ее социально-политические задачи и принципы, «мало содержательно освещена критико-рекомендательная библиография». Троповский отметил и другое серьезное упущение автора, считавшего, что только рекомендательная библиография является «областью скрытой социальной борьбы». Троповский замечает, что регистрационная библиография тоже не надклассовая.

Книга Е. И. Шамурина не была издана, видимо, потому, что, по словам Л. Н. Троповского, она отвечала на вопрос, «чем занимается библиография», а не «как заниматься библиографией». Слушатели Заочного библиотечного вуза нуждались прежде всего в книге, отвечающей на последний вопрос. Кроме того, она носила характер вводной части библиографического учебного курса, которая должна быть подкреплена и развита другими работами, а таковые не были подготовлены. Значительная часть «Основ библиографии» была использована автором в его книге «Методика библиографической работы»—первом опыте пособия, охватывающего многие проблемы библиографии, начиная от ее определения и кончая вопросами аннотирования и классификации

(103.) Автор широко использовал материалы II Библиографического съезда, работы И. В. Владиславлева, Л. Н. Троповского, Д. А. Балики, А. Г. Фомина, И. П. Жука, М. Е. Минчиной, критиковал «глубоко принципиальную ошибку» последних. Правильно возражая против усложненных схем типизации аннотаций, предложенных его предшественниками, особенно А. Г. Фоминым, Е. И. Шамурин, однако, сам рекомендует различать аннотации по степени углубленности в них характеристик произведений печати: формальные, описательные, реферативные, критические и рекомендательные. Впрочем, такую группировку сам Е. И. Шамурин понимал как «рабочее деление». Аннотации на художественные произведения он относил, как правило, к описательным аннотациям, считая, что в них следует обращать внимание на жанр, литературную историю произведения, раскрывать его тематику, при этом отвергал стремление к передаче сюжета или фабулы. Эти советы не касались существа аннотирования художественной литературы — раскрытия идейно-тематической основы произведения, и тем самым Е. И. Шамурин сделал шаг назад по сравнению с авторами, которые считали это обязательным для аннотации. В труде Шамурина есть и другие ошибки, так, обойден, по существу, один из принципиальных вопросов — отбор литературы для научно-вспомогательной и рекомендательной библиографии.

Книга, безусловно, сыграла полезную роль в разработке методических проблем, и, на наш взгляд, неправ был А. Д. Эйхенгольц, который в рецензии дал слишком суровое «общее заключение о неудаче этого первого опыта» (103а, с. 42).

Другую попытку создать обобщающий методический труд в виде учебного пособия для библиотечных техникумов предпринял Научно-исследовательский институт библиотековедения. Под руководством Г. К. Дерман велась коллективная работа над пособием «Библиография и комплектование в массовых библиотеках».

Учебник не был завершен. Однако сохранившиеся архивные материалы проливают некоторый свет на понимание авторами отдельных важных вопросов. Так, Л. С. Мандельштам в главе «Аннотирование, использование рецензий и составление библиографических указателей в массовой библиотеке» проводит четкую

разграничительную линию между рецензиями и аннотациями. Рецензия, отмечает она, дает отзыв (оценку) произведения на основе критического его разбора. В отличие от аннотаций рецензии могут адресоваться не только читателям, но и авторам, редакторам, издателям. Таким образом, рецензии содействуют и правильному использованию печатной продукции, и поднятию ее качества. Они представляют ценность только тогда, когда написаны авторитетными специалистами или отражают отношение к рецензируемому произведению определенной читательской группы (282).

Замечания Л. С. Мандельштам показывают, что теоретическая мысль все глубже уясняла принципиальные отличия между библиографической характеристикой книг и критической их оценкой, различия между библиографией и критикой. Это понимали даже те теоретики библиографии, которые хотя и относили рецензии к формам библиографической характеристики, однако видели существенные отличия рецензии от аннотации. В этом смысле показателен фрагмент из готовившейся для печати статьи Л. Н. Троповского «Библиография» (285): аннотация — углубленная форма описания, дающая краткое изложение содержания книги и некоторые другие дополнительные сведения (об авторе, эпохе, степени доступности и т. д.); рецензия, кроме изложения содержания, дает указания на недостатки и достоинства, дает критическую оценку с политической, научной и художественной точек зрения.

3

Для литературной библиографии 30-е годы были особыми: появились крупные работы, рассматривающие теорию и методику литературной библиографии не наряду с прочими общебиблиографическими проблемами, а специально, самостоятельно. Это было вызвано бурным развитием библиографии художественной литературы и литературоведения в советские годы. Среди таких работ выделяется «Путеводитель по библиографии, биобиблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы» А. Г. Фомина (105), в котором помещены две статьи «Библиография как дисциплина вспомогательная для литературоведения» и «Общий обзор библиографии, биобиблиографии и историографии литературы», при написании которых автор использовал

свою статью «Библиография литературы», опубликованную в «Литературной энциклопедии» (1929 г.) (89).

В статье «Библиография как дисциплина вспомогательная для литературоведения» Фомин впервые в библиографии определил цели и задачи литературной библиографии: *«Под библиографией как вспомогательной для литературоведения дисциплиной следует понимать не нечто особое, а лишь ту часть общей науки библиографии, которая помогает литературоведческой работе»* (105, с. 39). Как вспомогательная дисциплина библиография помогает ориентироваться в печатной продукции, выбирать работы, лучшие в научном отношении, наиболее нужные социалистическому строительству. Библиография предоставляет основной материал для литературоведения, выявляя сами объекты изучения.

Такое понимание литературной библиографии носило принципиальный характер. Оно было направлено против тех, кто пытался оторвать литературную библиографию от ее основы — литературоведения, считая, что библиография — «самодовлеющая» дисциплина. Фомин определяет состав литературной библиографии как науки: теория и методика, состоящая из способов описания и аннотирования работ по художественной литературе и литературоведению, принципов составления библиографических указателей по литературе и приемов разыскания литературных материалов; кроме того, в ее состав он также ввел источниковедение, т. е. знание библиографических указателей по литературе. Как видим, А. Г. Фомин не включил в состав литературной библиографии ее историю. Ничего не сказано и о типологии библиографических пособий, об информационной справочно-библиографической работе по литературе, не упомянута и пропагандистская функция литературной библиографии — рекомендательная библиография.

В «Общем обзоре библиографии, биобиблиографии и историографии литературы» впервые в таком объеме характеризовались библиографические пособия по литературе, созданные почти за 200 лет, с 1736 по 1932 год. Все библиографические пособия, сгруппированные по типам и видам, Фомин систематизировал в соответствии с их содержанием и читательским назначением. Исходя из содержания, он разделил пособия на посвященные теории литературы и посвященные истории литературы (русской, иностранной). По основному принципу распо-

ложения материала в них разбил на алфавитные, систематические, тематические.

Группируя по читательскому назначению, он отграничил библиографические работы, адресованные литературоведам-исследователям, от пособий, предназначенных для более широкого круга лиц. Такая группировка существовала вплоть до наших дней. Обзор библиографических указателей дан в перечислительной манере, библиографические явления рассматриваются А. Г. Фоминим вне связи с развитием литературоведения и общественной жизнью эпохи.

Подводя итоги состоянию библиографии русской литературы, Фомин приходит к убедительному выводу: эта библиография находится в лучшем положении по сравнению с другими, посвященными различным наукам, но в ней нет плановости и систематичности, библиография отдельных писателей разработана очень неравномерно.

Особое внимание в статье уделено отбору материала для указателей. Как и прежде, Фомин считал, что на эту важную сторону работы не обращается должного внимания, что создание указателей, учитывающих материал, строго отобранный, — одна из важнейших задач литературной библиографии. А. Г. Фомин видел насущную потребность в разработке классификационных схем для указателей согласно марксистско-ленинскому литературоведению. Говоря об аннотировании литературы, он рекомендовал снабжать указатели критическими аннотациями, значительно облегчающими использование перечисленного в указателе материала.

Хотя в книге А. Г. Фомина содержится характеристика библиографических указателей, изданных вплоть до 1932 года, многие пособия, появившиеся после Октябрьской революции, остались за рамками „Путеводителя“. Некоторые из них рассматривались другими авторами в статьях, опубликованных в общей и специальной периодической печати. Не все статьи были достаточно аргументированы, глубоки по содержанию и справедливы по оценкам. Так, в журнале „Книга и пролетарская революция“ была напечатана статья „Русская литература и критика в реестрах реакционно-буржуазных библиографов“ (100). В ней характеризуются, как ее автор пишет, „итоговые перечни“, т. е. указатели, которые „регистрируют подлежащий их ведению мате-

ческих пособий по литературе, особенно остро встали вопросы методики подготовки библиографических литературных указателей, рассчитанных на научных работников. Надо было решить проблемы отбора, систематизации литературы. Общими чертами всех выступавших по этим вопросам были неудовлетворенность старыми способами составления пособий в помощь научной работе и стремление заменить их иными, отвечающими новым социальным, культурным и научным условиям. В этом отношении характерны статьи М. К. Азадовского и С. Д. Балухатого, крупнейших советских библиографов и литературоведов.

М. К. Азадовский в статье «К методологии декабристской библиографии. (По поводу „Библиографии“ Н. М. Ченцова)» (94) стремился поставить «целый ряд вопросов чисто методологического, принципиального порядка». Он считал, что «несчастье» научной библиографии состоит в том, что «по большей части, различные специальные научные указатели составляют „библиографами-энциклопедистами“... а между тем, казалось бы, совершенно бесспорно, что всякого рода специальная библиография должна составляться только специалистом в данной области» (94, с. 184). На примере анализа указателя Н. М. Ченцова «Восстание декабристов» (М.—Л., 1929) Азадовский показал, что только специалист может широко охватить источники, обнаружить новые материалы, разрешить проблемы отбора литературы для научного указателя. К важнейшим сторонам всякой библиографической работы он совершенно справедливо относил классификацию материала, которая в указателях для научной работы должна опираться на основные проблемы, выдвигаемые наукой.

С резкой критикой состояния литературной библиографии выступил С. Д. Балухатый в тезисах доклада «К пересмотру принципов литературной библиографии» (104). Он писал даже о том, что «современная литературная библиография переживает кризис»: «кризис в том, что требования, предъявляемые общим ходом социалистического строительства и культурным обслуживанием литературоведного участка в этом строительстве, не удовлетворяются теми формами и методами библиографической работы, которые применяются в современных библиографических разысканиях, справочниках, пособиях, сводах, списках и т. п.» (104, с. 459).

Все библиографические пособия Балухатый подразделял на два вида: регистрационные, обычно составляемые библиографами — не специалистами-литературоведами, и критические. В регистрационных пособиях Балухатый предлагал произвести критический пересмотр тематики работ, оставив лишь ту, которая отвечает настоящим потребностям литературоведения. Но предметом «строго критического контроля», считал он, должны быть не столько регистрационные пособия, сколько указатели критические, из которых в статье преимущественное внимание уделено персональной библиографии литературы о писателе.

Балухатый верно отмечал, что за долгие годы в персональной библиографии был разработан ряд правил, и некоторые из них некритически усвоены советской библиографией. К таким установкам он относил обязательность полноты, точности, «бессрочности» и «обезлички».

Старая библиография преследовала одну цель — дать сведения о всей литературе, хотя на проверку принцип полноты обычно оказывался невыдержанным. Библиограф старого типа не ориентировал свою работу на определенного читателя и потому строил ее с расчетом на использование вообще в «научных» целях. Неопределенность цели отражалась и на неопределенном «псевдобезграничном» материале.

Стремление старых библиографов, охватывавших «наиполный» круг источников, к «бессрочности» своих указателей также не может разделяться советскими библиографами, так как после 10—15-летнего обращения эти указатели не удовлетворяют исследователя «ни со стороны подбора материала, ни со стороны методического его охвата», — пишет Балухатый (104, с. 461).

С полным основанием критиковал Балухатый «принцип обезлички»: «Библиография определялась как дисциплина не критическая, а лишь регистрационная. Чем более обезличена, автоматична запись, лишенная субъективности описателя, посредствующей роли между создателем паспорта данного opus'a и читателем этого паспорта, тем надежнее сама запись. Библиограф не критик, не исследователь, не оценщик и даже не читатель со своим мнением, а только передатчик определенных сведений, регистратор».

Со всей решительностью Балухатый требовал, чтобы этим установкам библиографии старого типа были про-

типовоставлены иные принципы, на которых должна строиться «литературоведная библиография в наше время, в годы удовлетворения запросов разнообразного читателя и активного им усвоения литературного наследства» (104, с. 461). Прежде всего следует четко определить назначение каждой библиографической работы, наметить определенный круг проблем, «который будет обслуживаться данным справочником и в свете которых будут определены узкие границы работы». Указатели должны ориентироваться на определенного потребителя или на определенные близкие категории читателей; библиографическую работу нельзя создавать по одному стандарту: «она должна быть *максимально дифференцированной* и по своей цели и по методике разработки (обзоры, списки-темники, систематические своды и т. п.). Богатство типов и форм должно соответствовать тому разнообразию запросов, которое предъявляется современным читателем к книге»; такая дифференциация, естественно, потребует детальной разработки методики и, в частности, различных типов аннотаций, «обусловленных специальными целями частных библиографий».

Из этих положений С. Д. Балухатый сделал выводы: «...Библиография должна быть *критической*, а не формально-регистрационной», библиограф обязан «преподносить материал не обезличенный, а критическим образом препарированный. Критическая функция библиографа ... сводится к оценке описываемых *opus'ов* по эмпирическим их признакам и к качественному отбору лучшего, нужного, прямо отвечающего поставленному заданию». Критическая функция библиографической работы «должна вытеснить тип „исчерпывающей“ регистрационной библиографии и утвердить на практике тип библиографии отборочной, избранной, рекомендательной». И, наконец, «библиограф-критик исключает обезличенный тип библиографа-регистратора» (104, с. 462).

Тезисы С. Д. Балухатого имели большое значение. «Советская библиография» (106) отмечала, что они «заслуживают внимания прежде всего как показатель тех сдвигов, которые переживает наша библиография», что они затрагивают «очень остро стоящий сейчас вопрос о принципах и методах работы советской библиографии» и «отражают неудовлетворенность советских библиографических кругов общими принципами и методами капиталистической библиографии».

И. В. Владиславлев в статье «Из библиографии по литературоведению последнего времени» заметил, что С. Д. Балухатый выступил «с интересными декларативными тезисами о реформировании методов литературной библиографии» (107, с. 129).

Чрезвычайно актуальной, прочной и важной была позиция Балухатого в разработке методики составления научно-вспомогательных указателей текстов писателей. Интерес к ней был обусловлен прежде всего тем, что в 30-х годах все шире и шире развешивается работа по изданию сочинений писателей, вырабатываются научные методы публикации текстов писателей.

Заслуга С. Д. Балухатого состояла в том, что он на основе своего опыта составления указателя «Литературная работа М. Горького» всесторонне раскрыл особенности библиографирования текстов выдающихся писателей*.

В 1933 году в «Вестнике Академии наук СССР» он выступил с развернутой статьей «Работа М. Горького за сорок лет (1892—1932 гг.)» (102). Значимость этой статьи Балухатого — в ее обобщающем характере, в ясности и научности изложенных в ней идей, в убедительности доказательств, в раскрытии и обосновании центральных методических приемов библиографирования текстов писателя. Балухатый выявляет принципы составления научно-вспомогательных указателей — определяет их задачи, виды, объем включаемого материала, источники. Он с полным основанием мог сказать: «Библиографические задания этого типа отличаются особой сложностью и почти совсем не разработаны нашей литературоведческой наукой, знающей до сих пор лишь один-два исчерпывающих, «больших»; специально препарированных перечня произведений русских писателей» (102, стб. 27).

Рассмотрение методики составления указателей Балухатый начал, естественно, с определения читательского адреса. На наш взгляд, он правильно считал, что такой свод должен дать материал разнообразному кругу лиц, интересующихся художественным, публицисти-

* Принципы составления библиографии текстов А. М. Горького С. Д. Балухатый изложил в докладах в Институте русской литературы в начале 1932 года и в сентябре 1932 года на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 40-летию юбилею писательской деятельности А. М. Горького.

ческим творчеством, общественной деятельностью писателя: биографу писателя, литературоведу-исследователю разных периодов деятельности писателя, критику и вообще культурному читателю, желающему получить точную справку об отдельных произведениях писателя или охватить его творчество в целом. Именно таким читателям и должна адресоваться библиография текстов крупного писателя, а не только одним текстологам, как это казалось, да и ныне представляется отдельным теоретикам библиографии.

Балухатый четко определил основную задачу библиографии текстов: дать точные сведения о первопечатных текстах всех произведений писателя и об авторских их переизданиях. Такое определение центральной задачи этой библиографии было новаторским. Оно шло от глубокого понимания специфических особенностей литературоведческого исследования жизни, деятельности и творчества писателя и своеобразия литературной библиографии как вспомогательной литературоведческой дисциплины. Балухатый подчеркивал необходимость охвата всех произведений, важность включения устных выступлений по записям стенографическим, а также, хотя и не дословных и не авторизованных, но достаточно пространных публикаций, учета разнообразного не ставшего и не художественного литературного материала, имеющего, однако, биографическое и общественное значение, как-то: записи в альбомах отдельных лиц и в книгах посетителей учреждений, анкеты, отчеты, неразвернутые приветствия, расписки и т. п. Обратил внимание Балухатый на обязательность регистрации писем писателя и отрывков из них. Не осталась незамеченной и редакторская работа писателя.

Таковы общие принципы составления указателей текстов, определенные С. Д. Балухатым и реализованные им в своде «Литературная работа М. Горького». Интересный, новаторский и своеобразный подход к библиографированию текстов явился естественным следствием стремления Балухатого к тому, чтобы указатель в наибольшей степени помогал читателю в постановке и решении литературоведческих проблем. К главным предпосылкам успеха указателя Балухатый относил подбор сведений о первых публикациях текстов писателя. Основным признаком первопечатания он считал авторскую публикацию текста. В отдельных случаях таким перво-

печатным текстом служит не авторская публикация, а издание, осуществленное другими лицами, обычно даже без ведома и согласия автора. Это главным образом те случаи, когда произведения писателя по цензурным условиям появлялись в царской России нелегально. Первонаданием можно считать публикацию текста, осуществленную по тем же конспиративным причинам не типографским, а гектографическим, мимеографическим, литографическим способами, на пишущей машинке и т. п. В статье Балухатого имелись важные наблюдения о том, что для пьес и в литературоведении и в библиографии обычно считался начальным авторским текстом текст первопечатный, устный, сценическое воспроизведение не учитывалось. Балухатый, конечно, был прав, когда нарушил эту традицию, введя сведения о таких «публикациях». По особому решил он вопрос о включении перепечатки текста в указатель, хотя до него, как правило, отражались все последующие публикации без всякого отбора. Балухатый выдвинул на первый план подбор материала к истории каждого текста: указатель должен охватывать не только первые публикации текста, но и перепечатки, осуществленные при участии автора или с его прямого согласия.

Ввел С. Д. Балухатый в библиографию и другое новшество. В качестве материала для истории текста он предложил давать в указателе сведения о наличии в архивах автографов: черновых и беловых рукописей, авторизованных копий, корректурных листов и изданий с авторской правкой. Этот прием обогатил библиографию и принес несомненную пользу литературоведению, хотя, надо сказать, в среде библиографов довольно прочно укоренилось мнение о том, что библиография должна иметь дело с печатным материалом. У некоторых из них такой подход выражал желание в какой-то мере разграничить архивоведение и библиографию. Балухатый решительно освободил библиографию от этой замкнутости.

Балухатый ввел еще одно важное новшество. В аннотациях, содержащих сведения из печатной истории текста, он считал необходимым отмечать крупные цензурные искажения текста и очевидные авторские дополнения.

Конечно, в статье Балухатый не рассматривал всего разнообразия методики библиографирования текстов. Разработанная им и примененная в «Литературной ра-

боте М. Горького» методика в дальнейшем будет успешно развиваться.

Библиографы других поколений будут опираться на прочные основы, заложенные С. Д. Балухатым.

4

Другая важная задача советской литературной библиографии — разработка методики рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения.

Эта задача особенно резко выдвинулась на первый план во второй половине 30-х годов. Причем четко обнаружилось отсутствие работ, в которых были бы рассмотрены принципы составления рекомендательных библиографических пособий в целом. Частично эту проблему попытался решить Е. И. Рыскин в статье «О связи библиографии с вопросами чтения» (121).

Обращаясь к недалекому прошлому, он писал, что теория и методика составления библиографических пособий по художественной литературе для массового читателя не разработаны, в прежних методических работах говорилось лишь о технической стороне дела, а составители в подавляющем своем большинстве смотрели на библиографическое пособие как на справочное издание.

Исходным положением статьи Е. И. Рыскина было признание обязательной связи библиографии для массового читателя с вопросами чтения. Цель, сущность библиографического указателя для массового чтения в том, чтобы при помощи указателя читать, поэтому указатель, наряду со справочной функцией и более важной — отбора и рекомендации хорошей литературы, имеет еще одну: перед составителем стоит задача дать систему чтения, показать, какими путями оно должно идти, продумать, каким будет общий итог этого чтения. «В той или иной мере всякий библиографический указатель для массового читателя должен быть или программой чтения, или систематизацией и упорядочением его», — утверждал Рыскин (121, с. 38).

При разработке методики рекомендательной библиографии Рыскин предлагал учитывать два типа чтения: 1) чтение, которое не ставит перед собой задачи изучения истории литературы и критики и 2) чтение, ставящее перед собой подобные задачи. Сочетание обоих типов чтения художественной литературы делает ознаком-

ление с ней и использование ее всесторонним и полным. Нормальные пути чтения — сочетание «свободного» чтения и «изучения» в такой последовательности: «свободное» чтение — «изучение» — «свободное» чтение.

Е. И. Рыскин, критически используя мысли о системе чтения Н. А. Рубакина, библиоковеда А. А. Покровского и автора известного в дореволюционной России указателя «Домашние библиотеки» А. В. Панова, предлагает следующую последовательность чтения. Для начинающего читателя он рекомендует свободное чтение, без всякой системы. На следующей ступени Рыскин советует приступить к тематическому чтению, которое предполагает уже известную систему и должно сочетаться с чтением произведений одного автора безотносительно к их тематике. Затем этап изучения литературы, он начинается с чтения произведений одного автора. Следующая стадия — историко-литературное чтение. В это время частично перечитываются художественные произведения, уже знакомые читателю ранее. На заключительной стадии восполняются пробелы, читаются новинки художественной литературы.

Исходя из этой системы чтения, Рыскин считал обязательным разработать единый список литературы, «из которого будет черпать для себя литературу вся наша массовая библиография, все „планы чтения“, тематические списки и т. п.» (121, с. 53). В него должны войти тщательно отобранные произведения дореволюционной классической, советской русской литературы, других народов СССР и зарубежных стран, фольклор и критико-литературоведческие работы. В указателе «отражается вся литература и вся система чтения художественной литературы для массового читателя», — подчеркивал Рыскин (121, с. 70).

Структурно этот «общий» указатель состоит из двух частей. В первой печатается единый список литературы, во второй — перечни литературы для всех трех стадий чтения. Распределение литературы по стадиям мыслилось Рыскину следующим образом. В первой стадии вся литература разбивается на три самостоятельных списка: для начала чтения, для тематического чтения и для чтения по авторам. Затем выделяются произведения, к которым читатель обращается на этапе изучения литературы. Весь оставшийся материал предназначается для «свободного» чтения на последней стадии. Произве-

дения, важные для изучения и представляющие интерес для свободного чтения, должны быть отражены во всех стадиях.

Думается, что методика составления «единого списка литературы» недостаточно прочно увязана с «типами» чтения. Следует иметь в виду и ограниченность применения принципа, отделяющего «изучение» литературы от ее «чтения» как основы при составлении рекомендательных пособий для массового читателя. Рыскин предупреждал: «Массовый читатель, о котором мы здесь говорим, т. е. взрослый, грамотный читатель, не получивший (в нормальном возрасте) среднего образования, в будущем будет не тем, кем он является сейчас, хотя бы по одному тому, что он получит в *детстве нормальное среднее образование*. Мы имеем здесь в виду то поколение, которое нормального среднего образования не получило» (121, с. 52).

В итоге рассмотрения основных положений этой статьи Рыскина и других тесно связанных с ней методических его работ, опубликованных позднее, следует сказать, что в усилиях библиографоведов, закладывавших основы методики рекомендательной литературной библиографии, рассчитанной на массового читателя, наибольшая доля принадлежит Е. И. Рыскину. Его идея обязательной связи рекомендательной библиографии художественной литературы с чтением, его замысел создания пособий, которые учитывали бы важность постепенного расширения круга литературных знаний читателя, опередили развитие библиографоведческой мысли его времени. Воззрения Рыскина основывались на опыте изучения состава чтения различными психологами, библиотековедами и библиографами. В дальнейшем они были восприняты библиотечно-библиографической практикой.

Взросший уровень методики литературной библиографии ярче всего сказался в разработке вопросов аннотирования художественной литературы. Итогом развития методических воззрений в этой области явилась статья Е. И. Рыскина «Аннотирование художественной литературы» (115) — первая работа, специально посвященная этой проблеме. Она вобрала в себя все общие и частные достижения теоретико-методической мысли той поры.

Сильной стороной работы было умение Рыскина выводить специфическое своеобразие аннотирования из

особенностей самой художественной литературы, подмечать существенные черты, объединяющие литературную критику и аннотацию, обращать внимание на их принципиальные различия. В своих взглядах он исходил из родства критики и аннотации на художественное произведение, из их общей задачи — передача идей и содержания художественного произведения на языке социологии. При этом он отправлялся от известного высказывания Г. В. Плеханова из «Предисловия к третьему изданию сборника „За двадцать лет“»: «В качестве сторонника материалистического мировоззрения я скажу, что первая задача критики состоит в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо *социологическим эквивалентом данного литературного явления*»*. Такое понимание задач критики способствовало поиску новых подходов к аннотированию художественной литературы. Аннотация, как и критика, писал Рыскин, пользуется языком «перевода», раскрывает идеи художественного произведения, привлекая для этого образы, сюжет и пр. Раскрытие идеи произведения неизбежно перерастает в партийную оценку книги.

Установив родство аннотации с критикой, Рыскин, однако, не ставит между ними знака равенства. Он находит черты, которые присущи исключительно аннотации или характерны только для критики, так, последняя осуществляет «единство социального и эстетического анализа», чего не может делать аннотация.

Основное и главное для аннотации, справедливо подчеркивал Рыскин, — обслужить момент выбора книги. Поэтому в аннотацию должно вноситься все то, что важно в момент выбора книги, а не то, что будет представлять интерес в будущем, при чтении ее. Аннотация дает читателю представление не только об идее произведения, но и об эстетическом «вкусе» его автора. Главное, чтобы при помощи аннотации читатель в какой-то мере «опознал» книгу как художественную индивидуальность. Передать полную индивидуализацию книги аннотация в отличие от критической статьи не в состоянии. И за этим не следует гнаться. Такое утверждение вовсе не

* Плеханов Г. В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет». — В кн.: Литература и эстетика. М., 1958, т. 1, с. 123.

означало, что Рыскин был против «конкретизирующих элементов» и аннотации, в статье отмечалась их важность; так как идея художественного произведения конкретна, она приводится аннотатором в системе конкретных образов и эмоций. Выбор «конкретизирующих элементов» зависит от того, на чем легче и нагляднее всего раскрыть идею данного произведения. К главным конкретизирующим элементам Е. И. Рыскин относит сюжет и образы произведения, так как посредством их, конечно, легче осуществить конкретизацию идейного содержания произведения, чем, допустим, при помощи композиции. Убедительны суждения исследователя и тогда, когда выбор варианта аннотации он ставит в зависимость от характера аннотируемой книги (надо ли отправляться от сюжета, образов или, как в лирике, от эмоций и настроений, требуются ли историко-литературные замечания) и литературной подготовки читателя (чем менее квалифицирован читатель, тем больше он нуждается в разъяснениях, в «критическом пересказе», в увлекательной подаче материала, чем читатель квалифицированнее, тем больше возможностей аннотировать к запасу его литературных ассоциаций).

Небезынтересны наблюдения Е. И. Рыскина над практикой аннотирования художественной литературы. Говоря об аннотациях Критико-библиографического института, которые широко использовались массовыми библиотеками, он верно замечает, что институт далеко ушел от позиций «объективного описательства». Но в аннотациях института наблюдалась другая крайность: снималась индивидуальность художественного произведения, советская художественная литература аннотировалась так, как будто речь шла о социально-политической книге.

♦ ♦ ♦

При всех своих положительных сторонах теория и методика литературной библиографии в предвоенные годы не поднималась до все время повышавшегося общественного и научного значения библиографии. Возраставшая общественная роль библиографии не подкреплялась достаточной разработкой ее теории и методики. Давали о себе знать и вульгарная социологизация, и устаревшие библиографические теории, и формализм. Такое положение явилось неизбежным следствием, с одной стороны, недостаточного развития литературной библиогра-

фии, с другой стороны, — состояния общего библиографического фоведения.

К немаловажным причинам отставания литературной библиографии, ее теории и методики относилась слабость литературной критики. Центральный Комитет ВКП(б) в постановлении «О литературной критике и библиографии», принятом в ноябре 1940 года, отмечал, что «наиболее слабым звеном в настоящее время является критика художественной литературы» (14, с. 418). Многие новые книги не получали никакой критической оценки, на страницах газет и журналов почти не было литературно-критических статей и рецензий. Читатель оставался без руководства в выборе необходимых ему книг.

ЦК ВКП(б) потребовал решительно улучшить работу критико-библиографических отделов газет и журналов с тем, чтобы литературная критика стала «серьезным орудием пропаганды и коммунистического воспитания» (14, с. 418), чтобы она могла оказывать действительно плодотворное влияние на формирование и развитие советской литературы. Журналам и газетам вменялось в обязанность систематически рецензировать выходящие книги, создавать постоянные отделы критики и библиографии. В «крайне запущенном состоянии» (14, с. 418) находилась рекомендательная библиография. Исходя из этого, ЦК ВКП(б) наметил меры, которые должны были кардинально изменить положение дел в библиографии. Выполнение задач, выдвинутых постановлением, настоятельно требовало укрепления и дальнейшего всестороннего развития теории и методики библиографии, внедрения в практику библиографии обоснованных рекомендаций, разработки проблем, выдвигаемых самой жизнью.

Постановление развивало ленинский принцип партийности библиографии и впервые с такой силой определило высокое общественное назначение библиографии как серьезного оружия идеологической борьбы и действенного средства коммунистического воспитания масс. Служение интересам народа, строящего коммунистическое общество, активное участие в творческой деятельности народа — таковы главные задачи библиографии. Постановление основывалось на идее В. И. Ленина о важности привлечения к составлению библиографических пособий специалистов высокой квалификации.

Постановление ЦК партии «О литературной критике и библиографии» воспринималось советскими библиографами как развернутая программа их работы. Ее осуществление было прервано нападением немецко-фашистских войск на СССР. Война помешала реорганизации библиографии, глубокому и всестороннему обобщению библиографической практики, осмыслению теории и методики библиографии. В послевоенные годы началась новая фаза в развитии библиографии. В теории и методике литературной библиографии нашли свое продолжение тенденции второй половины 30-х годов, и вместе с тем зрели новые направления, характерные для нового этапа.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО БИБЛИОГРАФОВЕДИЕНИЯ В 1941—1953 ГОДАХ

*Теория и методика литературной библиографии
периода Великой Отечественной войны
(1941—1945 годы)*

1

Во время Великой Отечественной войны изменилась направленность всей библиографической работы в стране. Хотя разработка теоретико-методических проблем библиографии не прекратилась, работ, специально им посвященных, было опубликовано немного. Теоретические и методические вопросы оперативно решались при создании библиографических пособий, помогающих общему делу разгрома врага, — указателей о патриотических, освободительных и революционных традициях советского народа, о героическом прошлом России, о защите социалистического Отечества.

Одной из первоочередных задач библиографии было оказание помощи в самообразовательном изучении книги. Этой проблеме была посвящена статья «Рекомендательная библиография», опубликованная журналом «Партийное строительство» в 1944 году (125), в которой подчеркивалась необходимость руководства самостоятельной работой с книгой. «Чтобы самостоятельно изучить тот или иной вопрос, — говорилось в статье, — надо знать, какие книги имеются по этому вопросу, о чем идет в них речь, какую из них лучше выбрать для работы, в какой последовательности целесообразно читать книги. Одним из важнейших средств такого руководства является библиография — описание книг, их критическая оценка, составление рекомендательных списков литературы и т. д.».

Отстаивая необходимость библиографического руководства чтением, статья резко критиковала указатель И. С. Ежова «Художественно-историческая литература», изданный Всесоюзной книжной палатой в 1943 году. Осуждение ошибочных тенденций включения в указатель художественных произведений, в которых истори-

ческие эпохи и исторические деятели показаны неверно, искаженно, с реакционных позиций, имело принципиально важное значение. Оно было направлено против попыток сглаживания, затушевывания идеологических разграничений среди писателей прошлого и требовало от библиографии идеологически верной линии.

Знаменательно, что в статье, опубликованной в разгар войны, обращалось внимание на необходимость всемерного развития библиографии, отмечалось, что далеко не все учреждения и органы печати, на которые постановлением Центрального Комитета ВКП(б) 1940 года «О литературной критике и библиографии» возложено ведение библиографической работы, относятся к этому с достаточной серьезностью, в то время как «потребность в библиографии очень велика».

2

Во время войны продолжала развиваться научно-исследовательская работа. Известные успехи были достигнуты при дальнейшем изучении методики аннотирования. Р. М. Савицкая завершила работу над монографией «Принципы и методика аннотирования», защищенной ею в 1944 году в качестве кандидатской диссертации (126). Основным содержанием монографии было установление целевого назначения аннотации, места и значения ее в библиографии, характеристика видов аннотации, оценка в аннотации, структура, основные методы и технические приемы аннотирования.

Р. М. Савицкая не ограничивается разработкой общих проблем аннотирования, ее внимание привлекают и вопросы аннотирования литературы по отдельным отраслям знания, не получившие должного освещения в теории и методике библиографии. Она справедливо пишет, что только аннотирование художественной литературы получило довольно подробное освещение в статье Е. И. Рыскина «Аннотирование художественной литературы». И в своей работе Р. М. Савицкая видит начальную ступень в разработке вопросов аннотирования литературы отдельных отраслей знания, вопросов составления аннотаций для библиографических пособий отдельных видов. Многие положения диссертации были подхвачены и развиты библиографами послевоенных лет.

3

Развитию теории и методики литературной библиографии в военные годы способствовала учебно-преподавательская работа по библиографии художественной литературы и литературоведения в учебных заведениях. Так, в 1942 году была опубликована брошюра Е. И. Рыскина «Библиография истории русской литературы» (123), часть задуманного им еще в довоенное время вузовского учебника. Брошюра представляла собой учебный материал для студентов Московского государственного библиотечного института, но вышла за рамки обычного учебного пособия, содержащего общезвестные и общепринятые положения. В ней охарактеризованы многие общие указатели русской литературы, типы и виды персональных указателей. При их характеристике особое внимание уделено методическим вопросам. Брошюра стала заметной вехой в изучении библиографических литературных указателей и обобщении опыта их составления. Из нее в дальнейшем вырастут специальные работы Рыскина, посвященные методике составления пособий и разбору состояния библиографии различных периодов истории русской литературы и отдельных писателей.

Послевоенная теория и методика литературной библиографии (1945—1953 годы)

1

Новые горизонты открылись перед библиографией после победоносного завершения Великой Отечественной войны. Современный человек, писал в 1947 году президент АН СССР С. И. Вавилов, «находится перед гималаями библиотек в положении золотонка, которому надо отыскать крупинки золота в массе песка. Этой беде помогают или должны помогать три средства: 1) библиография, 2) рецензирование и критика книг, 3) сводные каталоги» (128, с. 15).

Отличительной чертой литературной библиографии послевоенных лет явилось значительное развитие рекомендательной библиографии. Она, как и в прежние годы, — ведущий вид советской библиографии. Однако именно в эти годы рекомендательная библиография упрочила свои позиции и в своем развитии стала сильно опере-

жать научно-вспомогательную литературную библиографию.

Вместе с тем мы не согласны с Е. И. Рыскиным, который писал, что если «в двадцатых и в значительной мере в тридцатых годах главное место занимала научно-информационная библиография, то в послевоенные годы становится все более заметным активное развитие рекомендательной библиографии» (194, с. 448). Ни в двадцатых, ни тем более в тридцатых годах такого соотношения между рекомендательной и литературной научно-вспомогательной библиографией не было, а во время войны преимущественно развивалась рекомендательная библиография художественной литературы. Во все годы своего существования советская рекомендательная библиография, по сравнению с научно-вспомогательной, развивалась более интенсивно, ей всегда уделялось больше внимания советской общественностью и никогда не отводилось второстепенного места. Это характерно и для теории и методики литературной библиографии, когда, начиная со II Всероссийского библиографического съезда, вопросы рекомендательной библиографии заняли главенствующее положение.

Подъем в развитии рекомендательной библиографии в годы Великой Отечественной войны и особенно в послевоенный период способствовал оживлению и обновлению теории и методики рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения.

Определяющими для всей литературной библиографии первых послевоенных лет, и в первую очередь для рекомендательной библиографии, были постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, принятые в 1946—1949 годах. Эти документы в новых конкретных условиях развивали идеи партийности литературы, культуры, печати, со всей определенностью и остротой предъявляли требование повышения идейно-теоретического уровня литературной и театральной критики.

Это полностью относилось и к литературной библиографии. Руководствуясь решениями партии, библиография становилась политически острее, боевитее, злободневнее. После постановлений ЦК ВКП(б) она начала приобретать качественно новый характер — получили наиболее благоприятные возможности для развития основные тенденции довоенного времени, в ней все сильнее и сильнее укреплялись принципы партийности, — это и

определило главное направление в теории и методике библиографии.

Предстояло немало сделать, чтобы претворить в жизнь постановление ЦК партии «О литературной критике и библиографии», полное осуществление которого было прервано войной. Указания партии, содержащиеся в постановлении, должны были неукоснительно выполняться. В газете Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь» была помещена статья Я. Бучилова «Шире пропагандировать книги». В ней отмечалось, что после ознакомления с продукцией Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 1945 и 1946 годы в области рекомендательной библиографии можно утверждать, что «это важнейшее дело поставлено далеко не удовлетворительно», что по существу работниками библиотеки «забыты ленинские указания и указания ЦК ВКП(б) о помощи самообразованию. Не составляются „Круги чтения“ литературы по различным областям культуры, науки и знания, не печатаются тематические указатели литературы, отвечающие широким и разнообразным запросам массового читателя» (127).

О повышении в послевоенное время значения книги, литературной критики и библиографии, помогающей ориентироваться в книжных богатствах, о необходимости активной рекомендации книг читателю писал орган ЦК ВКП(б) «Партийная жизнь». Статья «Против недооценки важнейшего участка идеологической работы» (136) напоминала, что пропаганда книги — «важнейшее партийное дело» и что «только на основе принципа большевистской партийности можно успешно вести рекомендательную библиографию». Поэтому «нельзя мириться с запущенностью критики и библиографии ни в нашей печати, ни в научных учреждениях и библиотеках» (136, с. 73).

Новый этап в осмыслении роли и значения библиографии особенно рельефно проявил себя в докладах и прениях на Всероссийском совещании библиотечных работников в Москве (март 1948 г.), созванном Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений. Совещание прошло под знаком усиления значения рекомендательной библиографии в самообразовании трудящихся и всемерного развития рекомендательной библиографии в целом. Совещание оказало большое влияние

на теорию и методику библиографии первых послевоенных лет.

Исходя из задачи всесторонней помощи повышению политического, общеобразовательного и эстетического уровня народа, председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений Т. М. Зуева в докладе «О состоянии и задачах библиотечной работы в РСФСР» (131, с. 5—47) утверждала, что несмотря на определенную работу, сделанную во время войны и в послевоенное время в области библиографии, постановление ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» в значительной части осталось невыполненным. Состояние библиографической работы в стране неудовлетворительно и отстает от возросших запросов читателей, запросов науки, задач, стоящих перед библиотеками.

В докладе директора Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина В. Г. Олишева «Роль рекомендательной библиографии в руководстве чтением и самообразованием» (131, с. 48—66) говорилось о возрастающем значении и усложнении задач, которые должна решать библиография, подчеркивалась необходимость глубокого партийного подхода к рекомендации книг. Докладчик требовал покончить с «формалистическими трюкачествами», выражавшимися в том, что пособия составлялись «вообще», без всякой установки на читателя, не раскрывалось содержание книги и отсутствовала их критическая оценка, нарушался принцип идейно-политического и научного отбора литературы. В докладе указывалось на то, что практический опыт библиотек в области рекомендательной библиографии не обобщается, типы библиографических пособий, принципы аннотирования литературы, группировка материала в указателях не получили научно-критического анализа.

Эти положения соответствовали требованию времени, они основывались на партийных решениях по идеологическим вопросам. И не случайно сразу после Всесоюзного совещания библиотечных работников «Правда» поместила статью В. Г. Олишева «Рекомендательная библиография — важное средство пропаганды книги» (134), содержащую основные выводы доклада.

Отдавая должное докладу, мы вместе с тем не можем пройти мимо грубо ошибочных утверждений, которых было немало в докладе и которые нанесли существен-

ный ущерб советской библиографии вообще, и литературной в частности. Исходя из неверных взглядов на научно-вспомогательную библиографию, бытовавших тогда среди некоторой части библиотечно-библиографических работников и в первую очередь среди руководства Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, докладчик противопоставлял рекомендательную библиографию научно-вспомогательной, зачеркивая существенные различия между ними, пытался распространить методику рекомендательной библиографии на научно-вспомогательную, игнорировал и тем самым принижал общественно-политическую значимость последней.

Позицию, отличную от позиции докладчика и других участников прений, занял З. Н. Амбарцумян, в своем выступлении он не обошел ошибок, содержащихся в докладе. Для всех читателей, говорил он, требуется рекомендательная библиография, но она будет разной для массовых библиотек и для библиотек, обслуживающих преимущественно квалифицированного читателя. Чем выше культурный уровень читателя, на которого рассчитано рекомендательное пособие, тем больше будет в нем не только изданий, получивших в печати положительную оценку, но и книг, подвергшихся критике, с указанием того, что в них ошибочно. Эта мысль Амбарцумяна найдет свое воплощение в развитии литературной библиографии последующих лет. Рекомендательная библиография художественной литературы и литературоведения пойдет именно по этому пути. Полемизируя с В. Г. Олишевым, Амбарцумян говорил и о том, что также неправильно видеть в исчерпывающей научно-вспомогательной библиографии проявление формализма и вредного объективизма (131, с. 89—90). Суждения Амбарцумяна решительными их противниками подверглись на совещании критике. Б. А. Смирнова, например, сказала, что Амбарцумян выступал «схоластически и с неправильных позиций» (131, с. 114).

Совещание оказало заметное влияние на теорию и методику литературной библиографии. Тенденция принижения общественно-политической значимости научно-вспомогательной библиографии была господствующей в течение продолжительного времени, и только к концу 50-х годов стали признавать полнейшую несостоятельность этой линии. И здесь, справедливости ради, надо отметить, что Б. А. Смирнова в 1964 году с порицанием

напишет о неверных тенденциях прошлых лет (207, с. 88—89).

Точную характеристику положения дала М. В. Машкова в 1958 году: научно-вспомогательная библиография «рассматривалась или как разновидность учетно-регистрационной, или как незаконная поросль рекомендательной библиографии. Подобное промежуточное и неопределенное положение было крайне невыгодно для научно-информационной библиографии и пагубно отражалось на развитии ее теории и методики» (186).

Все это не могло не сказаться самым отрицательным образом и на рекомендательной библиографии, ее нацеливали на решение несвойственных ей задач, которые она, естественно, не могла выполнять.

Но при всех трудностях, испытывавшихся научно-вспомогательной библиографией в 1946—1953 годах, она, разумеется, не перестала существовать, не было ее «фактической» ликвидации, как это представляется Б. А. Смирновой (207, с. 89), и она не пришла в «значительной мере в упадок», как пишет Б. Я. Бухштаб (214).

Откликаясь на потребности общественной и литературной жизни, библиографы той поры создавали крупные труды, вошедшие в золотой фонд советской библиографии. Появились первые «хронологические росписи» журналов «Современник» (составленная Ю. И. Масановым) и «Отечественные записки» (составленная С. С. Борщевским). Активно велась работа над указателями, посвященными писателям революционно-демократического лагеря. Вышел капитальный «Библиографический указатель сочинений Белинского и литературы о нем» К. П. Богаевской, изданы «Библиография литературы о Н. А. Некрасове» Л. М. Добровольского и В. М. Лаврова и «Библиография сочинений Н. Г. Чернышевского» Н. М. Чернышевской, появился тщательно составленный указатель текстов «М. Е. Салтыков-Щедрин в печати» Л. М. Добровольского и В. М. Лаврова. Продолжалась работа по составлению библиографических сводов, посвященных А. С. Пушкину. Интерес к библиографии поэта выразился в обращении к указателям, многопланово охватывающим пушкинскую литературу. К сводам, учитывающим литературу за продолжительные отрезки времени, присоединились ежегодники изданий произведений Пушкина и литературы о нем

и библиография пушкинской библиографии. С выходом «Библиографии произведений А. С. Пушкина и литературы о нем» П. Н. Беркова и В. М. Лаврова пушкинская литература, опубликованная до 1917 года, оказалась полностью учтенной. Указателем Л. М. Добровольского и Н. И. Мордовченко «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем 1918—1936» начался учет пушкинской литературы советских лет — принципиально новой вехи пушкиноведения. Уделяется внимание персональной библиографии советской литературы. Издаются дополнительные указатели к капитальному труду С. Д. Балухатого «Литературная работа М. Горького», публикуются библиографии текстов В. В. Маяковского, А. Н. Толстого, А. С. Макаренки, выходят указатели, посвященные М. А. Шолохovu. Начался новый этап в развитии краеведческой литературной библиографии. Научно-вспомогательная библиография — составная часть советской библиографии, и прекратиться она не могла. Была ослаблена работа по составлению научно-вспомогательных указателей и осмыслению их методики. И в этом отношении можно согласиться с П. Н. Берковым, образно назвавшим этот период годами «библиографиобоязни», заметно тормозившей развитие советской науки в целом и в особенности литературоведения (165, с. 538).

После Всероссийского совещания библиотечных работников в теории и методике литературной библиографии, с одной стороны, укрепляются тенденции, выдвинутые совещанием на передний план, а с другой — обнаруживается положительное стремление к более глубокому постижению отдельных аспектов методики рекомендательной библиографии.

Первое направление — в статьях библиографов Библиотеки СССР им. В. И. Ленина Б. А. Смирновой (137), Н. Глаголевой и Н. Цинбал (140).

Не останавливаясь на бесспорных положениях статьи Б. А. Смирновой «Насущные задачи рекомендательной библиографии», обратим внимание на те утверждения, которые вызвали полемику на страницах журнала «Библиотекарь».

В развитии библиографии послевоенных лет Б. А. Смирнова видела отрицательные тенденции. К ним она относил «остатки» «„объективистских“ мелкобуржуазных течений в библиографии», «тормозящие ее по-

ступательное движение» (137, с. 2). Неверными казались Смирновой теоретические установки библиографов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, которые делили свои пособия на указатели, рассчитанные на массового читателя, и на указатели основной литературы. Она, как и В. Г. Олишев, считала, что составители последних снимают с себя ответственность за подбор книг, отступают от принципа партийности библиографии, толкают читателя на розыски ненужной литературы.

Ленинградские библиографы М. А. Брискман и Д. А. Волошин в статье «Некоторые вопросы рекомендательной библиографии» (130), вступив в полемику с В. Г. Олишевым и Б. А. Смирновой, разъясняли, что понятием «массовый читатель» библиографы Публичной библиотеки охватывают читателей различного культурного уровня, обращающихся к книге для общего ознакомления, самообразования, удовлетворения интересов, не связанных с конкретным учебным или практическим заданием. Это и малоподготовленные читатели, которым библиотека должна помочь в учебной работе и в повышении культурного уровня. Такое понимание массового читателя Смирнова назвала «бесплодной абстракцией» (137, с. 4), а Глаголева и Цинбал в статье, озаглавленной «Против формализма в рекомендательной библиографии», — «совершенно ошибочным, оторванным от реальной советской действительности» (140, с. 30). Они считали, что библиографические пособия Публичной библиотеки выпускаются для «мифического» массового читателя, «не имеющего ничего общего с нашим реальным советским читателем», что конкретные группы читателей (пропагандисты, агитаторы, специалисты, молодые рабочие, лекторы, инженеры, учащиеся и др.) выпадают из поля зрения библиографов. Особенно резко Б. А. Смирнова, Н. Глаголева и Н. Цинбал писали об указателях «основной литературы».

Публичная библиотека в то время составляла указатели, посвященные преимущественно художественной литературе и литературоведению, и они-то главным образом вызвали критику библиографов Библиотеки им. В. И. Ленина. Между тем сужение круга читателей неминуемо привело бы к ненужному дроблению библиографических пособий, к ограничению возможностей их использования читателями и библиотекарями. Для библиографии художественной литературы и литературове-

дения основное деление библиографических пособий, которым пользовались библиографы Публичной библиотеки, было вполне приемлемо. Кстати сказать, оно дошло до наших дней. Такая группировка вытекает из особенностей рекомендательной библиографии художественной литературы, в которой преобладают рекомендательные пособия, адресованные широким кругам читателей (т. е. читателям, не связанным с художественной литературой профессионально), что диктуется спецификой художественной литературы, имеющей самую широкую читательскую аудиторию. Более дробная дифференциация пособий имела бы смысл только в том случае: если бы в ее основу была положена не ориентировка «на ту или иную группу читателей, учитывающая их интересы, тесно связанные с их практической и общественной деятельностью», к чему призывала Б. А. Смирнова (137, с. 3), а уровень читательского восприятия художественной литературы и цели чтения в сочетании с образованием и навыками самостоятельной работы с книгой. Впрочем, эти критерии при составлении рекомендательных пособий следует применять весьма осторожно. Рекомендательная библиография не может заниматься индивидуальным руководством чтением, ее можно лишь использовать при индивидуальном руководстве чтением.

Конечно, наряду с группой рекомендательных пособий, обращенных к широким кругам читателей, существует другая — указатели, адресованные тем, кто углубленно изучает художественную литературу, критику и литературоведение, кто профессионально связан с ними — это и лекторы, и преподаватели средней и высшей школы, готовящиеся к уроку или лекции, и студенты, и театральные работники, и, наконец, научные работники, которым надо навести справки по теме, не являющейся для них предметом исследования. Подобные указатели призваны отобрать наиболее важные для изучения истории литературы либо творчества отдельного писателя критические, историко-литературные работы и наиболее полные издания сочинений писателей, текст которых критически выверен и снабжен комментариями, отражающими достижения современного литературоведения.

Такие указатели и выпускала Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, назвав их «указателями

основной литературы». Правда, они порой выходили за рамки рекомендательной библиографии, приближаясь к научно-вспомогательной. Но было бы ошибкой согласиться с мнением В. Г. Олишева, считавшего, что составление указателей основной литературы и пособий для массового читателя — не что иное, как «вытаскивание снова на свет божий схоластических и вредных теорий, противопоставляющих научную и практическую библиографию» (131, с. 57), и с идентичной точкой зрения Б. А. Смирновой (137, с. 4). Стоит лишь более внимательно взглянуть на общий библиографический процесс и можно убедиться, что не только библиографы Публичной библиотеки, но и сотрудники Библиотеки им. В. И. Ленина в первые послевоенные годы и даже значительно позднее нелегко находили новые библиографические формы для удовлетворения различных потребностей читателей. Время внесло свои поправки. Свидетельство тому — многочисленные указатели, завершившие серии «Великие русские писатели» и «Русские писатели ... века» Библиотеки им. В. И. Ленина. По принципам отбора материала они мало чем отличались от пособий Публичной библиотеки, впоследствии называвшимися «рекомендательными указателями для углубленного изучения литературы» и просто — «рекомендательными указателями», «указателями литературы».

Говоря о теории и методике литературной библиографии 40-х — первой половины 50-х годов, нельзя не остановиться на докладе о рекомендательной библиографии, с которым выступил директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина В. Г. Олишев на совещании актива библиотечных работников (1952 г.), посвященном научно-методической и библиографической работе библиотек (152).

Опираясь на богатый опыт Библиотеки им. В. И. Ленина в составлении рекомендательных библиографических пособий, доклад содержал много верных наблюдений, ценных выводов из анализа практики и других советских библиотек. Полезна была попытка охарактеризовать основные формы рекомендательных пособий, найти их специфические черты. Доклад содействовал правильному пониманию новых качеств рекомендательной библиографии, отчетливо проявившихся в послевоенные годы: активная помощь в выборе литературы,

сближение рекомендательной библиографии с руководством чтением. Вместе с тем в докладе были утверждения, согласиться с которыми невозможно. Так, по мнению В. Г. Олишева, для успешного руководства чтением при помощи библиографии «необходима решительная ломка библиографических канонов, по которым требовалось, чтобы библиограф всегда указывал всю имеющуюся по данной теме литературу и располагал ее всегда одинаково, вне зависимости от того, к какому читателю он обращается» (152, с. 40). Надуманность этого утверждения очевидна. Таких «канонов» рекомендательная библиография никогда не имела и не могла иметь.

Создавалось впечатление, будто докладчик стремился затушевать принципиальные отличия аннотации от литературоведческих жанров, требуя, чтобы она давала «необходимый научный комментарий».

2

Совещания библиотечных работников (1948 и 1952 гг.) оказали благоприятное влияние на изучение практического опыта составления рекомендательных библиографических пособий. Все чаще стали появляться статьи, авторы которых описывали работу библиотек в этой области. Значение многих из них заключалось не только в том, что они в определенной мере способствовали обогащению методики рекомендательной библиографии, но также и в том, что они противостояли отвлеченному толкованию функций рекомендательной библиографии и приемов ее составления.

16 июля 1952 года газета «Правда» поместила «Письмо в редакцию» библиографов Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Д. А. Волошина и Н. Я. Морачевского (150), в котором они писали, что, хотя библиографической работе библиотек стали уделять больше внимания, постановка рекомендательной библиографии в целом отстает от требований советских читателей. Библиографические пособия издаются бессистемно и беспланово, некоторые категории читателей остаются вообще вне поля зрения библиографов. Так, никто не занимается изданием рекомендательных указателей литературы для научных работников. Такое требование в библиографоведении прозвучало впервые. В дальнейшем оно привлечет к себе внимание теоретиков библиографии и будет остро обсуждаться в печати.

Д. А. Волошин и Н. Я. Морачевский касались и недостатков выпускаемых пособий: зачастую материал располагается беспорядочно или по формальному признаку; работы крупнейших ученых, фундаментальные основные труды оказываются где-нибудь в конце раздела, а книги второстепенные попадают на первое место; во многих рекомендательных пособиях отсутствуют аннотации. «Письмо в редакцию», опубликованное центральным органом партии, вызвало большой интерес, и не только профессионалов-библиографов.

Среди работ, обобщающих опыт библиотек по составлению рекомендательных пособий, выделяется статья И. А. Рыкалиной «Рекомендательные указатели серии „Великие русские писатели“» (145). Это была в сущности первая работа, описывающая опыт работы Библиотеки им. В. И. Ленина по составлению одной из главных серий указателей послевоенного периода*. Библиографы союзных и автономных республик, краевых и областных библиотек брали методику составления этой серии в качестве образца для подражания и использования.

Говоря о принципах работы библиографа над указателями, Рыкалина отмечает, что основным руководством библиографа является ленинский принцип партийности. Произведения и отдельные высказывания классиков марксизма-ленинизма, руководителей партии и правительства о писателе, дающие читателю необходимые установки, — важнейшая часть указателя.

В составлении рекомендательного указателя первостепенное значение имеет отбор литературно-критических работ и изданий сочинений писателей. Убедительно пишет Рыкалина и тогда, когда оправдывает выведение за рамки указателей материалов, нужных только специалистам-исследователям, и тогда, когда поддерживает составителей, которые стремятся включать не только то, что соответствует современному уровню литературной науки, но и то, что содержит отдельные ошибки, и когда говорит, что из дореволюционных работ следует давать в основном работы классиков русской критики. Однако, по нашему мнению, в этих положениях нет достаточной четкости, не сказано о необходимости отражения в указателе работ, принадлежащих выдающимся представителям марксистского литературоведения, не

говорится о целесообразности включения работ, которые, может быть, уже во многом устарели, но в свое время сыграли важную роль в понимании и изучении творчества писателя и отразили достижения критики и литературоведения на определенных этапах их развития.

Обращаясь к отбору изданий сочинений писателей, И. А. Рыкалина пишет: «Из всей массы изданий собранных сочинений составитель должен выбрать только те, которые отвечают современным требованиям, содержат научно выверенный текст произведений и снабжены хорошим комментарием» (145, с. 31). Критикуя составителей за включение в указатели без достаточных оснований дореволюционных изданий сочинений писателей, она вместе с тем считала правильным дореволюционные издания давать в обзоре, цель которого «обратить особое внимание читателей и библиотекарей на неполноту и неточность текстов дореволюционных изданий и показать, что в советских изданиях произведения писателя представлены во всей полноте и без искажений текста» (145, с. 33). В связи с этой установкой хочется высказать два замечания. Во-первых, согласиться с Е. И. Рыскиным, который в обзоре пособий по литературной библиографии, вышедших в 1949 году, писал: «Нам кажется, что подобные задачи далеки от функций рекомендательной библиографии» (146, с. 64). Во-вторых, напомнить, что имеются случаи, а во время написания статьи Рыкалиной их было не так уж мало, когда дореволюционные издания полнее отражают литературное наследство писателя, чем советские, поэтому категоричность заявления, что только советские издания достойны рекомендации в указателе, не всегда оправдана.

Существенны были соображения Рыкалиной о важности введения в некоторые пособия рубрик «Новые публикации» (с целью указать произведения писателя, не вошедшие в рекомендованные издания сочинений), «Основные произведения» (чтобы помочь читателю получить ясное представление о наиболее значительных произведениях писателя) и рубрики, собирающей работы об эпохе, в которой протекала творческая жизнь писателя.

В статье обращалось внимание на новое в аннотировании литературно-критических работ в послевоенные годы. Интересно, что и И. А. Рыкалина и Е. И. Рыскин в статьях, опубликованных в одном и том же номере «Советской библиографии», пишут о существенном из-

* В подготовке статьи принимали участие ведущие составители серии.

менении характера аннотаций. Если в первых указателях серии, отмечает Рыкалина, составители шли «по линии общей оценки работы», то в более поздних указателях «даны критические аннотации. В них более четко сформулированы положительные стороны книги, ее научная и идеологическая ценность. Более принципиальным стал подход к указанию в аннотациях неправильных утверждений автора» (145, с. 37—38). Введение таких аннотаций, писал Рыскин, «позволяет несколько расширить круг рекомендуемой литературы за счет книг и статей, в общем ценных, но содержащих отдельные ошибочные положения. С другой стороны, библиографы, рекомендуя книгу, не замазывают отдельных ошибок, имеющих в ней. Мы называем это новшеством потому, что по нашим прежним представлениям рекомендательные аннотации должны были якобы только хвалить книгу, ничего не критикуя в ней, и потому, что в рекомендательный указатель старались вводить книги и статьи, якобы, абсолютно идеальные и безупречные» (146, с. 64).

В статье Рыкалиной уделено внимание и структуре пособия, указано на недостаточность выделения в первых выпусках серии двух рубрик: «Биография» и «Литература о творчестве». Сама постановка вопроса о расположении материала в указателе важна и плодотворна. Необходимо было преодолеть заблуждение — сводить всю сложность проблемы составления рекомендательного библиографического пособия к отбору литературы. Бесспорно, отбор имеет первостепенное значение, первостепенное, но не единственное.

3

Интенсивное развитие рекомендательной библиографии в послевоенные годы требовало дальнейшего углубления разработки частных методических вопросов, достижения нового уровня их осмысления. Как и в прошлые годы, предметом такого изучения стало аннотирование, которое в теории и методике советской рекомендательной библиографии занимает одно из центральных мест. Аннотирование в рекомендательной библиографии явилось отправным пунктом для развития библиографической мысли по аннотированию вообще. Все, что достигнуто в рекомендательном аннотировании, важно для всей методики аннотирования в библиографии.

Новый аспект во взгляде на соотношение ценностного как ведущего элемента с другими элементами аннотации давала статья Д. А. Волошина «О рекомендательной аннотации» (139).

В соответствии с общими задачами рекомендательной библиографии рекомендательная аннотация призвана «вскрывать идейно-политическую, научную и художественную ценность книги и оказывать читателю содействие в правильном, марксистско-ленинском понимании вопросов, затрагиваемых книгой», — писал Волошин (139, с. 33—34). Исходя из этой посылки, утверждал он, рекомендательная аннотация прежде всего должна быть оценочной, поскольку аннотация, ограничивающаяся простой регистрацией затронутых в книге вопросов, не способна сколько-нибудь убедительно показать читателю, чем может быть полезна ему данная книга. Своеобразие рекомендательной аннотации как особого вида оценочной аннотации Д. А. Волошин видел в том, что в ней «выражается критическая основа рекомендательной библиографии, то, что сближает рекомендательную библиографию с критикой... Раскрытие ценности книги служит наиболее надежным основанием для рекомендации, пропаганды и распространения книги» (139, с. 34).

В своих представлениях об оценочной функции рекомендательной аннотации Волошин склонен и к чрезмерному преувеличению, идущему не от сути рекомендательной аннотации и рекомендательного библиографирования вообще. Он решительно подчеркивал: «Следует покончить с ошибочным представлением о том, что оценка есть некая программа-максимум аннотации и что отсутствие ее не отражается на глубине раскрытия содержания. Едва ли не самый серьезный недостаток аннотации, лишенной оценки, заключается в том, что она не показывает, как в книге трактуется вопрос, чем она полезна и в чем заключаются ее недостатки» (139, с. 35).

Если следовать за Волошиным, аннотатор должен развернуть оценку в процессе характеристики содержания книги, широко и последовательно, наглядно и убедительно изложить ее, дать анализ содержания книги и т. д. В таком случае аннотация неминуемо превратится в критическую рецензию или даже критическую статью.

Рекомендательная аннотация не существует безотносительно к качественному отбору литературы, ее группировке в указателе. Уже в отборе, произведенном по

принципу партийности, выражается ценностная сущность рекомендательного пособия. Аннотация лишь раскрывает ценность включенной в него книги. Ценностная сущность книги в аннотации разъясняется путем раскрытия ее содержания для удовлетворения определенных потребностей читателя. Критический элемент в аннотации не может существовать сам по себе, он неотделим от раскрытия содержания книги. Раскрытие ее содержания и есть выражение оценки книги.

4

В обстановке мирного созидательного труда, широкого размаха культурного строительства, успехов критики и литературоведения потребовалось разработать такие виды библиографических пособий, которые, находясь на стыке рекомендательной библиографии и научно-вспомогательной, могли бы удовлетворить потребности специалистов-литературоведов, студентов вузов, способствовали бы их творческой активности. Создались несравненно более широкие, чем раньше, возможности введения в обиход некоторых видов пособий, разрабатывавшихся в прошлом. Под воздействием новых потребностей они совершенствовались, обновлялись. К таким пособиям относились литературные семинарии. Возникла необходимость полного раскрытия их природы и методики составления. С первой статьей на эту тему выступил А. И. Барсук. Само название статьи — «Семинарий как рекомендательное пособие для специалиста» (149) — говорило о том, что ее автор относил литературные семинарии к рекомендательной библиографии. Однако ни создатель этого вида библиографического пособия Н. К. Пиксанов, ни его талантливые последователи С. Д. Балухатый, Е. И. Наумов и другие никогда не ставили перед литературным семинарием задач рекомендательной библиографии. Другое дело, что взаимосвязь и взаимопроникновение рекомендательной библиографии и научно-вспомогательной существовали всегда, имели место и в послевоенные годы, и в наше время, причем в современных условиях они приобрели новые черты, стали несравненно более глубокими и разносторонними. Рекомендательная библиография в послевоенные годы все больше и больше проникает в сферу научно-вспомогательной, порождая в ней глубокие противоречия. Этот процесс создал новые условия для функционирования

библиографии, ее основных типов и видов, а также переходных форм, в их числе и семинариев. Но основные типы библиографических пособий, основные переходные формы, в данном случае — семинарии, в полной мере сохранили свою специфику как по содержанию, так и по воздействию на читателя. И поэтому недооценивать роль семинариев и их растущих возможностей в научно-вспомогательной библиографии, как это сделал А. И. Барсук, было неправомерно. Однако это не помешало Барсуку при конкретной характеристике методики составления семинария более или менее точно определить его цели и структуру, учитывая многие положения, высказанные еще авторами первых семинариев и их рецензентами. А. И. Барсук подытожил опыт составления семинариев, накопленный в течение многих лет.

В статье раскрывалось характерное отличие семинария от близкого к нему рекомендательного пособия в помощь самообразованию: если цель последнего помочь читателю приобрести определенный круг знаний, то задача семинария — способствовать тому, чтобы молодые специалисты овладели навыками исследовательской работы для создания самостоятельного научного труда. Опираясь на обширный материал, Барсук предложил типовую структуру семинария. Говоря о разделе «История изучения жизни и творчества писателя», он справедливо считал, что этот раздел, представляя собой по форме историко-библиографический обзор, должен идеологически правильно ориентировать читателя в литературе о писателе, подвести итоги прежним изучением и наметить важнейшие задачи, стоящие перед литературоведением. При этом Барсук писал, что «даются характеристики работам, научно устаревшим, но необходимым для изучения поступательного развития литературной критики, и работам, идеологически чуждым нам, однако показательным с точки зрения расстановки сил в борьбе вокруг писателя» (149, с. 39). Заметим, что это одна из особенностей семинария, резко отличающих его от рекомендательных пособий. Раздел «Приемы научного анализа текстов писателя и литературы о нем» отражает своеобразие целевого назначения семинария — он призван ввести читателя в лабораторию исследователя. В статье рассматривается главный по своему педагогическому и библиографическому значению раздел — «Темы для самостоятельных работ». Барсук направляет внима-

ние составителя на разработку политически актуальных тем, тем, которые нацеливают исследователя на новое творческое решение проблемы, на выдвижение мало освещенных или даже совсем не разработанных в литературе вопросов.

Обращаясь к послевоенной практике составления семинариев, Барсук стремится выявить наиболее характерные типологические черты в методической разработке каждой темы. Основные особенности практики этого периода он видит в качественно новом подходе к аннотированию литературы: ощущается отношение составителя семинария к включенной в перечень литературе, выделение проблемы, наиболее важной для исследования данной темы.

Определяя с учетом целевого и читательского назначения семинария характер раздела «Издания текстов писателя», Барсук правильно исходит из необходимости усиления роли историко-библиографического обзора изданий сочинений писателя, показа роста текстологии как науки на материале издания текстов данного писателя, что еще недостаточно проводилось авторами семинариев.

Наконец, он не идет по пути простой характеристики раздела «Библиографические материалы о писателе». В отличие от многих составителей семинариев, ограничивавшихся приведением списков библиографических пособий, что не соответствует целевому назначению семинария, Барсук концентрирует свое внимание на доказательстве важности знакомства начинающего исследователя с историей библиографирования писателя, с приемами библиографической работы, со справочными возможностями библиографических пособий.

Конечно, не все в статье А. И. Барсука одинаково равноценно, не все положения раскрыты с достаточной глубиной, а некоторые вообще обойдены молчанием (например, методика составления проблемно-тематического семинария). Но не будем забывать, что это была лишь статья. Спустя несколько лет А. И. Барсук публикует обширное исследование «Печатные семинарии по русской литературе» (205).

После войны наметился новый этап в развитии краеведческой литературной библиографии, что сразу же сказалось на разработке методик составления пособий.

Раньше всех на потребности времени откликнулся Е. И. Рыскин. В 1951 году он опубликовал статью (147) и брошюру (148) — первые работы, специально посвященные методике литературной краеведческой библиографии.

Главными задачами краеведческой литературной библиографии, писал Рыскин, является пропаганда художественной литературы, осуществляемая с целью воспитания у читателя советского патриотизма и оказания ему помощи в познании родного края. Наряду с этими задачами, библиография имеет еще одну, которую Рыскин определял как литературоведческую: она должна собирать материалы для изучения литературной жизни края, творчества отдельных писателей края и учитывать книги и статьи, в которых освещаются отдельные моменты жизни и творчества видных писателей, эпизодически связанных с краем.

Определив цели краеведческой литературной библиографии, Рыскин выделил следующие типы библиографических пособий: указатели художественной литературы о крае, биобиблиографические словари писателей края и указатели, посвященные авторам, которые не могут рассматриваться как местные и пребывание которых в крае не было постоянным. Впрочем, о последнем типе он говорит весьма кратко. Все свое внимание Рыскин сосредоточивает на методических особенностях первых двух типов пособий, считая их основными.

«Ввиду особо важного значения указателей краеведческой художественной литературы, — писал Рыскин, — необходимо, чтобы подобные указатели носили рекомендательный характер и адресовались к широкому кругу читателей», — подчеркивал он (148, с. 7).

«Литературоведческую» задачу выполняют биобиблиографические словари. Они служат «целям научного изучения советской литературы, делу разработки марксистско-ленинского литературоведения» (148, с. 10).

В методике составления указателей художественной литературы о крае решающее значение Рыскин придавал отбору литературы. «Лишь тогда сможет краевая библиография выполнить свои идейно-воспитательные функции, — писал он, — когда для указателя художественной литературы будут отобраны наиболее ценные в идейном и художественном отношении произведения, рисующие жизнь края... Включать произведения, не име-

ющие четкого краеведческого профиля, нецелесообразно». Важную роль отводил Рыскин и аннотациям: «Указатели художественной литературы о крае безусловно должны быть аннотированными. Надо сделать указатель интересным, аннотация должна живо и тепло раскрыть тему и идею книги, особенно отмечая ее краеведческий профиль» (148, с. 7).

Наиболее подробное рассмотрение в брошюре получила методика составления научно-вспомогательных краеведческих биобиблиографических словарей. К важнейшим вопросам методики Рыскин, естественно, относил определение персонального состава словаря. При решении этого вопроса он предлагал исходить в основном из состава краевой литературной организации Союза писателей на всем протяжении ее существования, делая при этом исключение для писателей, не являющихся членами СП, но принимающих деятельное участие в литературной жизни края и создавших ценные художественные произведения, и для писателей, которые не входили в писательскую организацию, но долго жили и работали в крае.

Не оставляет без внимания Рыскин еще одну не менее важную проблему — качественный отбор имен писателей. В отличие от Н. В. Здобнова, считавшего, что библиограф «не должен руководствоваться качественной оценкой деятельности тех или иных лиц при определении материала в биобиблиографии» (95, с. 23) и потому обязан включать всех писателей без какого бы то ни было отсева, Рыскин подчеркивал необходимость для составителя «определять и взвешивать идейно-художественное значение творчества отдельных писателей прошлого, отмечая реакционных и второстепенных писателей» (148, с. 12). Конечно, точка зрения Н. В. Здобнова неприемлема для современной библиографии. Словарь не следует загромождать материалами, не представляющими интереса для науки. Но нет оснований полностью соглашаться и с Рыскиным, ведь выведение таких писателей за рамки указателя, призванного оказывать помощь в научно-исследовательской работе, а именно ее он имел в виду, не способствует научному изучению истории литературы. Наука о литературе, учитывая разные — и прогрессивные, и консервативные, и малые, и значительные — возможности наследия, не может ограничиваться рассмотрением только одной стороны освое-

ния предшествующего опыта — позитивной или негативной, обладающей большими или меньшими достоинствами. Другое дело, в каких размерах и как должно отражать в указателе этот материал.

В работах Е. И. Рыскина затрагиваются и другие методические вопросы: стремление к полному охвату в словаре произведений писателя независимо от их содержания, недопустимость шаблона в биографических справках о писателе, желательность помещения в словаре краткого вводного очерка истории развития литературы в крае (который, добавили бы мы, целесообразно сопровождать перечнем обзорных и общепроblemных литературно-критических работ).

Такова в общих чертах разработанная Рыскиным методика краеведческой литературной библиографии. При всех своих достоинствах она страдала существенной ограниченностью.

Справедливо подчеркнув первоочередность создания рекомендательных тематических указателей художественной литературы о крае, Е. И. Рыскин не остановился на методике научно-вспомогательных тематических указателей, ограничился замечанием о том, что публикация подобных указателей — «полезных в справочной работе» — «дело второй очереди» и что библиотека должна собирать материал для них в специальной карточке (148, с. 9), обошел молчанием и методику составления рекомендательных биобиблиографических словарей.

Отказавшись от рассмотрения всей типологии краеведческой литературной библиографии, от выявления и показа особенностей методики составления всего многообразия типов пособий, Рыскин обеднил характеристику и ведущих видов краеведческой литературной библиографии и раскрытие характерных черт ее методики.

Бурный рост краеведческой литературной библиографии в послевоенные годы вызвал появление и других работ, в которых в разной мере затрагивалась методика краеведческой литературной библиографии, анализировались пособия на краеведческие темы. Среди них надо назвать статьи Р. Н. Крендель «Библиографические работы областных и краевых библиотек по художественной литературе» (141) и «Обзор библиографических пособий областных библиотек по художественной литературе» (151).

С многоаспектным развитием литературной библиографии, ее теории и методики возрастала потребность в систематизации накопленного теоретического и практического опыта, в разработке концепции, которая обобщила бы наиболее важные теоретические проблемы. Отсутствие теоретической основы тормозило успешное последовательное развитие литературной библиографии и библиографоведения как науки.

Перед библиографоведением встали новые чрезвычайно важные задачи, требовавшие постижения объектов практической деятельности литературной библиографии, осмысления используемых ею методов, установления специфического предмета теории, методики, а также функций литературной библиографии, выявления в практике таких областей, которые не входят в предмет ни одной другой научной дисциплины.

Но возможность решения этих проблем крылась в общепублиографической теории. Между тем в ней не были достаточно четко определены ни объект библиографии, ни ее границы, ни предмет библиографоведения. Объясняется это во многом тем, что библиография в течение продолжительного времени развивалась на стыке различных наук.

Поиски путей решения этих проблем побуждали библиографоведов к переходу от дедуктивных теоретических положений о библиографии к специальному ее исследованию и от широкого рассмотрения истории библиографии к более конкретному изучению библиографии как особой сферы, развивающейся по своим собственным законам.

Заметным событием в процессе познания сложных библиографоведческих проблем явились публикация «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова, которая выдержала в течение небольшого отрезка времени два переиздания (124), и вызванное ею обсуждение, как было принято в то время говорить, «узкого» и «широкого» толкования понятия «библиография».

Книга оказала огромное влияние на дальнейшую разработку принципиально важных проблем теории, методики и истории библиографии. Она подвела итог напряженным научным изысканиям и ее автора и всего советского библиографоведения. «Прекрасной» назвал ее В. Д. Бонч-Бруевич (275). «Книговедческая наука обо-

гатилась новым капитальным исследованием», — утверждал Б. С. Боднарский (277). «Ценный и полезный вклад не только в советское книговедение, но и в советскую литературу вообще», — подчеркивал П. Н. Берков (124в, с. 358). Не менее высоко признавались ее достоинства и в других рецензиях, появившихся вслед за тремя ее изданиями (М. А. Брискмана (124а), П. А. Зайончковского (124е)), и в работах, опубликованных много лет спустя (М. В. Машковой (188)).

В отзывах были выявлены и недостатки труда Н. В. Здобнова и дискуссионность решения многих принципиально важных проблем. К главным промахам автора Б. П. Козьмин (124г) относил отсутствие точного определения того, что понимает Здобнов под термином «библиография», какой круг явлений объемлет этот термин. Совершенно недостаточно сказать, что «библиография — одна из форм идеологии», важно ответить на вопрос, чем именно эта форма идеологии отличается от других. Козьмин обратил внимание на то, что в книге размыты границы между библиографией и литературной и научной критикой, при этом Н. В. Здобнов здесь пытается опереться на авторитет В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Б. П. Козьмин считал, что нельзя высказывания Белинского и Чернышевского, «относящиеся только к критической библиографии, распространять на всю библиографию вообще. Если между критикой и критической библиографией трудно провести точную разграничительную линию, то из этого нельзя сделать вывод об отсутствии различия между критикой и иными видами библиографии, кроме критической». В частности, уточняет Козьмин, Н. А. Добролюбов «противопоставляет критике (в том числе, конечно, и критической библиографии) библиографию вообще и проводит четкую грань между работой критика и работой библиографа» (124г, с. 103). Козьмин приходит к логическому выводу: чрезмерное расширение границ библиографии за счет критической приводит к неопределенности ее смысла и к «недооценке значения библиографии, которая сама по себе выполняет весьма важное и полезное для общества дело».

В противоположность Б. П. Козьмину, П. Н. Берков находил, что широкое понимание библиографии Н. В. Здобновым и в соответствии с этим включение им в рамки библиографии «помимо традиционных ...еще и

критической, преимущественно журнально-критической» — «несомненная заслуга покойного автора, расширившего привычные пределы понимания библиографии в историческом разрезе» (124в, с. 354). Более того, Берков, явно полемизируя с Козьминным, рецензия которого была ему известна еще до опубликования, так как он писал на нее отзыв по просьбе редакции журнала (276), подчеркивал: «Введение журнально-критической библиографии в общий обзор истории русской библиографии по своей новизне может показаться кое-кому „неправомерным расширением объема понятия“, вторжением в область истории литературной критики и публицистики. Но эти упреки неправильны и неубедительны. Они исходят из смешения двух понятий: 1) объекта исследования и 2) аспекта исследования. Можно изучать один и тот же предмет, но в разных аспектах, и в результате получаются различные науки... Историк русской критики рассматривает журнально-критическую библиографию (критические статьи и рецензии) с точки зрения своего предмета, тогда как историк русской библиографии анализирует тот же материал, исходя из общих положений своей науки». Так писал П. Н. Берков в рецензии на первое издание «Истории русской библиографии» (124в, с. 354). В рецензии на второе издание книги он отметил, что Н. В. Здобнов «смело» ввел в свой труд рассмотрение деятельности Ломоносова, Новикова, Пушкина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, М. Горького как библиографов-рецензентов, авторов критико-библиографических статей, обзоров, придававших серьезное значение библиографии. Поэтому редактору издания К. В. Сивкову в статье «От редакции» «следовало бы больше внимания уделить вопросу об „узком“ и „широком“ толковании понятия „библиография“. Споры об этом идут и в рецензиях на второе издание, очевидно, сторонников „узкой“ трактовки понятия „библиография“ не убеждают традиции революционных демократов в этом вопросе» (124д). Но сам Берков не объяснил, в чем существо несхожести историко-литературного исследования «журнально-критической библиографии» (т. е. в чем предметность ее историко-литературного познания и историко-библиографического изучения). Ограничиться словами «тогда как историк русской библиографии анализирует тот же материал, исходя из общих положе-

ний своей науки» — значит ничего не сказать или, во всяком случае, умолчать о главном. Специфические особенности критических статей и рецензий как предмета изучения библиографоведения ни в «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова, ни в отзывах П. Н. Беркова не были определены, и рассмотрение в труде Здобнова деятельности выдающихся писателей и критиков «как библиографов-рецензентов» осталось неоправданным — «журнально-критическая библиография» находится вне пределов предмета библиографоведения.

Примечательно, что позиции, подобной точке зрения П. Н. Беркова, придерживались и некоторые другие участники дискуссии. Так, Б. С. Боднарский, приглашая В. Д. Бонч-Бруевича принять участие в предполагавшемся обсуждении «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова в Московском государственном библиотечном институте, писал: «Никто, как Вы, не мог бы дать достойную оценку и подливающим масло в огонь некоторым „литературоведам“, которые протестуют против включения автором в свой труд глав, посвященных критико-библиографической деятельности наших корифеев — Чернышевского, Белинского, Добролюбова и др.» (274). Сам Б. С. Боднарский нигде не говорит, в чем специфичность историко-библиографического изучения критико-библиографической деятельности революционных демократов и в чем сущность ошибочных позиций, занятых «некоторыми литературоведами».

Недовольство потерей Здобновым «самого предмета своего исследования» чувствуется в рецензии М. А. Брискмана (124а). Но оно было вызвано не включением в книгу материалов, относящихся к критической библиографии (это Брискман как раз приветствовал), а тем, что Здобнов нередко зачислял в ряд библиографических явлений «далекие, по существу, вещи». В частности он считал, что вряд ли правильно было заниматься характеристикой журналистской деятельности Белинского, Полевого, Краевского, Сенковского и др.

С другой стороны, в ходе обсуждения книги были высказаны и иного характера идеи, некоторые из них имели существенное значение для формирования воззрений на предмет библиографоведения. Так, Берков устанавливал двоякую общность объекта исследования истории литературы и истории библиографии — словарей

А. А. Волкова, Н. И. Новикова, Евгения Болховитнинова, „Библиотеки российской” Дамаскина и т. п. (1246, с. 164). Но поставив эту важную проблему, он ее не развил, не пошел дальше утверждения о том, что Здобнову необходимо было „разграничить свою, историко-библиографическую точку зрения от литературно-историкографической” (1246, с. 164). Между тем Здобнов приравнивал историю литературы к несущественным элементам истории библиографии, которые примешивались к ней при синкретическом ее состоянии. В книге Н. В. Здобнова библиографическая наука не имеет четких очертаний и специфики предмета, ее границы и в этом случае были основательно размыты. Общность объекта исследования истории литературы и истории библиографии не должна приводить к их смешению. Главное состоит не в констатации общности предмета, а в выявлении различия исследуемых закономерностей.

Итак, труд Н. В. Здобнова и дискуссия вокруг него, как в фокусе, отражали достигнутую ступень в определении границ библиографии, ее объекта и предмета библиографоведения. (Заметим в скобках, что это положение в какой-то мере сохранилось до сих пор.) Освещающая кардинальные теоретические вопросы, библиографоведение того времени намечало лишь самые общие контуры библиографии, ее объекта и предмета библиографоведения. Более глубокое их понимание в последующие годы привело к дальнейшей их конкретизации.

Подобная разработка центральных теоретических проблем в общем библиографоведении в ту пору не могла не сказаться самым отрицательным образом на теории литературной библиографии: затрудняла поиски в определении ее общественных функций, в установлении объекта и предмета литературного библиографоведения, границ и взаимоотношений его с другими научными дисциплинами, в осознании методов, приемов и способов, которыми пользуются литературная библиография и литературное библиографоведение. Лишь на следующем этапе, когда общее библиографоведение обогатилось значительными теоретическими обобщениями, в теории литературной библиографии делаются попытки найти ответы на эти важнейшие вопросы.

Однако широкая разработка и внедрение в практику литературной библиографии новых способов библиографирования вызвали необходимость осмысления уже

в эту пору того нового, что внесло в теорию и методику советское время. Надо было, наряду с дифференцированным рассмотрением теоретико-методических вопросов, дать их синтетическую картину. Ее стремился нарисовать Е. И. Рыскин в статье „Новые методы библиографирования русской художественной литературы” (135). В ней, хотя и в очень сжатой форме, был подведен итог долголетнему развитию теории и методики литературной библиографии в дореволюционные и советские годы. „Дореволюционная литературная библиография, — писал Рыскин, — не имела теории и научно разработанной методики. По сути дела, подлинное значение теории и методики библиографии поняли и применили на практике лишь советские библиографы. Дореволюционная литературная библиография поражала однообразием и шаблонностью своих методов” (135, с. 95).

Источник жизненной силы советской литературной библиографии — в теснейшей связи библиографии с критикой и литературоведением. Под влиянием литературоведения разрабатывалась новая методика и типы библиографических пособий (например, указатели высказываний по литературным проблемам), с успехами литературоведения связано развитие библиографии текстов, библиографии мемуаров, семинариев по литературе. „Появление всех этих типов литературной библиографии, — писал Рыскин, — свидетельствует о том, что она имеет научную базу и стала научной отраслью советского литературоведения”. Литературная библиография стала демократичной, она адресуется широким народным массам, высоко держит знамя большевистской партийности, давая отпор чуждым и враждебным влияниям.

В заслугу советским библиографам Рыскин ставил и создание научной методики библиографирования (разыскание, описание, аннотирование, классификация), и разработку „своей теории”, которая „стала научной, и в этом ее первое крупное достижение”. Однако какой-либо аргументации в пользу последнего утверждения в статье не содержится. Если были достижения в разработке новых способов библиографирования, то теория литературной библиографии в то время находилась еще не на таком уровне, чтобы можно было утверждать, что она разработана.

В целом статья Е. И. Рыскина была, бесспорно, полезна и нужна, но на этом этапе шло лишь накопление материала, теоретического и методического опыта, необходимых для постановки и углубленной разработки широких синтетических историко-библиографических, теоретических и методических проблем. Преимущественное освещение получает методика отдельных видов библиографирования. И это было естественным ходом развития литературного библиографоведения.

В этом смысле особую роль сыграла другая работа Е. И. Рыскина, его книга „Библиографические указатели русской литературы XIX века” (143), в которой анализировались персональные и общелитературные библиографические указатели. Существенная особенность книги состояла в том, что если в статье методика библиографирования характеризовалась суммарно, то в книге — в связи с рассмотрением отдельных библиографических пособий. «Анализ указателей, — писал Рыскин, — дается в свете современной методики библиографии... Автор и считал своей задачей особо отмечать те ценные методы, которые имеются в „библиографическом наследстве”, в работах ряда видных русских библиографов XIX—XX вв.» (143, с. 3).

Конечно, ценность книги не сводится к этому. В ней в обзорной форме характеризуются наиболее важные библиографические работы, изданные в дореволюционное и в советское время; в конце больших глав подводятся „итоги” состояния библиографии. В этом отношении книга примыкает к „Путеводителю по литературе” А. Г. Фоминаа. Она и относится к тому же виду библиографических работ — к путеводителям по библиографическим пособиям по литературе.

Но главная особенность книги, повторяем, в том, что ее автор стремился дать не обычные в такого рода работах характеристики библиографических указателей, а отметить методическое их своеобразие. Это умение видеть методическое отличие библиографических работ особенно рельефно в главах, посвященных писателям, по которым имелись богатые и разнообразные библиографические источники. Так, в главе „Александр Сергеевич Пушкин” на конкретных примерах пушкинских указателей, относящихся к библиографии текстов, раскрыта, по сути дела, методика составления этого вида пособий вообще. А при характеристике второго тома „Пушкинина-

ны” А. Г. Фоминаа и указателя „Критика о М. Горьком” С. Д. Балухатого показаны положительные и отрицательные стороны различных способов расположения материала в основном разделе указателя литературы о писателе (систематическое, хронологическое) и зависимость от этого вспомогательного аппарата (систематический ключ). Рыскин писал, что отсутствие систематизации по содержанию в основном тексте „Пушкинианы” Фоминаа „компенсируется вспомогательным систематическим указателем с большим числом весьма дробных рубрик. Систематическое расположение в основном указателе никогда не бывает столь дробным, как во вспомогательном указателе. И все же вспомогательные систематические указатели встречаются очень редко... Они имеют некоторые неудобства. Чтобы помочь читателю найти нужную рубрику, Фомин составил предметный ключ к систематическому указателю, представляющий собой алфавитный перечень рубрик и подразбук систематического указателя” (143, с. 86).

Обращаясь к библиографии Тургенева, Белинского, Островского и других писателей, Рыскин разбирает методику библиографирования мемуаров. Проблемы, поднятые в книге, различны по степени их важности для методики литературной библиографии. Одни главы написаны подробнее, другие суше и схематичнее. Во многом это зависело от состояния библиографии, от конкретного материала, который был в распоряжении Е. И. Рыскина. Но о чем бы он ни писал — о библиографии высказываний, о библиографии текстов, о библиографии литературы о писателе, об отборе и аннотировании материалов в рекомендательной библиографии или о библиографии псевдонимов, о библиографических словарях — везде чувствуется неотступное стремление автора любое пособие — даже тогда, когда, может быть, в этом и нет необходимости — рассматривать в связи с разысканием, отбором, классификацией, аннотированием материала в нем.

Е. И. Рыскин выступал в печати по многим вопросам библиографии, но наиболее серьезное влияние он оказал на изучение и развитие методики литературной библиографии. Очевидно, она больше всего была ему по душе — Рыскин часто и охотно о ней писал. И в этом отношении весьма показательна книга „Библиографические указатели русской литературы XIX века”. Из нее

вырастет его „Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения” (163). В новую книгу в обобщенном виде войдут многие методические вопросы, которые были рассмотрены в связи с анализом отдельных пособий в „Библиографических указателях русской литературы XIX века”. В ней получит окончательное выражение теоретико-методическая позиция Рыскина и будет дано наиболее полное представление об основах методики составления библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению.

Дальнейшее изучение литературной библиографии требовало рассмотрения ее состояния к концу сороковых годов. Надо было на основе накопленного материала проделать прежде всего большую работу по критическому изучению библиографии крупнейших писателей. Этому в известной мере отвечала книга Е. И. Рыскина „Библиографические указатели русской литературы XIX века”. Появились и монографические работы. Среди них статья Ю. И. Масанова „Литература о Пушкине и ее библиография” (142), в которой он останавливается на наиболее крупных библиографических работах о Пушкине, сохранивших свое научно-справочное значение*. Критический обзор библиографических указателей о В. Г. Белинском, вышедших к 100-летию со дня его смерти, дан в статье Н. И. Мацуева „Новые библиографические указатели о Белинском” (133). В содержательной статье И. В. Федорова „Библиография литературы о Чехове и его творчестве” (144) охарактеризована библиографическая работа, проведенная дореволюционными и советскими библиографами, определены задачи, стоящие перед библиографией писателя.

В заключении нельзя не отметить, что, хотя в теории и методике литературной библиографии 1945—1953 годов существовали разные тенденции, вплоть до вульгарно-социологических, в целом это была одна из ярких страниц истории. В это время намечается углубленное изучение теоретико-методических проблем, хотя идет оно крайне медленно. Ощущалась настоятельная необходимость изучения теории и методики литературной библиографии и „вширь” и „вглубь”.

* Еще в 1937 году Ю. И. Масанов выступил со статьей «А. С. Пушкин в библиографии» (119), в которой обобщил накопленный опыт разработки библиографии великого поэта.

ПУТИ ЛИТЕРАТУРНОГО БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЯ В 50—70-е ГОДЫ

С середины 50-х годов в литературной библиографии, в ее теории и методике произошли серьезные изменения. Они были неразрывно связаны с теми большими событиями, которые происходили в стране. Исторические решения съездов КПСС, особенно положения, содержащиеся в докладах Л. И. Брежнева на XXIV и XXV съездах Коммунистической партии Советского Союза (7, 8), обозначили важные рубежи на пути коммунистического строительства, создали исключительно благоприятные возможности и условия для творческой деятельности критиков, литературоведов, библиографов. На основе этих социально-политических предпосылок шло развитие литературы, критики, литературоведения и библиографии. Для литературной библиографии наступило время быстрого и интенсивного развития. Под воздействием больших общественных перемен формировалось новое в литературной библиографии, в ее теории и методике. Именно с этого времени они вступили в новую фазу развития, которая имеет свои, только ей присущие особенности.

1

Поставленная партией задача воспитания человека с коммунистическими чертами характера, моралью и привычками предъявляла особые требования к рекомендательной библиографии. Этот период отмечен усложнением проблем рекомендательной библиографии, усилением роли ее учебно-воспитательной и агитационно-пропагандистской функций. В постановлении ЦК КПСС „О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране”, принятом в 1959 году (15), отмечалась важ-

ность широкого развертывания библиографической пропаганды книги и использования книжных богатств в целях коммунистического воспитания, подчеркивалось значение рекомендательной библиографии для пропаганды книги и руководства чтением. В условиях развернутого строительства коммунизма нельзя было ограничиваться подбором и рекомендацией нужных читателю книг, следовало научить его самостоятельно пользоваться библиографическими пособиями, выбирать с их помощью наиболее ценную литературу, отказавшись от мелочной опеки читателя.

Большое значение для выяснения задач рекомендательной библиографии в новых условиях и определения путей ее развития имели совещание и научная конференция по рекомендательной библиографии, проведенные Министерством культуры СССР и РСФСР совместно с Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в 1961 и 1965 годах. В докладах директора Библиотеки им. В. И. Ленина И. П. Кондакова „Рекомендательная библиография в помощь общему самообразованию и всестороннему развитию личности” (197), „Рекомендательная библиография в современных условиях” (215) и заместителя директора Библиотеки О. С. Чубарьяна „Рекомендательная библиография и руководство чтением” (218) поставлены крупные вопросы рекомендательной библиографии, широко, многоаспектно обобщен опыт ее развития в 50-х и в первой половине 60-х годов.

Следует отметить, что в докладах утверждалась необходимость разграничения общественных функций рекомендательной и научно-вспомогательной библиографии, отвергалась сама попытка игнорирования или противопоставления их. „Потребности советского общества в библиографии велики и многообразны, — говорил И. П. Кондаков. — Рекомендательная библиография отвечает лишь на часть запросов трудящихся, и было бы неправомерно противопоставлять ее другим видам советской библиографии” (197, с. 12). Такая постановка вопроса приобретала особое значение и вследствие возросшей роли рекомендательной библиографии в коммунистическом строительстве, и в связи с необходимостью всемерного развития научно-вспомогательной библиографии, и для преодоления ее отставания от потребностей науки.

Рекомендательная библиография, цели, характер и методы которой стали более сложными, подчеркивал О. С. Чубарьян, не может развиваться без научного анализа большой и разнообразной практики ее составления и использования. Хотя в разработку теории библиографии, по словам докладчика, за последние годы был внесен значительный вклад, „у нас нет достаточно четкой системы во взглядах на теоретические и методические проблемы рекомендательной библиографии как библиографии особого вида, на ее роль в пропаганде книги и руководстве чтением. Все еще имеют место различные толкования таких коренных вопросов, как цели и читательское назначение рекомендательной библиографии, принципы отбора литературы для пособий различного типа, методы библиографической помощи библиотекарям и другим пропагандистам книги. По существу не определены даже критерии эффективности рекомендательной библиографии” (218, с. 23).

Совещание и научная конференция способствовали определению исходного пункта в теоретическом осмыслении рекомендательной библиографии: главной функцией рекомендательно-библиографической информации является организация самообразовательного чтения. Эта идея не была поколеблена в дальнейшем практикой рекомендательной библиографии и проводилась в теоретических работах сотрудников Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (220, 231, 238, 258) вплоть до последнего времени, о чем, в частности, свидетельствует статья Ю. М. Тугова „Об исходном пункте теоретического воспроизведения библиографии”, опубликованная в 1977 году (271).

Плодотворному развитию рекомендательной библиографии, в том числе и литературной, мешала неудовлетворительная разработка дифференциации рекомендательно-библиографических пособий, определения зависимости их типизации от содержания и состава библиографируемого материала, целей чтения, читательского назначения, навыков самостоятельной работы с книгой, а для литературной библиографии — и от особенностей восприятия художественной литературы читателем. В связи с этим стала особенно актуальной задача создания системы рекомендательно-библиографических пособий, удовлетворяющих запросы различных категорий читателей.

Совещание 1961 года в качестве основного признака дифференциации рекомендательных библиографических пособий приняло наличие у читателей навыков самостоятельной работы с книгой и степень развития читателей. Были выделены три группы читателей. К первой отнесены читатели, не владевшие культурой чтения, ко второй — имевшие необходимую подготовку для самостоятельного чтения, к третьей — пропагандисты и популяризаторы знаний. К основным признакам группировки читателей О. С. Чубарьян отнес также цели чтения.

Такая основа дифференциации читателей и в зависимости от нее типизация библиографических пособий может быть принята в качестве отправной, общей. Но в отраслевой библиографии типизация библиографических пособий неминуемо должна видоизменяться, так как содержание библиографируемого материала делает иной форму подачи материала, методику его библиографирования. Поэтому одновременно с разработкой общих принципов дифференциации рекомендательных библиографических пособий шло изучение вопроса о системе пособий по художественной литературе и литературоведению. Этой проблемы в той или иной мере касались многие авторы. Среди них в первую очередь следует назвать А. И. Барсука, Ю. С. Зубова, Н. Е. Добрынина, Е. И. Рыскина, С. А. Трубникова.

Одну из первых попыток осмыслить систему рекомендательных библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению предпринял А. И. Барсук в статье «Насущные проблемы литературной библиографии» (179). Рассматривая основные типы библиографических пособий, он противопоставил читательское назначение и образовательный ценз цели, с которой читатель обращается к ним. Барсук утверждал, что при установлении типа рекомендательно-библиографического пособия главным является целевое назначение. Читательский «адрес» имеет решающее значение лишь при разделении на основные виды библиографии — рекомендательную и научно-вспомогательную*.

* Через несколько лет он повторил свою классификацию. Ничего не изменяя по существу, А. И. Барсук уточнил: «...наиболее плодотворным ориентировать развитие литературной библиографии в двух основных направлениях: рекомендательном и научно-вспомогательном, а внутри последнего различать пособия информационно-справочного и активно-ориентирующего характера (первые — более или менее полные, вторые — выборочные)» (204, с. 237).

Такой подход вызвал возражения Ю. С. Зубова (191), по мнению которого недооценка читательского назначения отдельных типов пособий внутри основных видов, непонимание того, что оно всегда связано с целевым назначением пособия, приводит автора статьи «Насущные проблемы литературной библиографии» к ряду ошибок в установлении типов пособий. С этих позиций Зубов отвергал всю типологию рекомендательной библиографии художественной литературы Барсука: памятки, предназначенные для «общего ознакомления с предметом»; рекомендательный указатель, служащий целям более глубокого изучения темы в целом; библиографические пособия в помощь овладению определенным кругом знаний (программы, «круги», планы чтения). Эта классификация, считал Зубов, выведена чисто «головным» способом, без учета практики и творческих поисков. Действительно, недостатки такой группировки не могут не броситься в глаза, и прав был Зубов, когда писал, что различие между памяткой и рекомендательным указателем не только и, может быть, не столько в целевом назначении, сколько в читательском «адресе». (Особенности третьего типа пособий Барсук вообще не раскрывал.)

Считая, что целевое и читательское назначения пособий находятся в неразрывной связи и отказ от конкретного читательского «адреса» делает пособия малоэффективными, Зубов выделил две основные группы пособий: пособия в помощь самообразованию различных категорий читателей и удовлетворению их разносторонних запросов в области художественной литературы; пособия, имеющие целью пропаганду книги и предназначенные для лиц, профессионально связанных с художественной литературой. Признание единства цели и читательского назначения главной предпосылкой типизации пособий, построения их системы, безусловно, более перспективно, нежели точка зрения А. И. Барсука.

Близкую к Ю. С. Зубову точку зрения развивала Н. Е. Добрынина. Она опубликовала несколько работ, в которых прямо или косвенно затрагивался вопрос о дифференциации читателей художественной литературы и типизации библиографических пособий по художественной литературе. В статье «Изучение читателей и рекомендательная библиография художественной литературы» (220, с. 109—124) Добрынина поставила перед

собой задачу ответить на следующие вопросы: Какова зависимость между читательским и целевым назначением рекомендательного библиографического указателя? Можно ли говорить о том, что одно из них играет большую роль и определяет другое? Можно ли и почему следует считать, что читательское и целевое назначение составляют единство?

Специфика художественной литературы, имеющей очень широкую читательскую аудиторию, когда одно и то же произведение может волновать самые различные категории читателей, такова, что конкретизация понятия «широкие читательские круги» применительно к художественной литературе «сложнее, чем во всех других случаях», — писала Добрынина (220, с. 110). Под «широкими кругами» она, как и многие другие библиографы, понимала тех, кто не связан с художественной литературой профессионально. База, «на которую прежде всего может опираться рекомендательная библиография, определяется уровнем образования читателей» (220, с. 113). Наличие у них навыков самостоятельной работы с книгой рассматривается Добрыниной не как основной фактор, влияющий на характер и качество чтения, а как производный от образовательной подготовки. Читательский адрес библиографических пособий, рекомендуемых новинки советской художественной литературы, может быть шире, чем адрес указателей, посвященных произведениям прошлого.

Вместе с тем Н. Е. Добрынина считала, что читательское и целевое назначение составляют единство, обусловленное тем, что «объективно существует единство социально-психологического и читательского облика читателя» (220, с. 115). Следовательно, Добрынина верно видела в единстве читательского и целевого назначения сущность дифференциации рекомендательных библиографических пособий по художественной литературе. Но Добрынина не рассмотрела такого важного критерия, как восприятие художественной литературы читателями, хотя и упомянула, что для обоснованных выводов о типах читателей надо изучить не только специфику интереса к литературе, но и специфику восприятия ее разными категориями читателей. Лишь упомянула. И это естественно: библиотечковедение и библиографоведение только подошли к этой сложной проблеме. Видимо, в будущем она будет глубже изучена, и критерий восприя-

тия художественной литературы займет одно из центральных мест в дифференциации читателей.

Первые признаки, говорящие о начале изучения этой проблемы, уже появились. В 1973 году в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина проходила всесоюзная научная конференция «Проблемы чтения и формирования человека развитого социалистического общества» (245), вызвавшая большой интерес и получившая широкий резонанс в кругах научной общественности. Конференция дала много ценного и в области чтения художественной литературы, в частности, значительный интерес представлял доклад Л. И. Беляевой «К вопросу о психологических типах восприятия художественной литературы взрослыми читателями» (245, с. 133—137). И в докладе и в публикациях «Психологический анализ восприятия художественной литературы» (239) и «К вопросу о типологии читателей» (255, с. 143—161) Л. И. Беляева утверждала, что разработка научной классификации читателей на основе особенностей восприятия художественной литературы наиболее целесообразна, хотя и связана с большими трудностями, так как требует проникновения в самую сущность процесса чтения, раскрытия глубоко интимных сторон общения читателя с книгой. Психологические же особенности восприятия лишь в некоторой степени зависят от уровня образования и социальной принадлежности читателя. Несмотря на социально-психологическую сущность читательских типов, они не «привязаны» к определенным социальным группам.

Конечно, делать на этом основании какие-либо решительные выводы в отношении классификации библиографических пособий по художественной литературе еще рано. Но дальнейшее изучение этого вопроса может привести к разрешению сложной библиографической проблемы — к научной классификации библиографических пособий, в основу которой будут положены, наряду с другими критериями, особенности восприятия художественной литературы.

Для понимания исканий в области типизации рекомендательно-библиографических пособий, выяснения ее зависимости от особенностей чтения художественной литературы заметную роль сыграл Е. И. Рыскин.

Как мы отмечали, активное изучение круга этих вопросов он начал еще в довоенное время. Эту работу он

продолжил и в последующие годы. Здесь прежде всего должны быть названы глава «Рекомендательная библиография художественной литературы, критики и литературоведения» из учебника Е. И. Рыскина для библиотечных институтов «Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения» (163), составленная им программа курса «Библиография художественной литературы и литературоведения», статья «Вопросы чтения художественной литературы и рекомендательная библиография», появившаяся вначале в «Ученых записках» Московского государственного института культуры в 1963 году, а затем перепечатанная в книге автора «Очерки теории и методики литературной библиографии» (210).

Говоря о составе чтения современного читателя, Рыскин отмечал, что надо создавать различные варианты рекомендательно-библиографических пособий, рассчитанных на читателей с неодинаковыми интересами, склонностями, вкусами, жизненным опытом. По его мнению, чтение не может быть «односторонним, ограниченным одной только отраслью литературы — только художественной, только технической и т. д. Чтение советского человека должно быть разносторонним, оно должно включать в себя в том или ином соотношении, в той или иной дозировке все важнейшие циклы литературы: общественно-политический цикл; цикл литературы и искусства; научно-технический цикл; цикл книг о своей профессии» (210, с. 99—100). Исходя из этой предпосылки, Рыскин подчеркивал, что «все важнейшие циклы литературы должны быть представлены в чтении каждого читателя» (210, с. 100).

Этот отправной пункт и выводы, сделанные из него Е. И. Рыскиным, вызвали справедливое, по нашему представлению, несогласие О. П. Коршунова, который писал, что «выдвижение подобного рода задач перед теорией и практикой рекомендательной библиографии в современных условиях нельзя признать правильным» (223, с. 24—25). Рост общего объема знаний и литературных неизбежно приводит к дифференциации самообразовательных интересов читателей. Теперь человек не может заниматься самообразованием путем ознакомления со многими отраслями знания и проблемами.

Первая задача рекомендательной библиографии в руководстве чтением, писал Рыскин, состоит в том, чтобы

способствовать выбору лучшей в идейно-художественном отношении литературы, и она в библиографии решается прежде всего отбором литературы для рекомендательного пособия. Критика и литературоведение — основная база рекомендательной библиографии, и на их основе она находит ответы на все вопросы отбора литературы: у библиографии «нет и не может быть собственных идеологических и эстетических критериев» (163, с. 32). Вторая задача — помочь пониманию прочитанных произведений и выработке у читателей правильного художественного вкуса — решается путем пропаганды лучших критических и литературоведческих работ. Третья задача — указать читателю последовательность чтения и изучения художественной литературы.

В основе системы чтения художественной литературы, по мнению Рыскина, лежит принцип параллельного чтения новинок и классической художественной литературы. Чтение подразделяется на две части: систематическое чтение новинок художественной литературы прошлых лет — первичное чтение непрочитанных произведений и повторное чтение выдающихся произведений. Эти две части чтения обязательны для читателя. Чтение художественной литературы должно протекать в сочетании с чтением критических и литературоведческих работ, «ибо без критики и литературоведения художественная литература часто недостаточно осмысливается, без них нет настоящей культуры чтения художественной литературы» (210, с. 102).

Отлично понимая всю сложность организации чтения литературы прошлых лет, Рыскин для его систематизации и упорядочения предлагает «наиболее целесообразный метод концентрического чтения: читателю рекомендуются произведения советской, дореволюционной и зарубежной литературы для первоочередного чтения (первый круг чтения), затем то же для чтения второй очереди (второй круг чтения) и т. д. Ориентируя читателей в очередности чтения, мы особенно помогаем тем из них, кто заботится о восполнении пробелов своего чтения (они у разных читателей различны), о повышении своего общего культурного уровня» (210, с. 102—103).

Не отменяя найденных Рыскиным отдельных положительных представлений о системе чтения и изучения

художественной литературы, литературное библиографование на последующих стадиях поднялось на более высокую ступень, объективно превращая эти представления в элемент новых, но несравнимо более богатых теоретико-методических знаний о системе чтения, изучения и, соответственно, рекомендательной библиографии художественной литературы в целом.

Эта эволюция во многом связана с исследованиями С. А. Трубникова, в частности с книгой «Литературная библиография как средство эстетического развития читателей» (230). Именно здесь он говорит о необходимости активного формирования определенной целенаправленности при чтении новинок художественной литературы, обращая внимание читателя на произведения, объединенные единой темой или внутренне связанные между собой преемственностью проблематики.

Более точной стала проблема отбора литературы прошлого для рекомендательной библиографии после предложения Трубникова обращаться к философской разработке категории ценности. Решающее значение в определении степени ценности литературного произведения имеет его способность активно содействовать формированию нравственных и эстетических идеалов людей. Это чрезвычайно важно учитывать, так как вкус читателей — система ориентировки в литературных ценностях, а рекомендательные пособия должны помогать закладывать фундамент этой системы*.

Наконец, справедливы были возражения Трубникова Рыскину по поводу резкого противопоставления чтения художественной литературы и ее изучения. «С этим нельзя согласиться, — пишет он, — так как чтение художественной литературы должно органически сочетаться с ее изучением, которое неправильно понимать только как изучение историко-литературного процесса. Что касается историко-литературной последовательности чтения, то как всеобщая система чтения она действительно не приемлема, но Е. И. Рыскин не находит для нее места даже в качестве элемента (второго раздела — по терминологии Е. И. Рыскина) системы чтения, относящегося к чтению литературы прошлых лет. А с этим уже нельзя

согласиться, так как на определенном этапе эстетического развития у читателя могут возникать потребности самообразовательного историко-литературного чтения и изучения художественной литературы» (230, с. 195).

Трубников делает попытку сформулировать основные направления использования рекомендательной библиографии в формировании и развитии литературно-художественных вкусов читателей. Он выделяет три направления: формирование определенности и верной идейно-эстетической направленности интересов к художественной литературе; воспитание широты и разносторонности литературно-художественных интересов и вкусов; приобщение читателей к изучению художественной литературы. Первое направление связано с типичным для многих читателей развитием интересов от неопределенных к целенаправленным. На рекомендательную библиографию возлагается задача всемерного содействия выработке у читателя основ хорошего вкуса, который может развиваться лишь на почве устойчивого интереса к художественной литературе, на почве известной определенности и верной идейно-эстетической направленности интересов и запросов. Второе направление отвечает задаче обогащения и расширения вкусов, преодоления тематической и жанровой односторонности чтения. Наконец, третье направление — приобщение читателей к изучению художественной литературы.

В итоге своих размышлений Трубников делает вывод, что логика эстетического развития читателей подводит их к изучению художественной литературы. У эстетически развитого читателя складывается система чтения, в которую органически входит и изучение художественной литературы. Это изучение сопровождается чтением литературы и современной и прошлых периодов. При этом различные читатели могут с различной глубиной знакомиться с отдельными явлениями истории литературы. «Но изучение литературы, — настаивал Трубников, — неправильно трактовать только как последовательное изучение историко-литературного процесса. Это может быть изучение теории литературы и эстетики, изучение художественных особенностей отдельных жанров современной литературы, творческого пути писателей, эстетического своеобразия произведений и т. д. Всякое стремление осмыслить чтение литературно-художественных произведений, глубже разобраться в них с помощью ли-

* Три года спустя эти положения будут более основательно развиты С. А. Трубниковым в статье «Проблемы рекомендательной библиографии в свете марксистско-ленинского философского учения о ценности» (246, с. 19—34).

тературоведения и критики; всякая постановка читателем определенных самообразовательных задач, выдвижение перед собой определенной программы чтения и ее последовательная реализация могут рассматриваться как изучение художественной литературы» (230, с. 198).

В изучении литературы он выделяет три направления, которые могут сочетаться, а могут и не согласовываться одно с другим и даже находиться вне определенной самообразовательной программы: изучение отечественной литературы; изучение зарубежной литературы; изучение теории литературы и эстетики.

Перед нами, в сущности, определение места изучения художественной литературы в системе чтения и отвечающая ей модель рекомендательной библиографии, состоящая из компонентов: рекомендательная библиография в помощь самообразовательному чтению отечественной и зарубежной литературы и изучению теории литературы и эстетики.

Как видим, С. А. Трубников не просто исходил из концепции Е. И. Рыскина, он ее значительно усовершенствовал.

Всем теоретико-методическим работам были свойственны общие черты. Как бы ни разнились те или иные поиски — все-таки это были только первые попытки соотносить проблемы чтения и рекомендательной библиографии: вопросы чтения и рекомендательной библиографии в них зачастую рассматривались в слишком общей форме, без глубокого изучения читательских интересов, без изучения психологии восприятия художественной литературы. К тому же практическая деятельность наших ведущих библиотек в области рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения была такова, что она не всегда благоприятствовала глубоким теоретико-методическим обобщениям. К решению многих принципиальных проблем теория и методика рекомендательной библиографии только что подошла. Обозначились лишь общие контуры системы рекомендательно-библиографических пособий по художественной литературе. Очерчены вполне определенно только основные звенья. Поиски в этом направлении — дело коллективных усилий многих советских исследователей и практических работников.

Особенности развития теории литературной библиографии в современных условиях состоят в том, что тра-

диционная типизация библиографических пособий — научно-вспомогательные, или в помощь научной работе, и рекомендательные — стала отчасти изменяться, наполняться другим содержанием. В этом отношении показателна дискуссия о рекомендательной библиографии для специалистов. Суть разногласий определили М. А. Брискман и В. И. Гранский: «...нужны ли особые рекомендательные библиографические указатели для специалистов или помощь им в выборе литературы оказывает и может оказывать научно-информационная библиография» (212, с. 33).

Нельзя сказать, что дискутировалась совершенно новая проблема. В своем развитии советское библиографоведение не раз вносило серьезные поправки в схему: отраслевая библиография должна развиваться в двух основных направлениях — одно в помощь научной работе, другое — в помощь популяризации науки — пропаганда ее достижений. Но в процессе освобождения библиографии от сковывающих ее развитие старых традиций стали изменяться и привычные представления об основных видах библиографии, их функциях, общественной значимости, читательском и целевом назначении.

Проблема составления рекомендательных библиографических указателей для специалистов наиболее четко обозначилась во второй половине 50-х годов, когда стремительное развитие науки и все возрастающий рост издательской продукции создали для специалиста огромные трудности при ориентировке в источниках информации. Необходимость расширения читательского назначения рекомендательных пособий до обслуживания ими специалистов доказывали библиографы Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина на конференции по вопросам библиографии в 1959 году (189). Обсуждалась эта проблема и на совещании в 1961 году, и на конференции в 1965 году (217).

Важную роль в постановке и изучении этой проблемы сыграла статья Б. Я. Бухштаба «О рекомендательной литературоведческой библиографии для специалистов», опубликованная в 1961 году (196). Проанализировав практику составления персональных пособий серии «Великие русские писатели» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, указатели, издаваемые Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и серию «Русские писатели... века», в со-

зданий которой принимали участие обе библиотеки, Бухштаб пришел к выводу, что подобного рода указатели должны иметь широкую читательскую ориентацию, оказывая помощь специалисту любого профиля — исследователю и неспециалисту, хорошо знающему литературу и глубоко интересующемуся ею. При этом принципом отбора материала для таких указателей, по мнению Бухштаба, должно быть включение в них всего существенного для углубленного изучения писателя, эпохи, литературоведческого вопроса, которому посвящен указатель. Необходимая же «степень дифференциации интересов читателей должна достигаться посредством аннотаций, раскрывающих, какому кругу читателей и в каких целях может понадобиться данная книга или статья, и посредством умелой композиции указателя» (196, с. 22).

Б. Я. Бухштаб утверждал, что в значительной мере к типу пособия для специалистов приближается указатель «Русские писатели второй половины XIX — начала XX вв.» (М., 1958—1963). Основным источником методических ошибок составителей, считал Бухштаб, является то, что «создавая указатели, фактически более всего нужные исследователю и преподавателю вуза, составители их декларативно отказываются от обслуживания этих категорий читателей» (196, с. 23).

Статья Бухштаба «О рекомендательной литературоведческой библиографии для специалистов» вызвала острую полемику в специальной печати*.

Из основного тезиса Б. Я. Бухштаба исходили М. А. Брискман и В. И. Гранский в статье «О рекомендательной библиографии для специалистов» (212). Они аргументировали невозможность выполнения функций рекомендательной библиографии для специалистов научно-вспомогательной библиографией тем, что одни составители научно-вспомогательных указателей, стремясь к максимальной полноте, ограничивают отбор литературы формальными признаками, другие руководствуются преимущественно научными интересами. Ориентирую-

щая функция таких выборочных указателей незначительна. К признакам рекомендательных пособий для специалистов авторы статьи относили конкретное читательское назначение и жесткий по качеству отбор литературы. «Оба эти взаимообусловленные требования влекут за собой ряд других, более частных: обязательную подробность группировки материала, логическое расположение его в последних делениях, специализированные аннотации, стремление к сопоставлению литературы», — заключали М. А. Брискман и В. И. Гранский (212, с. 40).

Совсем иную позицию занял А. И. Барсук. В полемической статье «Жизненные вопросы теории и практики библиографии» (219) он полностью отрицал правомерность рекомендательной библиографии для специалистов. Исходя из принципа защиты чистоты типов библиографии и имея в виду Б. Я. Бухштаба, М. А. Брискмана, В. И. Гранского, он писал, что есть «библиографы, которые не хотят видеть своеобразие научно-вспомогательной и рекомендательной библиографии. Делая границы между этими видами библиографии зыбкими, они ссылаются на то, что не хотят „противопоставлять“ один вид другому. На самом же деле смешивают их функции, и от этого оба вида могут только пострадать» (219, с. 4). Основную причину «заблуждений» своих противников Барсук видел в парадоксальности вывода о необходимости выполнения несвойственных рекомендательной библиографии функций. Отсюда он делал вывод о статье Бухштаба, которая, «являясь как бы концентрированным выражением ошибочной концепции видов библиографии», «наглядно показывает, куда увело бы рекомендательную библиографию следование этой концепции: назначением одного из основных звеньев рекомендательной библиографии являлась бы не пропаганда (и помощь в пропаганде) художественной литературы, искусства, эстетических знаний среди широких кругов подготовленных читателей, любителей прекрасного, а обслуживание профессиональных запросов исследователей и преподавателей специальных дисциплин высшей школы» (219, с. 11—12).

Такое опасение не вызвано духом статьи Б. Я. Бухштаба, в которой, как и в главах учебника «Библиография художественной литературы и литературоведения», определенно сказано, что рекомендательная библиография для специалистов должна иметь широкую читатель-

* Основные положения статьи вошли в главы вузовского учебника «Библиография художественной литературы и литературоведения» (М., 1971) (233) — «Типы библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению» и «Рекомендательная библиография для специалистов», написанные Б. Я. Бухштабом.

скую ориентацию, оказывая помощь всем тем читателям, которые обращаются к библиографии с профессиональными целями. Это лекторы, преподаватели средней и высшей школы, готовящиеся к уроку или лекции, студенты, работающие над докладом, литературные критики, редакционно-издательские, театральные работники, библиотекари, библиографы. Такими указателями могут пользоваться и читатели, не связанные с художественной литературой профессионально, но глубоко интересующиеся ею и знающие ее. В этих указателях, в отличие от предназначенных широким кругам читателей, преобладают не произведения художественной литературы, а критические и литературоведческие работы. Включается все, что имеет серьезное значение для изучения данной темы. (Здесь имеется в виду профессиональное изучение, а не научно-исследовательское.) Рекомендательные указатели не предназначаются в помощь исследовательской работе. Ученые могут их использовать в помощь своей вузовской работе, для проверки и пополнения знаний в вопросах, не являющихся предметом их непосредственных занятий, иногда и в исследовательской работе — по вопросам побочным, лишь косвенно относящимся к главной теме.

Как видим, из работ Бухштаба совсем не вытекает, что рекомендательная библиография для специалистов должна обслуживать только профессиональные запросы исследователей и преподавателей высшей школы. Барсук — вольно или невольно — так характеризует рекомендательную библиографию, что дает о ней обедненное, не отвечающее современному уровню представление. Он ограничивает ее сферой разработки «популярных» пособий, хотя узость подобного понимания не может не броситься в глаза всякому, кто знаком с последними выпусками серий Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина «Великие русские писатели», «Русские писатели... века», с серией персональных указателей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, с практикой составления указателей республиканских библиотек.

Не следует забывать, что в современных условиях, когда чрезвычайно усложнилось получение нужной информации, даже выборочные научно-вспомогательные указатели, обильно отражающие литературу, но недостаточно подробно ее систематизирующие и не дающие

достаточно полного представления о ее содержании в аннотациях, не могут удовлетворить потребности специалиста.

К сходному выводу пришла и М. П. Бронштейн, автор интересной статьи «Что же такое рекомендательная библиография?» (220, с. 32—50): «...Чем разработаннее та или иная отрасль или научная проблема, чем сильнее проникновение в ее исследование других наук, тем большая потребность в составлении не только информационных, но и рекомендательных указателей, ибо именно этот вид библиографии осуществляет такой отбор, такую систематизацию материала, такую его характеристику, которые, будучи примененными в их совокупности, смогут обеспечить выбор и изучение специалистом-практиком интересующего его вопроса» (220, с. 46).

Не вдаваясь здесь в специальный разбор аргументов Бронштейн и не анализируя доводов оппонентов, ограничимся общей характеристикой.

Противники рекомендательной библиографии для специалистов говорят об отсутствии таких пособий. Однако они есть и успешно функционируют. Но даже если число этих указателей незначительно, а по ряду отраслей их вовсе нет, это еще не может служить доказательством их ненужности. «Если мы признаем их общественную пользу, они будут разрабатываться», — вполне резонно пишет Бронштейн (220, с. 46).

Другие среди недостатков конкретных указателей для специалистов отмечают невозможность их составления. «Однако неудачи, постигающие составителя любого библиографического пособия (в том числе и рекомендательного), являются горестными фактами биографии библиографа, а не самой библиографии», — отмечает Бронштейн (220, с. 47).

Выдвигается еще один мотив — отрицание ценности существующих рекомендательных пособий для специалистов за их рекомендательный характер. Однако практика говорит обратное.

Ссылаются и на то, что в прошлом рекомендательных указателей для специалистов не было и что рекомендательная библиография потому и есть рекомендательная, что она носит сугубо массовый характер. Но изменяются жизненные условия общества и, как следствие, изменяются общественные функции рекомендательной библиографии. Поэтому современная библиография

не может не восстать против постулатов: рекомендательная библиография есть библиография для массового читателя; забота о чистоте типа — основная забота составителя библиографического пособия.

Разработка рекомендательных пособий, адресованных широким читательским слоям для различных целей, — была и остается главной задачей рекомендательной библиографии. Создание рекомендательных пособий для специалистов — расширение общественных функций рекомендательной библиографии.

2

В современных условиях необычайно возрос интерес к определению общественного назначения как рекомендательной библиографии вообще, так и рекомендательной библиографии художественной литературы. При изучении этой проблемы возникают все новые вопросы и аспекты. Невозможно определить общественное назначение библиографии художественной литературы без учета результатов изучения общих проблем, без выяснения исходной сущности природы библиографии. Однако мы ограничимся рассмотрением лишь тех работ, в которых наиболее отчетливо проявилось стремление определить общественную роль рекомендательной библиографии художественной литературы. К таким работам в первую очередь относится статья М. И. Давыдовой «Литературная рекомендательная библиография и ее общественное назначение» (226).

Давыдова исходит из принципиальной установки статьи И. Е. Баренбаума, А. И. Барсука, А. И. Манкевича, А. М. Соркина и Д. Ю. Теплова «Глубже разрабатывать теоретические проблемы библиографии» (222): понятие «общественное назначение» по отношению к библиографии не приобрело еще должной ясности, его необходимо прояснить и углубить. Давыдова раскрывает его как «назначение содействовать тому или иному необходимому, полезному процессу, происходящему в обществе. Так, научно-вспомогательная библиография содействует развитию науки, ... рекомендательная — в первую очередь просвещению народа, всестороннему духовному развитию и обогащению личности». В своем анализе типов библиографических пособий Давыдова заостряет внимание не на общей характеристике их отдельных черт, а берет в качестве типобразующего

для библиографии признака ее общественное назначение, раскрывает зависимость целевого и читательского назначения библиографических пособий от общественной потребности; исходя из этого принципа, указывает на разнообразие целевого назначения и читательского адреса внутри каждого типа. Опираясь на обширный материал современной литературной библиографии, она показывает, что богатство форм научно-вспомогательных библиографических пособий связано не только с разнообразием содержания литературоведческого материала, но и с различием уровней и запросов потребителей, а несходство конкретных задач и способов их решения в пределах общей цели содействовать науке порождает внутреннюю дифференциацию этой библиографии. Разнообразие целевого и читательского назначения рекомендательных пособий ведет к созданию широкой системы таких пособий, но все они, подчеркивает Давыдова, объединены одним общественным назначением — способствовать идейно-политическому и эстетическому воспитанию широких кругов читателей.

Свидетельством повышенного внимания советских библиографов к постижению общественного назначения рекомендательной библиографии художественной литературы и литературоведения является статья С. А. Трубникова «Рекомендательная библиография как средство формирования литературно-художественных вкусов читателей» (220, с. 85—108) и главы из его пособия по спецкурсу для студентов библиотечного факультета «Литературная библиография как средство эстетического развития читателей» (230).

Автор затрагивает широкий круг вопросов, прямо или косвенно связанных с определением общественной роли рекомендательной литературной библиографии, обусловленной значением художественной литературы в коммунистическом воспитании советских людей. Рекомендательная библиография, пишет он, отвечает потребностям в информации о произведениях печати, имеющих положительное общественное значение, она «служит действенным посредником между лучшими книгами и читателями, выявляет для них подлинные литературные ценности» (230, с. 8). Главный акцент в работах Трубникова сделан на выяснении активной роли рекомендательной библиографии. Она не может осуществить своей важнейшей общественной функции по выяв-

лению для читателей подлинных литературных ценностей, если ее ценностная природа не будет показана в непосредственном образовательном и воспитательном содержании рекомендации книг. Активная роль библиографии в эстетическом воспитании читателей видится Трубникову в необходимости „включать в рекомендательные библиографические пособия такие элементы, которые подготавливали бы условия для возникновения интереса к книге, расширяли бы круг сведений читателя, его знания, его апперцепцию, то есть имели бы *непосредственное образовательное значение*, несли бы в себе не только „свернутую“ вторичную, но и ту первичную информацию, без которой нередко новый интерес у читателя возникнуть не может” (230, с. 9).

Подобные суждения были высказаны также Ю. М. Туговым в статьях „Рекомендательная библиография — объект системного исследования” и „О структуре рекомендательной библиографии” (231, 234), Н. Н. Соловьевой в статье „Библиография в помощь образованию и воспитанию” (229), Б. А. Смирновой „Вернемся к рекомендательной библиографии” (238).

Такое воззрение на рекомендательную библиографию вызвало резкую критику со стороны О. П. Коршунова, который в статье „Библиография как система” (235) писал, что С. А. Трубников, по существу, „отходит от провозглашенного им вначале тезиса о вторичности библиографии как общественного явления и рассматривает формирование эстетического сознания, художественных вкусов средствами рекомендательной библиографии в точно таком же непосредственном качестве, в каком эти задачи решаются художественной литературой, критикой, искусством, эстетикой, научной популяризацией. Выдвижение этой „непосредственности” на первый план не только не проясняет, но и затемняет подлинную природу рекомендательной библиографии, более того, делает ее существование неоправданным. Рекомендательная библиография как таковая имеет определенный общественный смысл в том случае, если она во главу угла ставит свои внутренние, специфические задачи. И, наоборот, она не имеет смысла, если свою главную цель видит в выполнении „чужих” функций, стараясь самостоятельно, с помощью чтения рекомендательных пособий, достичь того же результата, который дает непосредственное чтение книги” (235, с. 70).

Одним из плодотворных утверждений Коршунова, которые мы полностью разделяем, является мысль о том, что для рекомендательной библиографии не характерна — в качестве определяющей — ориентация на элементы, которые имеют непосредственное образовательное значение. Для выяснения общественной роли рекомендательной библиографии необходимо исходить из ее сущности, которая состоит в том, что в основе рекомендательной библиографии — вторичность, а все первичное, непосредственно познавательное и образовательное следует рассматривать как обусловленное вторичностью библиографической информации о книге. При этом Коршунов совсем не считает, что рекомендательное пособие не может и не должно оказывать на читателя непосредственное воспитательное воздействие, направляя его интересы, служа средством выбора книги, но оно не должно восприниматься как разновидность учебной или научно-популярной литературы, то есть как источник первичной информации, к чему в конечном счете ведет концепция С. А. Трубникова и Ю. М. Тугова. Неприятие их взглядов не было чем-то случайным; не было обусловлено издержками полемики, оно отражало принципы, определяющие содержание, сущность и направление библиографии как общественного явления.

Трубников высказывает в пособии много положений, которые вытекают из тезиса о первичности библиографической информации, из представления о библиографии как явлении, которому присущи средства, формирующие эстетическое сознание и вкусы читателя. Он утверждает, что литературная критика и литературная библиография представляют собой „перекрещивающиеся понятия”, то есть понятия, „объемы которых в определенных границах совпадают, так как сами явления, обобщенные в этих понятиях, находятся в настолько тесной связи, что в определенных случаях переходят друг в друга” (230, с. 15).

При таком подходе даже те существенные различия между литературной критикой и литературной библиографией, о которых упоминает Трубников — библиография „не является орудием развития литературного процесса, не ставит перед собой задач развития эстетики и литературной теории и задач познания и публицистического обобщения определенных сторон общественной жизни в процессе углубленного анализа содержания

литературных произведений и их сопоставления с действительностью" (230, с. 17), — оказываются чем-то нецелостным.

Не из специфических для рекомендательной литературной библиографии задач, а из несвойственных ей функций исходит Трубников и тогда, когда пишет, что рекомендательный указатель может быть полезен не только тем, кто еще не читал произведения. «Многим читателям характеристика содержания художественного произведения в рекомендательной библиографии поможет организовать непосредственное впечатление о прочитанном произведении, так как в ней определяется его основная идея, дается определенная характеристика образов, выявляется основной конфликт, содержатся краткие замечания об особенностях художественной формы, то есть имеются ярко выраженные элементы литературной критики» (230, с. 18).

Слов нет, между литературной критикой и рекомендательной литературной библиографией имеется родство, в рекомендательной характеристике литературно-художественных произведений оно выступает наиболее отчетливо: и критика и библиография исходят из общей задачи — передать идею и тему художественного произведения на языке социологии. Но это вовсе не означает, что литературная критика и рекомендательная литературная библиография «перекрещивающиеся понятия». Вместе с тем, утверждая своеобразие сущности рекомендательной библиографии, нельзя отрицать связь рекомендательной литературной библиографии с определенными сторонами литературной критики — без ориентации на нее не может быть рекомендательной библиографии, как и в целом литературной библиографии. Вопрос в том, чтобы всякий раз определять, какое общественное назначение имеет литературная библиография, какую общественную функцию она выполняет, какую общественную роль она играет среди других средств информации. И только взяв это положение в качестве исходного, можно правильно определить сущность литературной библиографии.

3

При рассмотрении развития теории и методики литературной библиографии необходимо выделить вопросы, относящиеся к рекомендательной характеристике

художественной литературы, которым, как и в прежние годы, уделялось большое внимание.

Определяющее значение для понимания задач, стоявших перед аннотированием, имела редакционная статья журнала „Коммунист” „Улучшить постановку критики и библиографии в местных партийных журналах” (160), в которой отмечалось: „Цель аннотирования, как и всей рекомендательной библиографии, — заинтересовать читателя, привлечь его внимание к книге, брошюре, вызвать желание прочесть ее. Поэтому, как бы кратки ни были отзывы, в них должно быть выделено самое важное, что имеется в книге, убедительно показано читателю, в чем ее ценность” (160, с. 117).

В разработке методики аннотирования художественной литературы одно из первых мест принадлежит Е. И. Рыскину. Известность его работы „Аннотирование художественной литературы” (1936 г.) была столь широка, что из нее исходили авторы теоретико-методических работ, посвященных не только аннотированию художественной литературы.

В 1954 году появилась работа В. Т. Вытяжкова „Аннотирование произведений классиков марксизма-ленинизма”, защищенная в качестве кандидатской диссертации (156).

Остановимся на главе „Аннотирование как метод библиографии”*. В ней автор стремился, по его словам, уяснить „особенности аннотаций, отличающие их от всех других видов характеристик произведений печати, выявить факторы, определяющие задачи и содержание аннотирования, как метода библиографии”. Главное в методике аннотирования литературы Вытяжков видел в необходимости оценочной основы аннотирования как проявления принципа партийности советской библиографии: „Признавать принцип партийности библиографии — значит признавать оценочную основу раскрытия содержания произведений в библиографии” (167, с. 73). Вытяжков спорил с теми теоретиками библиографии, которые были, на его взгляд, приверженцами объективистских и формалистических теорий в библиографии, „развенченных уже в конце 20-х и начале 30-х годов и переставших существовать как течения, проявляясь в последую-

* Позже глава в несколько переработанном виде была опубликована в „Ученых записках» Харьковского государственного библиотечного института (167).

щее время в различных формах лишь в качестве рецидивов» (167, с. 68). Он резко ополчился против «направления», именуемого им «книговедческим», по его словам, «отрицавшего необходимость рассматривать книгу со стороны содержания и критического подхода» (167, с. 66).

Спустя много лет после опубликования работы В. Т. Вытяжкова, в наше время, становятся особенно очевидными и те крайности, которые отличали работу Вытяжкова, и то плодотворное, что содержалось в ней.

В самом деле, споры о том, должна ли каждая аннотация в любом отдельно изданном библиографическом пособии или в периодическом издании, адресованная какому бы то ни было читателю, преследующая различные цели и задачи, быть оценочной, кажутся не столь значительными, ибо в каждом отдельном случае характер аннотации подсказывается конкретным содержанием аннотируемой книги, спецификой библиографического пособия, его читательской и целевой установкой. Неубедительно и утверждение Вытяжкова будто бы И. П. Жук, М. Е. Минчина, А. Г. Фомин, Е. И. Шамурин, «стремясь к „объективности“», но сталкиваясь с требованием оценочных аннотаций, нашли «выход» в создании множества типов аннотаций. Так якобы вне зависимости от отрасли литературы, от типа библиографического пособия родилась типизация аннотаций по признаку наличия или отсутствия в них оценки книг и были узаконены аннотации «формальные», «объективно-описательные», «методическо-рекомендательные» и т. п. (167, с. 67).

Никакого подобного «выхода» эти авторы первых в нашей стране методических работ не искали. Напротив, они делали лишь робкие попытки утвердить зависимость характера аннотаций от содержания аннотируемых книг и от читательского и целевого назначений библиографических пособий.

Однако объективная заслуга Вытяжкова при всех крайностях, при всех полемических его заострениях заключалась в том, что он отвергал критические «привески» к описательным аннотациям, настойчиво утверждал, что «толкование» книги в аннотации это и есть оценка книги, боролся с аполитизмом и безыдейностью аннотаций. Выдвигая эти положения, В. Т. Вытяжков исходил из статьи Е. И. Рыскина «Аннотирование художественной литературы» (1936 г.) (115), опираясь на доклад

Л. А. Левина на Всесоюзном совещании по теоретическим вопросам библиотекведения и библиографии (1936 г.) «О рекомендательной библиографии» (118). Следует, однако, сказать, что некоторые положения приобретают у Вытяжкова всеобъемлющий характер. «Описательная» аннотация при аннотировании художественной литературы не может быть применима потому, что раскрытие идейно-тематического содержания литературно-художественного произведения с позиций марксизма-ленинизма и есть оценка художественного произведения. Но из этого нельзя делать вывод: эту зависимость в обязательном порядке надо распространить на аннотирование всех отраслей литературы, как считал Вытяжков.

Четкие позиции Вытяжкова в отношении назначения аннотации, ее отличий от рецензии. Критикуя выдвинутые Д. А. Волошиным в статье «О рекомендательной аннотации» (139) требования к аннотации, чтобы она учила читателя изучать критически книгу, имела общеобразовательное и идейно-политическое воздействие на читателя, Вытяжков писал: «Ясно, что автор смешивает умение и необходимость для библиографа поставить книгу на служение делу идейного, научного и культурного воспитания через библиографию (в том числе через раскрытие содержания книги) с назначением аннотации, стремясь придать последней функции воспитания и образования читателя и допуская тем самым отождествление библиографии с литературой, с самими книгами и их задачами... Нельзя смешивать убедительный характер рекомендации с научным анализом книг, ибо в таком случае ликвидируется всякая грань между самой наукой, критикой и аннотацией» (167, с. 72).

Углубил Вытяжков и понимание отличий аннотации от рецензии. Существенное отличие — аннотация читается до чтения книги, а рецензия после прочтения ее, — на которое в свое время указывал Е. И. Рыскин и многие другие теоретики и методисты-библиографы, принесло известную пользу, но дальнейшее развитие практики аннотирования и рецензирования показало его односторонность. Вытяжков заметил это: «Утверждать, что рецензии читаются после прочтения книги — значит, таким образом, отнимать одну из важнейших задач рецензии — пропагандировать книгу, воздействовать на выбор книг читателем» (167, с. 74). Имея свои функции, только ей

свойственные задачи — информация о произведениях печати, пропаганда лучших из них и руководство чтением, — библиография не может при раскрытии содержания произведения давать в аннотациях анализ, аргументировать оценку произведения, развивать и дополнять содержание библиографируемой книги. Все это должно делаться в рецензиях. Вытяжков совершенно верно замечает, что рецензии подобного типа относятся к жанру критики, рецензии же, преследующие цель информации читателей о книгах, пропаганды книг, — это рецензии библиографического характера, это жанр библиографии.

Большой интерес к рекомендательной характеристике литературно-художественных произведений проявил С. А. Трубников. Этой проблеме была посвящена его кандидатская диссертация «Основные вопросы идейно-эстетической характеристики произведений художественной литературы в рекомендательной библиографии» (1973). Материалы диссертации вошли составной частью в его книгу «Литературная библиография как средство эстетического развития читателей» (1970 г.) (230). И в диссертации и в книге Трубникова отражены новые моменты, которые появились в практике библиографии, ее теории и методике во второй половине 50—60-х годов, в частности стремление выйти за рамки традиционных форм рекомендательной характеристики художественных произведений. Трубников говорит о разнообразных формах рекомендательно-библиографических характеристик. Это краткие и развернутые аннотации, библиографические очерки о писателях, «беседы о книгах», включаемые в рекомендательно-библиографические пособия, рекомендательные характеристики, существующие самостоятельно в виде аннотаций, рекомендательные рецензии, рекомендательные обзоры в периодической печати, рекомендательные характеристики, выступающие как определенная форма библиографической работы на радио и телевидении и как составная часть книжных выставок, плакатов, литературных вечеров, читательских конференций в библиотеке. Таким образом, автор стремился обобщить опыт советской рекомендательной библиографии в области использования рекомендательной характеристики художественных произведений, учитывающей их идейно-художественные особенности и направленной на активную пропаганду литературы в целях коммунистического вос-

питания советских людей. Показ широкого и активного проникновения методов рекомендательной библиографии в процесс работы библиотекаря-библиографа с читателями, в руководство чтением отличает работу Трубникова от всех других. В диссертации Трубников писал, что одна из важнейших ее задач — раскрытие ограниченности краткой аннотации (типа аннотации на печатной аннотированной карточке) для активной рекомендации и пропаганды литературно-художественных произведений, критика шаблонных, опровергаемых практикой представлений о характеристике литературно-художественных произведений, которая сводится к краткому, в несколько строчек, обозначению их идейно-тематической основы.

Глубже своих предшественников Трубников анализирует проблему учета специфики содержания литературы и интереса к ней читателей, вопросы конкретной методики характеристики образов-персонажей, особенности раскрытия сюжета произведения, важнейшие черты рекомендательной характеристики произведений различных жанров. Все это определяет существенное теоретико-методическое и практическое значение работы С. А. Трубникова.

Говоря о соответствии рекомендательной характеристики специфике художественного произведения, Трубников показывает, что она проявляется в трех тесно связанных между собой аспектах: в специфике содержания художественной литературы, в специфике ее формы и в своеобразии ее эстетического восприятия читателями. Соответствие специфике содержания и формы художественной литературы — основное методическое требование к рекомендательной характеристике художественных произведений. Развернутые аннотации, беседы о книгах, устные обзоры — наиболее благоприятные формы для такой характеристики.

Обстоятельно рассматривает Трубников отражение в рекомендательной характеристике диалектического единства идеи и темы. «Отрыв идеи от темы приводит к внешнему, поверхностному описанию фабулы произведения или абстрактному обозначению предмета изображения, — подчеркивает он. — И, наоборот, раскрытие тематики произведения в свете его основной идеи, в единстве с ней помогает библиографам выделить наиболее важное в его идейно-образном содержании» (230,

с. 54). Пристальное внимание обращено на учет в рекомендательной характеристике своеобразия формы отражения действительности художественным произведением. «Было бы неправильно полагать, — пишет Трубников, — что учет своеобразия формы художественной литературы может быть осуществлен вне учета своеобразия содержания или как-то помимо его. Уже в том, что идейно-тематическая основа произведения преломляется в характеристике основных образов-персонажей, взятых не изолированно, а в связях между собой, в соотносительности с обстоятельствами, с основным конфликтом, то есть через отражение особенностей сюжета, уже в этом и прежде всего в этом выражается учет своеобразия формы, ибо характеры и сюжет — это внутренняя форма произведения, которая каждый раз заново создается писателем в творческом акте» (230, с. 58—59).

Склонность к детальному анализу явлений особенно видна, когда Трубников пишет о необходимости учета в рекомендательной характеристике тех или других сторон художественной формы произведений. Конкретные замечания о художественной форме, об особенностях мастерства писателя, считает он, во-первых, должны даваться в тесной связи с характеристикой темы и идеи произведения, его основных образов, сюжета, конфликта, во-вторых, касаться таких сторон, которые читатель может представить по аналогии с другими произведениями, в-третьих, подкрепляться художественным материалом произведения, в-четвертых, преследовать цель — помочь читателю глубже разобраться в содержании произведения, направить его внимание на эстетическую содержательность художественной формы произведения. К особенностям художественной формы, о которых следует говорить в рекомендательной библиографической характеристике, Трубников относит также жанровые особенности произведения, своеобразие метода типизации, характер обрисовки социально-психологического облика персонажей, своеобразие конфликта, особенности сюжета, композиции и языка.

Останавливается Трубников и на соотношении между рекомендательной характеристикой и спецификой эстетического восприятия художественной литературы. Рекомендательная библиографическая характеристика не должна мешать непосредственности идейно-эстетического восприятия художественного произведения, сни-

жать интерес к разворачиванию событий, описываемых в нем, поэтому недопустим пересказ фабулы или сюжета произведения.

Логика подробного рассмотрения рекомендательной характеристики литературно-художественных произведений позволила Трубникову протянуть прямые и прочные нити от соответствия рекомендательной характеристики специфике содержания и формы художественной литературы и специфике ее читательского восприятия к соответствию рекомендательной характеристики психологическим особенностям интереса. Если первые проблемы в той или иной мере, пусть не так развернуто, освещались предшественниками Трубникова, то последняя была затронута только в его работе. Эта проблема мало разработана, и важность ее исследования сохраняет свою остроту.

Одновременно с этим надо сказать, что в книге Трубникова отчетливо прозвучал мотив уничтожения границ между литературной критикой и библиографической характеристикой. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на исходный пункт сформулированной им теоретической предпосылки о необходимости в рекомендательной библиографической характеристике исходить из прямых сопоставлений связей художественного произведения с жизнью, с определенными актуальными явлениями действительности.

Обращение С. А. Трубникова к исследованию рекомендательной библиографической характеристики было, несомненно, плодотворно. Он вышел на передний план теоретико-методического осмысления важных проблем современной библиографии. Конечно, если приглядеться внимательно, легко убедиться, что многие вопросы уже были освещены в работах других методистов и теоретиков, в особенности в работах И. П. Жука и Е. И. Рыскина. Некоторые проблемы не нуждались в столь тщательном изучении из-за своей общепризнанности. Скажем, в то время, когда Трубников писал свои работы, уже никто не спорил о необходимости раскрытия в рекомендательной характеристике содержания и оценки художественного произведения, его идейно-тематической основы. Но ценность работ Трубникова в том, что ему удалось наполнить эти старые вопросы новым содержанием, исследовать на новом, более вы-

соком уровне, обосновать общие принципы характеристики художественной литературы не только (и даже не столько) с точки зрения теории библиографии, но и с точки зрения теории литературы, в соответствии с психологией и педагогикой читательского интереса, показать их нерасторжимость, показать, как современная рекомендательная библиография творчески применяет эти принципы.

4

Накопление фактического материала, теоретико-методический рост советского библиографоведения позволили во второй половине 50-х и в 60-е годы приступить к созданию первых обобщающих трудов по методике литературной библиографии, синтетических по замыслу и охвату материала. Непосредственным толчком к этому явились прежде всего потребности высшей школы. Первыми опытами теоретико-методического обобщения стали написанная Е. И. Рыскиным «Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения» (163) и подготовленные профессорами и преподавателями Московского и Ленинградского институтов культуры «Персональная библиография художественной литературы» (155) и два издания «Библиографии художественной литературы и литературоведения» (180, 190, 233). Эти труды вышли в свет в качестве учебников или учебных пособий для библиотечных факультетов институтов культуры. Несмотря на учебный характер, они имеют большое научное значение. В них впервые в советском библиографоведении многосторонне и достаточно емко раскрыта методика литературной библиографии, рассмотрены ее главные теоретико-методические аспекты. В учебниках и учебных пособиях был подведен итог изучению методических проблем литературной библиографии.

В силу того, что они вышли в свет в качестве учебной литературы, в них неизбежно охвачены не все библиографические явления и не все теоретико-методические проблемы освещены в одинаковой мере. Многое, в том числе и весьма важное, вынужденно рассматривается бегло, в самой общей форме, сжато или только в связи с другими проблемами и задачами. И это естественно: в учебнике необходимо выделить

наиболее существенные методические явления, сделать доступным изложение при полноте и завершенности материала.

Будучи одним из самых серьезных достижений советского библиографоведения, учебники и учебные пособия в то же время свидетельствуют о новом уровне и возросших возможностях всего библиографоведения. Работа профессоров и преподавателей вузов — не только проявление заботы о подготовке библиографов и библиотекарей высшей квалификации, но и отражение стремления к глубокому обобщению и изучению советской литературной библиографии, ее теории и методики. В этом состоит безусловная ценность и преимущество этих учебников и учебных пособий в сравнении с другими работами, освещающими отдельные стороны теории и методики литературной библиографии.

При рассмотрении обобщающих трудов мы в этом параграфе остановимся на главах, в которых излагается методика рекомендательной литературной библиографии, а потом, в параграфе шестом, перейдем к главам, посвященным методике научно-вспомогательной библиографии.

Книга Е. И. Рыскина «Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения» охватывает большой круг проблем литературной библиографии. В ее основе лежат такие комплексные вопросы, как методика библиографирования произведений и высказываний классиков марксизма-ленинизма и решений ЦК КПСС о литературе, принципы составления рекомендательных и научно-вспомогательных библиографических пособий, особенности методики краеведческой литературной библиографии. Органически связанные друг с другом, эти вопросы дают богатый материал для методики и практики библиографии.

Обобщая практический опыт, Рыскин очень вдумчиво проанализировал методику библиографирования произведений и высказываний классиков марксизма-ленинизма и решений ЦК КПСС о литературе, справедливо считая, что эта библиография призвана помогать глубокому изучению взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на литературу, глубокому изучению политики партии в области литературы. Рыскин выявил

сущность методики составления таких пособий. При этом он обратил внимание на обязательность полного учета произведений и высказываний классиков марксизма-ленинизма и решений ЦК КПСС о литературе, на особенности аннотирования этих документов, подчеркивая целесообразность детального раскрытия тематического содержания каждого из них.

Сквозь многоплановое многообразие методических проблем, освещенных в книге Рыскина, просматриваются и методические рекомендации, высказанные им в предшествующих работах.

Рекомендательно-библиографические пособия Рыскин расценил на указатели художественной литературы в помощь выбору книг для чтения, рассчитанные на читателей художественной литературы, не занимающихся изучением истории литературы; указатели художественной литературы на общественно-политические, исторические темы (тематическая библиография); пособия, предназначенные для читателей, изучающих художественную литературу в связи с историей литературы, то есть рекомендательные литературоведческие (историко-литературные) указатели.

Такая типизация, в основу которой положено механическое отграничение чтения художественной литературы от ее изучения, себя не оправдала. Она вела к нормативизму и схематизму. Интересно то, что даже самому автору не удалось сказать, как же конкретно составляются указатели, относящиеся к первому типу пособий: центральные вопросы методики составления рекомендательных указателей — отбор художественной литературы, ее систематизация не были по сути дела вообще рассмотрены.

Однако наши замечания отнюдь не должны привести к забвению других советов Рыскина, касающихся, например, методики аннотирования художественной литературы в рекомендательной библиографии. В учебнике, разумеется, методические наблюдения об аннотировании даны суммарно, преобладают популярные рекомендации. Естественно, что разговор об аннотировании художественной литературы начинается с общих принципов аннотирования: аннотации «должны давать (в явной или скрытой форме) оценку произведения и раскрывать его идею. Для этого аннотирование должно опираться на литературную критику. Идея в художест-

венном произведении выражается иначе, чем в научном труде, поэтому и аннотация, раскрывающая воплощенную в художественных образах идею, должна быть специфичной, отличной от аннотации к научному произведению. На этих двух выводах — о связи аннотации с критикой и о специфике аннотирования художественной литературы — строится вся методика аннотирования художественной литературы в рекомендательных указателях» (163, с. 35).

Обращает внимание Рыскин и на специфические особенности аннотации, выражающиеся в том, что она рассчитана на читателя, которому аннотируемое произведение еще не известно. Читателю, прочитавшему произведение, нужна не аннотация, а критическая статья, рецензия. Аннотация призвана не анализировать произведение, не приводить доказательства правильности его оценки, а дать некоторое представление о нем, побудить прочесть его.

Интересно в методическом отношении была освещена тематическая библиография, т. е. методика составления указателей художественной литературы на исторические темы и указателей художественной литературы на различные общественно-политические темы. Е. И. Рыскин считал, что для первых указателей привлечение произведений исторического жанра является «абсолютно бесспорным», а «вопрос о включении в указатель литературы других жанров недостаточно ясен». Поэтому здесь возможно двойное решение: произведения исторического и неисторического жанров включаются на равных основаниях или произведения исторического жанра включаются преимущественно, а прочие — в особых случаях, так как их привлечение в равном объеме с произведениями исторического жанра «практически не реально и нецелесообразно. Это привело бы к чрезмерному расширению указателя, к включению в него всей реалистической литературы» (163, с. 52).

По нашему убеждению, второй вариант не выдерживает проверки библиографической практикой. В нем не отражается качественная специфика этого библиографического жанра. В указателе должны быть представлены все те произведения, в которых события, эпоха, исторические лица раскрыты глубоко художественно, реалистически, правдиво. Высокая идейно-ху-

дожественная ценность произведения — основа для его включения в указатель.

Как известно, появление указателей художественной литературы на различные общественно-политические темы вызывало резкое неодобрение из-за вульгарно-социологических ошибок составителей. Высказывались даже мнения о невозможности составления указателей такого типа вообще, так как природа рекомендательной тематической библиографии якобы такова, что она не может не исходить из вульгарно-социологического взгляда на литературу как на иллюстрацию к социологии. Е. И. Рыскин был одним из тех, кто считал, что тематическая библиография художественной литературы имеет права на существование, ибо она служит пропаганде политики советского государства, советского патриотизма, пролетарского интернационализма и коммунистической морали и одновременно пропагандирует лучшие произведения художественной литературы. Необходимо лишь выбирать политически актуальные темы, нашедшие яркое отражение в художественной литературе.

Полезное замечание сделал Рыскин о специфике аннотирования произведений исторического жанра в тематической библиографии: надо не только отмечать «историческое» в произведениях, но и не забывать об их художественной специфике.

Однако внимательное знакомство с книгой вызывает целый ряд недоуменных вопросов. В ней ничего не говорится о привлечении в тематические указатели выдающихся реалистических произведений, в которых встречаются отдельные ошибки, о произведениях нереалистического направления, о включении историко-литературных и критических материалов, нет советов о специфике аннотирования художественных произведений неисторического жанра. Вынесение этих вопросов за пределы тематической библиографии значительно обедняет наши представления о ее специфике и методической проблематике.

Анализируя указатели «в помощь изучающим историю литературы или отдельные историко-литературные явления», которые получили в то время наибольшее распространение, автор приходит к аргументированным методическим обобщениям. Основная задача этих указателей, персональных и общих, — содействие марксист-

ско-ленинскому пониманию истории литературы и отдельных историко-литературных явлений; эта «задача решается в первую очередь путем правильного отбора критических и литературоведческих работ».

Как отмечает Рыскин, рекомендательные персональные указатели состоят из двух основных частей: издания сочинений писателя и литература о нем. В первой части перечисляются полные и избранные собрания сочинений писателя, если даже в наиболее полных из них отсутствуют те или иные тексты, дополнительно приводится их список. Критериями для отбора изданий служат их полнота, достоверность текста, идейная и научная ценность комментариев, вводных статей. Эта часть персональных, по мнению Рыскина, не является центральной, главное место занимает вторая часть, посвященная литературе о писателе, которой иногда предшествует «Литература об эпохе». В этой части указателя с наибольшей полнотой учитываются произведения и высказывания классиков марксизма-ленинизма, решения ЦК КПСС, высказывания о писателе выдающихся деятелей Коммунистической партии. Рыскин отмечает необходимость охвата работ критиков — революционных демократов и первых критиков-марксистов. Центральное положение в персоналии занимают советское литературоведение и критика. Вместе с тем, подчеркивает он, в персоналии не может быть места порочным, эстетским, формалистическим и вульгарно-социологическим работам. Ценные в основном работы, содержащие отдельные ошибочные положения, указываются в персоналии, но с соответствующими оговорками в аннотациях.

Если о персональных указателях в книге говорится более или менее подробно, то методика общих указателей освещена бегло. Причиной тому была, видимо, малая практика их составления. Автор особо останавливается на методике аннотирования литературно-критических работ. Чтобы аннотация могла быть важнейшим средством библиографической характеристики книги, надо в ней: а) раскрывать не только тематику рекомендуемой работы, но и ее основные идеи и положения (такие аннотации Рыскин называл «реферативными»); б) в необходимых случаях делать критические замечания об идейно-политических позициях автора работы и о важнейших ее дефектах. И далее: аннотации, раскрывающие только тематику работ, не дают читателю пред-

ставление об их идейном содержании. В подобных аннотациях критические и оценочные замечания не являются их органической частью. В то же время Рыскин предостерегал от увлечения реферативными аннотациями: ими не надо снабжать материалы, не содержащие каких-либо оригинальных концепций, взглядов, суждений.

Жаль, что Е. И. Рыскин не охватил других важных методических вопросов, возникающих при составлении подобного рода указателей. За пределами книги осталась методика аннотирования изданий сочинений писателей, имеющая свою специфику и не получившая в то время должного освещения в специальной печати. Равно как ничего не говорится о зависимости характера аннотации от жанра аннотируемых критических работ.

Изучением многих вопросов методики составления библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению особенно интенсивно занимались ленинградские библиографы Б. Я. Бухштаб, К. Д. Муратова, М. А. Брискман и ряд других, работы которых с 1954 года довольно часто появлялись в печати. Обращение Б. Я. Бухштаба, К. Д. Муратовой, М. А. Брискмана к этой проблематике вполне понятно: это крупные специалисты по истории русской литературы, им принадлежат известные библиографические труды, они авторы книг и статей по теории и истории библиографии. Будучи преподавателями Ленинградского государственного института культуры, они участвовали в написании учебников по курсу «Библиография художественной литературы и литературоведения». В 1954 году вышло учебное пособие «Персональная библиография художественной литературы» Б. Я. Бухштаба, В. А. Ефимовой, А. К. Ильиной, К. Д. Муратовой (155), в 1960 году — первая часть учебника «Библиография художественной литературы и литературоведения» Б. Я. Бухштаба, М. А. Брискмана, Т. Е. Давыдовой, В. А. Ефимовой, А. К. Ильиной, К. Д. Муратовой, С. А. Рейсера (190), в 1971 году — учебник «Библиография художественной литературы и литературоведения» Ю. П. Антипиной, Б. Я. Бухштаба, М. А. Брискмана, В. А. Ефимовой, А. А. Ильиной, Ю. М. Лауфера, К. Д. Муратовой, С. А. Рейсера (233).

Первое учебное пособие посвящено одному из основных видов литературной библиографии — персональной.

Из методики рекомендательной библиографии в нём характеризуется составление памяток читателю и указателей. Обращает на себя внимание неравноценность глав. Материал о памятках читателю подан в чисто перечислительной манере основных разделов пособий, без всяких попыток разобраться в принципах их составления.

Наибольший интерес представляет глава «Рекомендательные указатели», написанная Б. Я. Бухштабом. Здесь анализ методики рекомендательных указателей ведется тщательно, на прочном фундаменте практики составления ведущих серий Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Б. Я. Бухштаб, отмечая преимущества указателей Публичной библиотеки, в которых дробная группировка создает наибольшие возможности ориентировки в литературно-критическом материале указателя, считал, что при такой дробности нередко отпадает необходимость пояснять тему статьи или книги в аннотации. Аннотации должны быть предельно конкретны и содержать оценку аннотируемых работ. Он обращает внимание и на целесообразность групповых аннотаций, предваряющих каждую рубрику указателя, что дает возможность сравнительной оценки материала.

Шире и обстоятельнее рассмотрена методика составления рекомендательно-библиографических пособий в учебниках 1960 и 1971 годов.

Б. Я. Бухштаб, говоря об отборе изданий сочинений писателей, справедливо указывал на более жесткий отбор изданий сочинений в указателях общего характера, чем в персональных. Аннотации должны характеризовать тип издания, его читательское назначение, состав, качество подготовки текстов, принципы расположения материала, характер и ценность вспомогательного аппарата. Для полных собраний сочинений желательно указывать степень полноты, для избранных сочинений — принципы отбора. При этом надо дать возможность читателю сравнить степень полноты и характер отбора в различных изданиях (233, с. 200).

В главе о тематической библиографии, написанной М. А. Брискманом, говорится о правомерности тематической библиографии, о проблеме выбора темы указателя, о выявлении материала, критериях его отбора, группировке и аннотировании.

Отнесение произведения к определенной тематической рубрике в какой-то мере всегда условно, поскольку художественное произведение «не ограничено той или иной трактовкой темы, оно несет всегда нагрузку философскую, эмоциональную, психологическую. Поэтому и неправомерен чисто иллюстративный подход к художественным произведениям», — писал Брискман (233, с. 151).

Излагая основные критерии отбора художественных произведений для тематического указателя, автор справедливо пишет о том, что в указателе не должно быть упущено ни одно произведение данной тематики, сыгравшее большую положительную роль в развитии литературы. Произведения, в которых тема указателя отражена только в отдельных частях, включаются в зависимости от того, не ведет ли выделение частной темы к искажению идейно-художественного смысла произведения. Особо останавливаясь на введении в указатель произведений посредственного художественного достоинства, Брискман писал: «Необходимо учитывать, кроме степени художественности, характер темы, обеспеченность ее литературой, идейные позиции автора, достоверность жизненного материала произведения. Каждый из этих критериев в отдельности еще недостаточен; только в совокупности они могут привести к верному решению... Все же, включая и менее значительные произведения, нельзя допускать, чтобы указатель преимущественно состоял из них. Если же включить достаточное число произведений высокого художественного достоинства нет возможности, то, значит, самый выбор темы был неудачен и от составления пособия надо просто отказаться» (233, с. 159 — 159). Так же доказательно говорит Брискман об ограждении в тематических указателях произведений выдающегося художественного достоинства, в которых — в той или иной мере — нашли выражение слабые стороны мировоззрения писателя; он верно отмечает, что в указатели на исторические темы следует широко привлекать художественно-историческую литературу, произведения современников тех событий, которым посвящено библиографическое пособие. Отражая в тематических указателях преимущественно реалистические произведения, было бы ошибкой полностью исключать произведения других направлений, но отбор их должен быть строгим. Наконец, автор не без оснований не соглашается с библиографами, которые оставляют за предела-

ми тематических указателей критико-литературоведческие материалы.

Много полезных советов дает Брискман, когда обращается к группировке материала в тематических указателях. Отталкиваясь от специфики художественной литературы, он пишет, что рубрики тематического указателя должны быть гораздо более широкими, чем рубрики указателя общественно-политической, научной литературы, так как дробление художественной литературы по узким темам обедняет художественные произведения, приводит к искусственности, примитивному иллюстративному подходу к художественной литературе, вульгаризации. Учет же более узких запросов должен быть осуществлен при составлении вспомогательных тематических ключей. Брискман возражает против группировки художественных произведений по мелким рубрикам — в хронологии описываемых в произведении событий, потому что такое расположение приводит к сужению и познавательного и эстетического значения произведений. Наиболее правильна историко-литературная последовательность, в соответствии с временем деятельности писателей и временем создания или появления в свет произведений. Следует сказать, что этот способ расположения материала очень редко встречался в библиографии, но он, несомненно, имеет право на существование, так как обладает преимуществами по сравнению с другими и соответствует специфике художественной литературы.

Следовательно, создание обобщающих работ в виде вузовских учебников и учебных пособий свидетельствовало о решении библиографоведением комплексной задачи по обобщению опыта советской литературной библиографии.

Но это, разумеется, не означает, что разработка теории и методики литературной библиографии полностью уже завершена. Необходимо сказать о тех работах, которые появились одновременно с учебными изданиями или несколько позже и авторы которых делали шаги по пути углубленного рассмотрения отдельных важных проблем литературной библиографии. Здесь мы назовем в первую очередь статьи «Методика составления персональных указателей» Р. Н. Крендель и Б. А. Пескиной (169) и «Серия общих рекомендательных указателей „Русские писатели“» Р. Н. Крендель (201).

В первой статье авторы поставили перед собой задачу дать критический анализ и обобщение опыта работы по составлению указателей серии «Великие русские писатели» Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Своей статьей они как бы продолжили работу, начатую И. А. Рыкалиной.

Самым ценным в статье была конкретная характеристика отбора литературы о жизни и творчестве писателя, изданий его сочинений, систематизации и аннотирования. Удачно объяснена в статье зависимость отбора литературы и ее группировки в указателе от состояния литературоведения, от того, насколько широко и глубоко отразилась в нем современная трактовка творчества писателя.

Крендель и Пескиной удалось четко выявить особенности аннотирования литературно-критических книг и статей: необходимость отражения круга проблем, поставленных в них, раскрытия их основной концепции и специфики, оснащенности фактическим материалом, в том числе новым; при наличии нескольких близких по содержанию работ различных авторов или одного автора — возможность групповых аннотаций. Подчеркивалась важность критического элемента в аннотации. Касаясь аннотирования работ основоположников марксизма-ленинизма, авторы различили аннотирование статей, специально посвященных литературе, и специфику аннотирования отдельных высказываний о писателях в работах на другую тематику. В первом случае к аннотациям предъявляются в основном те же требования, что и к аннотациям на литературоведческие материалы о творчестве и мировоззрении писателя. Во втором — кратко раскрывается содержание работы в целом, отмечаются исторические условия ее написания, показывается характеристика писателя. К таким же методическим приемам советовали прибегать Крендель и Пескина при аннотировании работ и высказываний руководителей партии и правительства, а также сочинений классиков русской литературы и критики.

В статье затрагивались и другие вопросы аннотирования — специфика аннотирования общих очерков жизни и творчества писателя, книг, посвященных его мировоззрению, биографий, мемуаров.

Авторы полемизировали с библиографами Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, утверж-

давшими, что следует раскрывать лишь темы научно-критической литературы и аннотировать ее не всю, а только работы, содержание которых не ясно из заглавия, или работы, требующие критических замечаний. Крендель и Пескина считали, что надо применять сплошное аннотирование рекомендуемой литературы, объем аннотации зависит от значительности работы, одновременно они обращали внимание на необходимость избавления аннотаций от излишней реферативности.

Наиболее слабой стороной статьи является определение читательского назначения серии. Крендель и Пескина отвергают точку зрения на эти указатели как на пособия, предназначенные не только библиотекарям, преподавателям средней школы, но и студентам, преподавателям высшей школы, исследователям, нуждающимся в общей ориентировке по отдельным литературным темам. Мы уже отмечали, что такое ограничение читательского назначения указателей не подтвердилось практикой их использования.

В 50-х годах повысился интерес к общим рекомендательным указателям. Б. Я. Бухштаб обратил на это внимание в статье «О рекомендательной литературоведческой библиографии для специалистов». «Особенно существенным явлением последнего десятилетия, — писал он, — представляется переключение основного интереса составителей литературоведческих библиографий с персональных рекомендательных указателей на общие.

Не приходится доказывать, насколько важнее персональных указателей общие указатели, захватывающие целые эпохи и, с одной стороны, поглощающие персональные рекомендательные указатели, а с другой — включающие и второстепенных писателей, по которым самостоятельные библиографические пособия почти никогда не выпускаются» (196, с. 13). Естественно, что это привело к более тщательному изучению методики составления общих рекомендательных указателей. Полезный ее разбор давался в статье Р. Н. Крендель «Серия общих рекомендательных указателей „Русские писатели“» (201). Статья охватывала основной круг вопросов: отбор имен писателей и литературы об их творчестве, отбор изданий сочинений писателей, книг и статей по общим вопросам развития литературы. На примере указателей серии «Русские писатели... века» Крендель показывала, что в указателях ведущее место отводится

писателям, правдиво отразившим жизнь определенной эпохи, писателям революционно-демократического лагеря.

Менее интересен раздел статьи, в котором говорится об отборе для общих рекомендательных указателей изданий сочинений писателей. Не указано даже, что для общих указателей, в отличие от персональных пособий, производится более строгий отбор изданий — включаются только лучшие.

Следует сказать и о работах И. Г. Моргенштерна, посвященных тематической библиографии художественной литературы.

Развитие тематической библиографии художественной литературы в послевоенное время с достаточной наглядностью подтвердило, что «старый» жанр рекомендательной библиографии неутомимо демонстрирует свою жизнестойкость, обновляясь и в то же время оставаясь пригодным для решения актуальных задач современности. Это потребовало от литературного библиографоведения с достаточной полнотой выявить генезис этого жанра, выделить в современной тематической библиографии наиболее существенное и новое и показать их историческую и социальную обусловленность. В рамках учебной литературы эту проблему решить было нельзя. Понадобились специальные исследования. Такую задачу поставил перед собой И. Г. Моргенштерн в кандидатской диссертации «Тематическая библиография художественной литературы» (209), которая в 1965 году была им защищена. На основе диссертации он опубликовал статьи «Развитие советской тематической библиографии художественной литературы» (198) и «Проблемы тематической библиографии художественной литературы» (203). Остановимся на наиболее интересных замечаниях, которые автор высказывает, полемизируя с другими библиографоведами. Так, споря с Ю. С. Зубовым, предлагавшим при группировке тематических указателей исходить из уровня общеобразовательной подготовки читателя (191), Моргенштерн отмечает, что по читательскому назначению необходимо выделить группу тех пособий, в которых художественная литература рекомендуется в качестве дополнительного материала к изучению определенных тем или дисциплин. Здесь имеются в виду две категории читателей: одна — пропагандисты, преподаватели и другие лица, которых можно условно назвать

руководителями чтения, и другая — учащиеся и занимающиеся самообразованием. Аннотации в пособиях для второй группы читателей должны создавать у них предварительное представление о художественных произведениях и вызывать желание прочесть их, т. е. аннотации в указателях этой группы ничем не отличаются от аннотаций, которыми снабжаются нетематические пособия. В отличие от таких аннотаций, библиографические характеристики в указателях, рекомендующих художественную литературу в качестве дополнительного материала, должны содержать методические советы по использованию произведений, указание конкретных примеров, эпизодов, образов, отрывков.

Полезны и другие уточнения Моргенштерна по методике составления тематических указателей. Положительный результат работы над указателями в помощь свободному выбору книг для чтения зависит от политической актуальной темы и от правильного понимания темы художественного произведения, следовательно, подчеркивает Моргенштерн, рекомендуемые произведения должны своим идейно-тематическим содержанием (а не отдельными эпизодами, второстепенными образами) отвечать теме пособия (или его раздела). Поэтому предпочтительнее широкие, а не узкие темы.

Появление обобщающих книг, а также статей по отдельным проблемам показало, что диапазон изучения литературной библиографии значительно расширился, одновременно стали более заметны «белые пятна», которые предстояло заполнить дальнейшими исследованиями.

5

Серьезные задачи встали перед теорией и методикой литературной библиографии в связи с принятым ЦК КПСС в январе 1972 года постановлением «О литературно-художественной критике» (16), которое продолжило и развило положения, выдвинутые на XXIV съезде партии.

Принципиальное значение для литературной библиографии имеет требование партии о точности идейных оценок художественной литературы, глубине социального анализа литературного процесса. Основываясь на высоких идейно-эстетических требованиях к современной литературе, которые должны предъявлять к ней критика

и литературоведение, литературная библиография обязана способствовать воспитанию нового, коммунистического человека. В то же время должна изменяться и совершенствоваться и сама литературная библиография. Она приобретает все более синтетический характер, вступающая в тесный контакт с другими средствами массовой информации в целенаправленном идейно-эстетическом воспитании народа. Одновременно с этим все более отчетливым становится ее самостоятельное культурное значение, своеобразие присущих ей путей и способов пропаганды художественной литературы, критики и литературоведения. Традиционные звенья системы библиографической пропаганды должны значительно пополниться за счет активизации других форм, в частности особое значение приобретает библиографическая информация о художественной литературе, критике и литературоведении в периодической печати. Придавая столь важное значение литературной критике и библиографии, ЦК КПСС предусмотрел создание самостоятельного критико-библиографического журнала, которым стало «Литературное обозрение».

В соответствии с принципиальными указаниями партии 70-е годы ознаменовались значительным подъемом теоретико-методического уровня библиографии.

Значительный вклад в изучение и осмысление процессов, происходивших в рекомендательной библиографии 70-х годов, внесли научная конференция «Современные проблемы рекомендательной библиографии», организованная Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина совместно с Министерством культуры СССР в марте 1972 года, а затем книги и статьи, в которых развивались идеи, прозвучавшие на конференции. Руководство чтением в процессе воспитания коммунистического общественного сознания, читатель как объект воздействия библиографической деятельности, ее формы и эффективность, возрастающая роль рекомендательной библиографии в активном формировании читательских интересов и вкусов, в воспитании культуры чтения и удовлетворении профессиональных потребностей чтения — были в центре внимания годового доклада «XXIV съезд КПСС и проблемы рекомендательной библиографии», с которым выступила заместитель директора Библиотеки им. В. И. Ленина Н. Н. Соловьева (247). Синтез функциональных компонентов рекомендательной библио-

ографии — «с одной стороны, это основной метод руководства чтением, независимо от канала, который используется для рекомендации книги, с другой — специальный вид библиографии» — определился в докладе как одно из важнейших направлений советской рекомендательной библиографии и ее теории (247, с. 40). «В современных условиях рекомендательная библиография претендует на обобщающий, своего рода методологический подход ко всем проблемам, связанным с пропагандой книги», — утверждала Н. Н. Соловьева (с. 40 — 41). Было подчеркнуто, что такое понимание предполагает исследование общего и специфического в пропаганде книги по различным каналам, применение принципов рекомендательной библиографии во всех каналах, пропагандирующих книгу (библиотеки, радио, телевидение, периодическая печать). Функционирование каждого канала массовой информации должно быть не изолировано, а в единой системе и рассматриваться составной ее частью.

Особое внимание было уделено качественно новому характеру рекомендательной библиографии художественной литературы и искусства, ее роли в идейно-политическом воспитании советского человека, его нравственных убеждений и духовной культуры.

Определяя содержание и систему библиографической деятельности в помощь эстетическому самообразованию, Соловьева предложила учитывать две главные линии чтения: чтение, связанное с приобретением знаний в области литературы и искусства в определенной последовательности, и чтение, не преследующее подобных целей (свободный выбор книг). «Обе эти линии находятся в постоянном взаимодействии, они пересекаются, дополняют друг друга и, в конечном счете, определяют пути и формы рекомендации книг, дальнейшее их развитие и совершенствование», — подчеркивала Соловьева (247, с. 48).

Среди важнейших проблем рекомендательной библиографии в помощь эстетическому самообразованию были названы: раскрытие многонационального характера советской литературы и искусства; отражение непреходящих эстетических ценностей прошлого; выявление гуманистических и интернациональных традиций прогрессивного зарубежного искусства в борьбе с буржуазной идеологией; повышение эстетического уровня читателей, культуры художественного восприя-

тия путем пропаганды литературно-художественной критики, литературоведения, искусствознания и эстетики; комплексное отражение в пособиях различных видов искусств в их взаимодействии, взаимообогащении и взаимовлиянии.

Доклад открыл новый этап в теории рекомендательной библиографии, который проявил себя прежде всего в целомом рассмотрении состояния теории рекомендательной библиографии, в широком использовании последних достижений методологии научного познания и метода системного анализа.

На конференции были предприняты и другие шаги, направленные на уточнение и конкретизацию главной функции рекомендательной библиографии и ее важнейших сторон.

Прежде всего следует выделить доклады С. А. Трубинова «Проблемы рекомендательной библиографии в свете марксистско-ленинского философского учения о ценности» (246, с. 19—34), Ю. С. Зубова «О целостности библиографических пособий в помощь самообразования» (246, с. 93—107), Л. Ю. Румановой «Комплексность в рекомендательной библиографии» (246, с. 80—92), М. Г. Вохрышевой «Широта охвата читательской аудитории как показатель эффективности различных средств пропаганды литературы» (246, с. 108—117), А. П. Куликовой «Некоторые особенности рекомендательной библиографии в периодической печати» (246, с. 131—146). Проблемы, поставленные в докладах, вызвали большой интерес и на конференции и особенно после ее завершения, когда развернулась дискуссия в «Советской библиографии» и был издан сборник «Современные проблемы развития рекомендательной библиографии» (246), составленный преимущественно из статей, в основу которых положены доклады, сделанные на конференции.

Теоретический рост советского библиографоведения отчетливо прослеживается в работе С. А. Трубинова «Проблемы рекомендательной библиографии в свете марксистско-ленинского философского учения о ценности» (246, с. 19—34).

Трубинов сосредоточил внимание на одной из самых значительных и острых проблем современного библиографоведения, проблеме, непосредственно вытекающей из самой сущности советской рекомендательной библиографии.

Специфика рекомендательной библиографии, подчеркнул Трубинов, заключается «в том, что она должна обязательно исходить прежде всего из общей (интегральной) положительной оценки произведений печати» (246, с. 23).

Трубинов отбрасывает аксиологические основы буржуазного библиографоведения, отрицающего возможность установления объективного критерия для определения ценности или признающего множественность ничем не связанных критериев. Он особо подчеркивает: качественный отбор положительных ценностей в рекомендательной библиографии осуществляется по различным взаимосвязанным меркам. Основной, определяющий критерий оценки книги вытекает из принципа коммунистической партийности советской рекомендательной библиографии. На его основе и производится отбор литературы.

Принципиально важным при решении проблемы отбора является в работе Трубинова учет таких аспектов аксиологического анализа книг, как важность темы, характер ее разработки, степень новизны научной и эстетической информации, оригинальность, соответствие книги уровню подготовки и запросам читателя, воздействие на выбор, глубина восприятия и правильность оценки произведений печати. Так проблема партийности библиографии органически смыкается в работе Трубинова с проблемой выяснения ценностей — оценка, отбор и расположение литературы в порядке значимости, суждения о ценности книги, воспитание ценностного отношения к ней читателя, пропаганда духовных ценностей коммунизма.

Однако вместе с тем обнаруживаем мы и такие суждения, которые вряд ли можно принять.

Как и в прошлых своих работах, Трубинов решительно настаивает на самостоятельности оценки книг рекомендательной библиографии, убедительном и аргументированном выявлении их ценности, ее непосредственном образовательно-воспитательном значении. Более того, по его мнению, — это и есть необходимые условия осуществления основной функции рекомендательной библиографии.

Проблеме целостности рекомендательной библиографии были посвящены доклады Л. Ю. Румановой (246, с. 80—92) и Ю. С. Зубова. Опираясь на библиотечно-биб-

лиографическую практику, на опыт библиографов Библиотеки им. В. И. Ленина и на свой личный, Руманова и Зубов выдвинули положение о том, что формирование и удовлетворение типичных читательских интересов можно осуществить лишь всей системой рекомендательных пособий.

Остановимся на работе Ю. С. Зубова (246, с. 93—107), поскольку он применил категорию целостности в анализе библиографических пособий в помощь эстетическому самообразованию.

Зубов вступил в полемику с А. И. Барсуком, считавшим, что у значительной части читателей нет потребности и времени для систематического самообразования и поэтому имеет смысл создавать лишь «малые формы» рекомендательной библиографии типа «Что читать дальше», расширяющих кругозор малоподготовленных читателей (232, с. 41), и С. А. Трубниковым, который в книге «Литературная библиография как средство эстетического развития читателей» (230, с. 189) не дал конкретного ответа на вопрос, как путем самообразования при помощи рекомендательной библиографии достичь целостного и системного знания. Зубов утверждал: «Советская рекомендательная библиография практически в основном решила проблему создания пособий, которые, не связывая свободу выбора читателя и не требуя от него долговременных сосредоточенных усилий в одном направлении, помогают ему достичь желанного „всеведения“ на доступном для него уровне, а затем поддерживать и постоянно повышать этот уровень. Таковы пособия широкой отраслевой и комплексной тематики» (246, с. 98). К ним он относит пособия по художественной литературе и искусству, созданные главным образом в середине 70-х годов Библиотекой им. В. И. Ленина (серия «В мире прекрасного», «Советские писатели» и др.). Через такую систему рекомендательных пособий читателю предоставляется широкая возможность выбора, он может свободно организовать самообразовательное чтение, сообразуясь со своими индивидуальными интересами и запросами. Именно в этой свободе выбора и заключается та истинная для общества ценность самообразовательного знания, которая делает его качественно отличным от знания, получаемого в школе», — пишет Зубов (246, с. 103). Принцип целостности действует во всех пособиях разного уровня (персональные, ком-

плексные, узкой и широкой тематики, соответствующие текущим интересам и запросам читателей), он действует и при отборе и при организации литературы в пособия.

В результате анализа Зубов приходит к бесспорным выводам: поскольку любая свободная целенаправленная деятельность личности по приобретению знаний есть деятельность самообразовательная, постольку каждое рекомендательное пособие может быть использовано в этом плане. Но самообразовательным целям больше всего соответствуют пособия, специально для этого предназначенные, в которых принцип целостности находит воплощение в синтезе методических приемов. Пояснительным текстом, структурой, рекомендациями о составе и системе чтения по данной теме они, оставляя за читателем достаточную свободу выбора материала, облегчают путь к целостному, конкретному знанию.

Характеристика двуединого процесса свободного чтения и самообразовательного изучения художественной литературы и создания рекомендательных пособий для этих целей стали теоретико-методическим стержнем статьи М. И. Давыдовой «Литературная рекомендательная библиография на пути создания системы указателей в помощь самообразованию» (251). В сферу внимания автора вовлечен, по существу, круг вопросов, уже затронутых Н. Н. Соловьевой, С. А. Трубниковым, Ю. С. Зубовым.

Вместе с тем Давыдова, основываясь на практике Библиотеки им. В. И. Ленина, пытается очертить систему рекомендательных библиографических пособий в помощь самообразованию в области художественной литературы. Система состоит из группы пособий, призванных прежде всего помочь выбору книг для чтения, но которые, неся в себе идею самообразовательного чтения, реализуют ее в качестве «сверхзадачи»; из звена пособий, непосредственно предназначенных для самообразования; и, наконец, из третьего звена — библиографических пособий для читателей, желающих продолжать свое самообразование в области художественной литературы и приступить к углубленному историко-литературному ее изучению.

Статья М. И. Давыдовой не дала ответа на поставленный ею вопрос о пути создания системы рекомендательно-библиографических пособий в помощь самообра-

зованию. Она только расширила наше представление о деятельности Библиотеки им. В. И. Ленина по составлению различных групп рекомендательных пособий по художественной литературе в последние годы, совсем не учтя богатейшего опыта республиканских и областных библиотек.

Уязвимым местом ее статьи является и то, что автор ничего не говорит о типологической дифференциации библиографических пособий. Слабость такого подхода очевидна: ведь на уровне выделения типов классификация библиографических пособий обладает долей всеобщности, вне типов библиографическое пособие не существует. Внутри каждого типа отдельные виды пособий взаимодействуют, тесно переплетаясь между собой. Классификация конкретных групп — система библиографических пособий — может быть действительна только в пределах какого-либо определенного отрезка времени. Соотношение основных групп пособий и их многочисленных разновидностей проявляется на каждом этапе библиографии, исходя из общего уровня ее развития. Таким образом, любая совокупность библиографических видовых образований в пределах какого-либо отрезка времени дает возможность говорить о системе пособий. Давыдова же считает, что только в наше время, благодаря усилиям библиографов Библиотеки им. В. И. Ленина, литературная библиография находится на пути создания системы библиографических пособий. Такой подход в лучшем случае может служить лишь основой для описания основных групп библиографических пособий, он по своей своей природе нормативен и неисторичен. Ведь совсем не случайно М. И. Давыдова полностью обходит соотношение видовых образований в ходе развития литературной библиографии в предшествующие годы.

М. И. Давыдова все библиографические пособия, в сущности, делит в соответствии с их целевым назначением. Однако, соотношение основных групп библиографических пособий устанавливается не только по этому признаку. Системность библиографии может быть вскрыта и на иной основе, при которой в качестве критерия системности будет принято отражение художественной литературы как эстетического феномена, когда каждый конкретный вид библиографических пособий раскрывает своими специфическими средствами

одну из сторон литературного процесса, отдельную тему, творчество одного или нескольких писателей.

Подобный подход был частично применен И. В. Евгеновой при анализе общелитературных указателей в статье «Проблема „общего указателя“ в литературной рекомендательной библиографии» (262).

Общий литературный указатель она рассматривает как один из элементов системы, которую, помимо него, составляют персональные, жанровые, тематические указатели. Хотя каждому из них присущи свои специфические черты и функции в пропаганде художественной литературы, они взаимосвязаны необходимостью представить литературу как целое. «Таким образом, целостность отражения литературы выступает системообразующим фактором. Она определяет характер взаимосвязей внутри множества рекомендательных пособий, их собственную структуру, дает основание считать их не просто совокупностью указателей разных типов, а самостоятельной системой», — утверждает Евгенова (262, с. 119). Система рекомендательных литературных указателей призвана отразить художественную литературу как эстетический феномен, в многообразии направлений, имен, жанров, тем, как динамически развивающееся целое, процесс.

И. В. Евгенова с полным основанием считает, что общелитературные указатели обладают наибольшими возможностями представить художественную литературу как сложное явление. Многоаспектное раскрытие предмета — их отличительная черта. Объединяя персональный, жанровый и тематический аспекты раскрытия литературы, они берут на себя роль систематизирующего компонента. Им свойственна генерализирующая функция. Они — ядро самой системы рекомендательных пособий. Общие литературные указатели создают возможности для самообразования, развивают имеющиеся интересы и формируют новые, облегчают свободный выбор художественных произведений.

Исходя из этих теоретических положений, Евгенова анализирует методику составления общих литературных указателей, которая, несмотря на их значимость, распространенность и перспективность, не получила еще достаточно глубокого раскрытия.

Группировку общих литературных указателей как компонента системы рекомендательных пособий она ста-

бит в зависимость от отраженного в них материала (разделы художественной литературы, количественный охват литератур), от целевого и читательского назначения. Затем останавливается на их разновидностях — пособиях с персональным рядом и жанрово-тематическим способом раскрытия литературы, говорит о присущей всем им особенности — наличии общего раздела.

Как мы отмечали, та ступень, которой достигла рекомендательная библиография 70-х годов, обусловлена развитием всех каналов массовой информации. В этой связи появилась необходимость, с одной стороны, определения места рекомендательной информации среди этих средств, ее эффективности, с другой — выяснения общей основы, объединяющей все каналы рекомендательной библиографической информации в единое целое.

Не останавливаясь на многих общепублиографических статьях, затрагивающих эти вопросы, отметим только те работы, которые преимущественно характеризуют системы средств пропаганды произведений художественной литературы.

Обратимся прежде всего к кандидатской диссертации М. Г. Вохрышевой «Основные аспекты изучения системы средств библиографической пропаганды художественной литературы» (240) и ее статьям «Широта охвата читательской аудитории как показатель эффективности различных средств пропаганды литературы» (246, с. 108 — 117) и «Система средств пропаганды художественной литературы и опыт изучения ее эффективности» (250).

Один из выводов, к которому пришла М. Г. Вохрышева в результате своего исследования, таков: «...только системный подход к пропаганде книги обеспечивает ныне успех дела, позволяет эффективнее воздействовать на интересы советского человека, формировать их в соответствии с требованиями времени» (250, с. 38). Это утверждение имеет существенное значение для определения возможностей как системы в целом, так и каждого канала в отдельности. Несмотря на то, что каждое из средств пропаганды литературы обладает качественной определенностью, между ними есть отчетливая связь, которая позволяет рассматривать их как звенья одной системы.

Установив это, Вохрышева определяет роль и место каждого звена: библиографические пособия способны

накапливать информацию, сохранять ее и пропагандировать в разных аспектах, устанавливать существенные связи между отдельными произведениями; библиотечным формам пропаганды свойственна наибольшая возможность приближения к отдельному читателю; особенности радио- и телепропаганды — оперативность, массовость, большая сила эмоционального воздействия.

Такая постановка вопроса о системе средств пропаганды литературы действительно вполне своевременна, но М. Г. Вохрышева, к сожалению, слишком общо говорит о внутренних закономерностях, принципах и особенностях каждого из этих средств.

Для того, чтобы общее движение теоретико-методической мысли и его результаты были представлены полнее, следует остановиться на работах, в которых отдельные важные проблемы подвергаются углубленному анализу.

По сравнению с тем, что было сделано ранее в библиографоведении, 70-е годы дали чрезвычайно много интересного в области изучения рекомендательного библиографирования в периодической печати.

В кандидатской диссертации «Современные проблемы рекомендательного библиографирования художественной литературы на страницах центральных газет» (263) и в статьях (236, 243) А. П. Куликова стремится раскрыть особенности рекомендательной библиографии в периодической печати, показать возможности рекомендательно-библиографической информации в периодической печати (обзоры, списки, разнообразные сообщения об отдельных книгах — аннотации, библиографические заметки, читательские отзывы и т. п.), в организации пропаганды книги и руководстве чтением, в активном воздействии на читателей с целью сформировать и развить их читательские интересы, вкусы, потребности. Куликова справедливо считает, что только отдельно изданные рекомендательно-библиографические пособия способны дать читателю обоснованную систему чтения, однако и периодическая печать может оказывать влияние на выбор литературы для чтения, его направление и последовательность, давать систематическое знание о книгах, последовательно воздействовать на читателя. В оперативности, массовости, доступности периодической печати — залог превращения ее в эффективный канал рекомендательной библиографии.

Выявить пути совершенствования библиографической информации в периодической печати поставила себе целью А. А. Туровская в статье «Постановление ЦК КПСС „О литературно-художественной критике“ (1972 г.) и задачи литературной библиографии» (267). В статье уделено место характеристике библиографической информации на страницах современной литературно-художественной и критико-библиографической периодической печати, отмечена зависимость эффективности информации от организации материала в журналах и газетах. Совершенствование пропаганды книги, подчеркивает Туровская, лежит на пути синтеза опыта библиотечно-библиографических учреждений и возможностей средств массовой информации.

Для современного этапа литературного библиографоведения характерно стремление к максимальному уточнению теоретико-методических положений и привлечению новых теоретико-методических обоснований.

Новый подход к специфике рекомендательно-библиографической характеристики художественной литературы — отличительная особенность статей А. П. Куликовой «Создание проблемной ситуации как метод библиографирования» (243) и Н. И. Гусевой «О специфике рекомендательно-библиографической характеристики произведений художественной литературы» (241). Эти авторы считают, что эффект оптимального воздействия на формирование и развитие читательских интересов зависит от максимального введения принципа «проблемной ситуации» в рекомендательные характеристики художественной литературы. «Особенность метода проблемной ситуации в рекомендательной характеристике книги проявляется в том, что ответ на выявившееся противоречие (в форме вопроса, заданного самому себе) будет происходить лишь в процессе чтения. Иными словами, в какой бы мере проблемная ситуация, созданная в аннотации на книгу, ни активизировала мышление и эмоции читателя, она не может быть решена без книги, причем именно этой и никакой другой», — пишет Н. И. Гусева (241, с. 67).

Актуальность проблем теории и методики рекомендательной библиографии, обсуждаемых на совещаниях, в печати, становится особенно очевидной в свете постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-тех-

ническом прогрессе» (май 1974 г.) (17) и исторических решений XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза (8).

В постановлении ЦК КПСС — этом важнейшем документе, определяющем направление библиотечного строительства в условиях развитого социалистического общества, — выдвинута задача повышения роли библиографии в формировании и удовлетворении запросов трудящихся на книгу, в пропаганде достижений науки, оказании дифференцированной помощи всем читателям. Одновременно с этим Центральный Комитет КПСС указал на необходимость всемерного усиления научной разработки коренных проблем библиотечного дела и библиографии.

Исторические решения XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза и постановление ЦК КПСС 1974 года — идейно-методологическая основа библиографоведения.

Конечно, уровень теоретико-методической разработки отдельных проблем рекомендательной литературной библиографии не одинаков, многое еще ждет своего изучения. Но тенденции развития теоретико-методической мысли показывают, что библиографоведение продолжает и развивает на более высоком качественном уровне общественно значимые проблемы теории и практики библиографии.

6

Значительное место в библиографоведении 50 — 70-х годов по праву занимают теория и методика научно-вспомогательной литературной библиографии, вступившие в новую фазу своего развития. В эти годы бесспорно определился глубокий разрыв между современной научно-вспомогательной литературной библиографией и некоторыми во многом уже устаревшими методическими положениями.

Новые черты и качества советской научно-вспомогательной литературной библиографии, ее методики — основной предмет изучения в соответствующих разделах вузовских учебников «Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения» Е. И. Рыскина (163), «Персональная библиография художественной литературы» (155), «Библиография художественной литературы и литерату-

13 Лауфер Ю. М.

роведения» (180, 190, 233)*. Разумеется, творческие искания советских библиографов были сложнее и многограннее, чем это можно было охарактеризовать в учебниках.

Выразительным примером того, как начали изменяться взгляды на научно-вспомогательную библиографию, может служить статья П. Н. Беркова «Новинки советской литературоведческой библиографии» (1956 г.). Длительный период отставания библиографии, писал он, «заметно тормозившее развитие советской науки в целом и в особенности литературоведения, насколько можно судить, закончился. В последние несколько лет наблюдается некоторое, впрочем робкое, оживление в этой области...» (165, с. 538). Сходные взгляды развиваются в статье С. И. Машинского «В борьбе за классическое наследие» (1958 г.) 185). Библиография, считал Машинский, — один «из самых слабых участков нашей науки», библиография по литературоведению «чрезвычайно запущена. В последнее время она носила исключительно выборочный, рекомендательный характер. Думается, что сейчас у нас есть все условия для нормального развития этой важной области культуры. Необходимо создавать исчерпывающую библиографию. Отсутствие ее тормозит развитие науки» (185, с. 234—235).

Явная неудовлетворенность состоянием литературной библиографии видна и в статьях В. Р. Щербины «Задачи литературоведения в свете решений XX съезда КПСС» (174), И. Н. Розанова «Очевидная истина» 172, И. С. Эвентова «Эти книги нужны» (164), в рецензии Н. И. Мацуева на один из рекомендательных указателей, выпущенных Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина (170), в его статье «Репертуар русской книги» (175), В. Г. Лидина «В гостях у Смирдина» (184). У библиографов, с сожалением замечает В. Р. Щербина, «проявилась необоснованная тенденция опекать ученых, давать только рекомендательную библиографию, а не полное объективное представление о развитии литературы и литературоведения в целом». «Как же будет двигаться вперед наука, если исследователь не может справиться, что выходило в свет по

интересующему его вопросу, не может уточнить своих знаний?!» — недоумевает И. Н. Розанов и решительно добавляет: «Библиографические книги должны включать не только избранных авторов и избранные произведения, но по возможности все, что когда-либо выходило из печати. Дело историков литературы производить оценки. Библиографы должны быть летописцами, должны устанавливать и уточнять самые факты: Книги, не попавшие в библиографию, исчезают для потомства».

Такое понимание задач библиографии сразу же вызвало резкие возражения. В библиотечно-библиографической печати появились остро полемичные статьи В. Г. Олишева «Некоторые вопросы советской библиографии» (177) и С. С. Левиной и Б. А. Смирновой «Старые погудки в „Новом мире“» (183).

По словам В. Г. Олишева, П. Н. Берков «рисует довольно мрачную картину состояния библиографии в целом и особенно библиографии художественной литературы и литературоведения. Не менее мрачно расценивает библиографическую работу в СССР и Н. И. Мацуев... Здесь он с открытым забралом выступает против рекомендательной библиографии, считая ее виновницей отставания „большой“ библиографии. Н. И. Мацуев высмеивает принцип рекомендательности, отрицает необходимость отбора и оценки литературы, считает невозможным выделение книг, „которые следует читать“ и „которые читать не надо“» (177, с. 37). Олишев даже приходит к выводу, что «в настоящее время мы встречаемся с новыми рецидивами буржуазного объективизма и формализма в библиографии. Эти рецидивы выражаются в требовании „исчерпывающей библиографии“, которая якобы служит проявлением высшей научности. Сторонники этих взглядов отрицают необходимость отбора произведений и оценки их с идеологической точки зрения. Они считают, что читатель должен сам отбирать и оценивать книгу» (с. 40).

Из сказанного видно, как круто разошлись воззрения крупнейших советских литературоведов и некоторых библиографов, отразив все своеобразие и сложность этого переходного для библиографии времени. Литературоведы видели ограниченность «рекомендательного» направления в научно-вспомогательной библиографии, поэтому оправдывали и приветствовали старые формы библиографирования, выражавшиеся в полном

* Разделы этих учебников, посвященные методике рекомендательной библиографии, рассмотрены нами в параграфе четвертом данной главы.

охвате материала, но не учитывали при этом невозможность составления подобного рода указателей в условиях чрезвычайно быстрых темпов роста публикаций по литературоведению, огромных массивов информации. Однако из этого положения нельзя делать вывод о том, что следует идти только по пути «рекомендательного» библиографирования. Более того, имеются такие виды библиографических научно-вспомогательных пособий, которые по своей природе не могут быть выборочными, к ним относятся библиография текстов, библиография историко-литературных источников и др.

Уязвимым во взглядах В. Г. Олишева, С. С. Левиной, Б. А. Смирновой было то, что они не могли ответить на основной вопрос: как должны научно-вспомогательные библиографические указатели отражать литературную и идеологическую борьбу в литературе, борьбу вокруг творчества отдельных писателей, а без решения этой проблемы библиография не могла претендовать на роль вспомогательной литературоведческой дисциплины.

К тому времени, когда шла дискуссия, уже определился перелом в методике составления научно-вспомогательных литературных указателей. Библиографы осознали, что настоящее научно-вспомогательное библиографическое пособие может возникнуть только тогда, когда будут правильно, с учетом потребностей литературоведения, решены вопросы полноты охвата включаемых в указатель материалов, их систематизация, аннотирование. Тенденция верного решения этих проблем со всей силой сказалась в теоретико-методических работах, посвященных библиографированию текстов писателей, литературы о писателе, историко-литературных источников.

Методика научно-вспомогательной библиографии стала объектом серьезного анализа в работах Е. И. Рыскина и К. Д. Муратовой. Они поставили перед собой задачу проанализировать методику библиографирования текстов писателя. Е. И. Рыскин написал брошюру «Библиография текстов», выпущенную Московским государственным библиотечным институтом в 1953 году в качестве лекции для студентов (153)*.

* Позже брошюра войдет составной частью в его учебник «Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения» (163).

Свои соображения о библиографировании текстов писателей в научно-вспомогательной библиографии К. Д. Муратова изложила в учебном пособии «Персональная библиография художественной литературы» (155) в главе «Учетно-регистрационная библиография текстов», которая выдержала два переиздания в учебниках «Библиография художественной литературы и литературоведения» 1960 и 1971 годов (190, 233).

Для всестороннего, а главное — верного рассмотрения этой проблемы были созданы благоприятные возможности благодаря блестящему осмыслению методики библиографии текстов писателей в указателях, составленных крупнейшими библиографами и теоретиками, прежде всего С. Д. Балухатым. Они уже определили принципы построения указателей текстов. Тем не менее работа Е. И. Рыскина и К. Д. Муратовой принесли несомненную пользу: в них многоаспектно обобщался имеющийся опыт.

Определяя цель и назначение библиографии текстов, Рыскин подчеркивал, что указатели должны представить все появившиеся в печати тексты писателя, ориентировать литературоведа в качестве публикации и в судьбе каждого текста. В работе Рыскина есть интересные, хотя и не всегда бесспорные, положения. В частности, не хочется беспрекословно соглашаться с его утверждением, будто непременно нужен отбор повторных публикаций текстов писателя. Исключение Рыскин допускал только для указателей прижизненных публикаций произведений писателя, когда перечисление всех публикаций текстов «имеет, может быть, некоторый смысл».

Более убедительно, на наш взгляд, этот вопрос освещен Муратовой, которая утверждала, что возможен различный подход к регистрации повторных публикаций текстов писателя. То или другое решение библиографа связано с целевым назначением указателя. Библиограф, ориентирующийся на литературоведа, ведущего текстологическую работу, «учитывает, что большая часть перепечаток не представляет текстологического интереса. Но сведения о них бывают нужны историку литературы. Указатель, ставящий целью полный учет публикаций каждого произведения, позволяет установить степень популярности писателя в различные эпохи, показать, какие из его произведений вошли в широкий обиход».

ход народного чтения, в школьные программы и т. д.» (233, с. 224).

Рыскин и Муратова детально описывают особенности применения аннотаций в указателях текстов. Они различают аннотации на художественные произведения и аннотации на другие тексты — письма, записки, заметки, дневниковые записи, публицистические и литературно-критические статьи. Первые не раскрывают содержания произведений. Вторые — определяют темы, перечисляют имена и произведения, упомянутые в тексте. В аннотации указываются источники установления авторства произведения, если оно опубликовано анонимно или под псевдонимом, приводятся сведения из творческой истории текста, говорится о полноте публикации. Оба автора останавливаются и на принципах расположения материала в указателях и на вспомогательном аппарате.

Процесс преодоления устаревших, равно как и ошибочных, представлений о научно-вспомогательной библиографии особенно заметен в методике библиографирования литературы о писателе. Хотя, разумеется, не всегда здесь все шло гладко и без перебоев, важно подчеркнуть, что развитие методики библиографирования литературы о писателе в научно-вспомогательной библиографии возможно было только через преодоление как устаревших, так и ошибочных представлений и догм.

Коренным вопросом, перед решением которого стояло библиографоведение, было определение критерия отбора литературно-критических и литературоведческих работ для ретроспективных указателей литературы о писателе.

Е. И. Рыскин считал (163), что важнейшей задачей советской литературной библиографии является борьба с буржуазным объективизмом и формализмом, что необходимо вести борьбу со сторонниками «исчерпывающей» библиографии, требовавшими полного учета литературы, независимо от ее идейной направленности и научной ценности. При этом он предупреждал, что нельзя «утверждать, что, кроме рекомендательной, не должно быть никакой другой литературной библиографии, что всякая не рекомендательная библиография является объективистской, аполитичной и безыдейной и что отражение в указателе работ либерально-буржуазных, а тем более реакционных литературоведов и критиков ни

при каких условиях недопустимо». Рыскин полагал, что библиография в помощь научной работе должна придерживаться принципа разумного отбора литературы, учитывающего нужды и интересы литературоведа-исследователя. Для этого необходимо дифференцировать литературу в первую очередь по ее идейному и научному значению, применяя к различным группам литературы различные способы библиографирования — от самых тщательных, используемых, например, при библиографировании произведений и высказываний классиков марксизма-ленинизма, до самых упрощенных и даже до полного отказа от библиографирования ряда книг и статей.

Более определенно о принципах отбора литературы о писателе в научно-вспомогательной библиографии говорила К. Д. Муратова. Она настаивала на том, что нельзя брать за основу критерий идейной направленности изданий, отбирая для просмотра прогрессивные издания, отбрасывая реакционные, либеральные, безыдейные журналы и газеты. В своих рассуждениях Муратова исходила из основной цели научно-вспомогательной библиографии — способствовать историко-литературному изучению творчества писателя. «В свете учения В. И. Ленина о двух культурах, — писала Муратова, — историк литературы обязан раскрыть идеологическую борьбу вокруг творчества писателя. Вот почему библиограф не может ограничиться регистрацией только материалов, дающих правильную оценку писателя, правильно ориентирующих нас в его литературном наследии». В то же время Муратова со всей решительностью выступала за необходимость критического отбора материала: «Представление о том, что персональные библиографии регистрируют все, что нашел библиограф в просматриваемых источниках, ложно... Материал следует критически отбирать» (233, с. 237). Далее она останавливается на принципах отбора. Она разъясняла неравноценность для библиографа прижизненной и посмертной литературы о писателе: если первая дает историку литературы богатейший материал, то вторая содержит много сведений, не представляющих ценности с научной точки зрения.

Вполне определенное понятие о принципах отбора литературы о писателе давало указание Муратовой о необходимости отбрасывания материала не только из-за

его незначительности, но и вследствие однородности, повторяемости.

Эти положения Муратова утверждала и на персональных указателях, и на общелитературных научно-вспомогательных пособиях, при этом она, разумеется, видела отличительные методические особенности в отборе материала для одних и других. Главную отличительную черту фундаментальных общелитературных указателей, регистрирующих литературу за большой период времени, Муратова формулировала четко и убедительно: эти указатели «являются выборочными библиографиями, но выборочность не означает здесь рекомендации только лучших работ. Отбор материалов в подобных справочниках преследует цель помочь научному изучению литературы, показать ее в движении и борьбе. Потому здесь необходимо освещение различных точек зрения. Перед библиографами стоит сложная задача — отобрать из огромного потока наиболее ценные или же наиболее примечательные в том или ином отношении статьи и книги... Ввиду своего выборочного характера общелитературная библиография не может предоставить специалисту всех нужных ему материалов, но должна подвести итоги изучения того или иного вопроса. Составители общелитературных библиографий создают историографию предмета, изложенную библиографическим языком» (233, с. 252 — 253).

Эти положения имеют большое значение: Муратова «открыла» библиографам верный путь выбора источников и отбора материала для научно-вспомогательных указателей и наметила возможность поиска совершенствования методики их составления. В то время как сторонники «рекомендательного» направления в научно-вспомогательной библиографии пытались убедить, будто библиография должна отстраняться от идеологически чуждой литературы, а поборники «исчерпывающего» курса уверяли в невозможности отбора материала для научно-вспомогательного указателя, Муратова выступила убежденным приверженцем включения в указатель тех материалов, которые отражают идеологическую борьбу в литературе и поэтому представляют научный интерес для современного литературоведения.

Существенное место во взглядах Муратовой на методику научно-вспомогательной библиографии занимает аннотирование литературно-критических и литерату-

роведческих работ. Не предъявляя к аннотированию чрезмерных требований, она находит то специфическое, что отличает библиографические характеристики, которыми снабжаются указатели научно-вспомогательного характера, от всех прочих.

Намечая общие контуры аннотаций, Рыскин писал, что в зависимости от характера литературы аннотации могут ограничиваться раскрытием темы статьи или передавать основную мысль, ее главное положение или указывать на фактическое содержание работы, а «в необходимых случаях» отмечать идейно-политические позиции автора.

Муратова определенно и точно раскрыла характер аннотаций в научно-вспомогательных указателях литературы о писателе, исходя из своего утверждения, что аннотации в таких указателях — справочного типа. Аннотации дают лишь краткий перечень основных тем и вопросов, затронутых в регистрируемых статьях и книгах, отмечают круг рассмотренных произведений писателя, наличие полемических высказываний, указывают, какие документальные данные использует критик, уделяют внимание вопросам художественного мастерства, языка, стиля, творческим параллелям и литературным связям, затронутым в работах. Муратова заостряет внимание на необходимости выявления в аннотациях новых аспектов изучения писателя, отличий той или иной статьи от других статей на сходную тему. «Характер аннотации, — подчеркивает она, — определяется не только подлежащим аннотированию материалом, но и актуальными проблемами современного литературоведения и критики. Библиограф обязан, аннотируя литературу, обращать особое внимание на освещение тех вопросов, которые выдвигает советское литературоведение на данном этапе» (233, с. 242).

Новаторство Муратовой состояло и в том, что, хорошо понимая невозможность оценить в указателе всю литературу, выходящую на протяжении ряда десятилетий, из-за ее огромного объема, невозможность в краткой аннотации сделать критику убедительной, она искала новые, новые способы характеристики материала. В качестве «весьма желательной» формы Муратова предлагала развернутые вводные обзоры, раскрывающие основные тенденции в развитии критической мысли и выявляющие наиболее ценные и примечательные в

том или ином отношении книги и статьи. Заметим, что такие формы выходят за библиографические рамки и являются прерогативой литературоведения, хотя применение их в библиографических пособиях принесло бы несомненную пользу.

Наконец, новое слово было сказано и в методике расположения материала в научно-вспомогательных указателях литературы о писателе. Здесь обнаружилось два подхода. Е. И. Рыскин в „Методике составления библиографических указателей” писал, что хронологическое расположение материала лучше всего отвечает историко-графическим целям, но оно имеет ряд неудобств и недостатков: без вспомогательных указателей трудно разыскать литературу о том или ином вопросе, происходит нивелирование литературы о писателе. Поэтому, утверждал Рыскин, „систематическое расположение несомненно целесообразнее хронологического” (163, с. 102). В подтверждение этого он приводил схему систематической классификации литературы о писателе в „Библиографическом указателе сочинений Белинского и литературы о нем” К. П. Богаевской. Но в этой схеме наиболее объемный массив — критико-биографическая литература о писателе — никак не расчленен. Вследствие этого невозможно считать удачной такую схему. Впрочем, сам Рыскин позже, в „Очерках теории и методики литературной библиографии”, отметил, что найти литературу на конкретную тему в указателе К. П. Богаевской трудно. Выход из этого положения он видел в том, чтобы в подобного рода сводах к разделу „Критико-биографическая литература о писателе” разрабатывался специальный вспомогательный систематический (или предметно-тематический) указатель с дробными рубриками. Такое предложение нельзя назвать перспективным из-за его практической нецелесообразности: слишком громоздким оказалось бы все пособие.

Иную и, надо сказать, более правильную позицию занимала К. Д. Муратова. Она считала, что хронологическое расположение с тематическим ключом, как одним из основных элементов вспомогательного аппарата, позволяет исследователю быстрее ориентироваться в литературе. Одновременно с этим Муратова видела возможности применения систематического расположения материала. Опираясь на опыт составления серии научно-вспомогательных указателей, посвященных А. С. Пушкину, она

обращала внимание на дробное тематическое членение литературы о писателе в основном разделе указателя, а не во вспомогательном аппарате, как это предлагал Рыскин.

Таким образом, Е. И. Рыскин и К. Д. Муратова, продолжив начин С. Д. Балухатого и других библиографоведов и обобщив практическую деятельность советских библиографов, фактически разработали основы методики научно-вспомогательной литературной библиографии.

Конечно, работы Е. И. Рыскина и К. Д. Муратовой — это все-таки главы учебников. Отсюда — и неизбежность регламентации методических советов и их нормативность. Не менее существенно и другое. В них не рассматривается поступательное движение методики библиографирования материалов в научно-вспомогательной библиографии. Интерес к эволюции приемов библиографирования никогда не пропадал у библиографов, но особенно резко он обозначился в 70-х годах, когда изучение научно-вспомогательной литературной библиографии расширяется и охватывает все новые аспекты методики.

Характерно появление кандидатской диссертации С. И. Коровицыной „Проблемы дифференцированного раскрытия содержания литературы о писателе в библиографических пособиях для научных целей” (242) и опубликованной на ее основе статьи „Эволюция методов дифференцированного раскрытия содержания литературы о писателе в персональных научно-вспомогательных библиографических пособиях” (252).

Историко-библиографический и вместе с тем методический характер анализа библиографического материала, данный в статье, определил и самую структуру работы Коровицыной: эволюция способов представлена по этапам, каждый из которых изучается в соответствии с реальными особенностями библиографического процесса.

Автор правильно видит новые черты в методике библиографирования литературы о писателе в 30-х годах, когда библиографы начали отказываться от традиционных приемов группировки материала: одни за основу его расположения стали брать хронологический признак, другие — систематический. В последующие годы практика библиографирования показала, что при помощи систематического расположения материала в основной части указателя нельзя отразить всю многоаспект-

ность литературоведческих исследований и при этом сделать их поиск максимально простым. Имеет свои недостатки и хронологическое расположение литературы о писателе, так как отсутствует ее дифференциация по содержанию, а попытки подробно раскрыть содержание через предметно-тематический (систематический) ключ не привели к окончательному положительному решению проблемы. Сделав такой вывод и опираясь на современную практику библиографирования литературы о писателе, когда появляется, по существу, новая модель персонального указателя, С. И. Коровицына справедливо считает, что в ней синтезируются достоинства прежних хронологических и систематических пособий. В новом типе указателя систематический принцип осуществляется в группировке литературных материалов и в основной части указателя и во вспомогательной. Структура основной части пособия предусматривает первоначальное комплексирование материалов на основе самых общих содержательных признаков (с хронологическим расположением внутри выделенных комплексов). Во вспомогательном указателе — очень важной части пособия — дифференциация материалов о писателе углубляется в соответствии с их проблематикой, тематикой и задачами литературоведения, с учетом потребностей всех категорий специалистов, которым предназначаются научно-вспомогательные указатели.

Научно-вспомогательная литературная библиография — важнейшее звено в ряду вспомогательных дисциплин литературоведения. Вот почему интерес к ней все больше и больше усиливается. Свидетельство тому — появление в печати статей, авторы которых озабочены ее судьбами и состоянием научной разработки ее теории и методики.

В этой связи нельзя не остановиться на статье С. И. Машинского «Золотойскатель — перед Гималаями» (237). Мы уже говорили о напряженном интересе Машинского к библиографии. И данная статья не отрезана от его статьи «В борьбе за классическое наследие», опубликованной около 20 лет назад (185). Исходные данные двух статей одни и те же: во второй статье Машинский повторил, что состояние справочно-библиографической службы литературоведения «у нас неудовлетворительное. Это один из самых запущенных участков науки и книгоиздательского дела». При характеристике

литературной библиографии он, конечно, отметил серьезные изменения к лучшему, произошедшие со второй половины 50-х годов. Однако, подчеркивал Машинский, отставание библиографии — очевидно и «поднять справочно-библиографическую службу в нашей стране на уровень современных задач — вот что нам нужно».

В статье есть еще один важный мотив. Среди факторов, способствующих успешному развитию библиографии, Машинский назвал обязательность разработки «строгой научной основы», библиография, пишет он, — «область науки, имеющая свою историю и теорию, собственную методологию и методiku. Научная разработка этих проблем также имеет первостепенное значение».

Статья С. И. Машинского вызвала отклики в печати. И это не случайно. Для сегодняшнего дня характерны попытки подвести итоги и оценить результаты пути, пройденного научно-вспомогательной литературной библиографией, ее теорией и методикой, наметить перспективы развития. Явление это интересное и весьма симптоматичное для современной литературоведческой и библиографоведческой мысли, пытающейся поставить библиографию на прочный теоретический фундамент.

Среди работ о научно-вспомогательной литературной библиографии, появившихся в связи с публикацией статьи Машинского, обращают на себя внимание статьи В. Н. Баскакова «Литературная библиография в ее настоящем и будущем» (249) и «Потребности науки и возможности библиографии» библиографов Н. В. Гельфанд, В. А. Либман, В. П. Пироговской и Ю. Д. Рыскина — сотрудников Института научной информации по общественным наукам АН СССР (244):

Солидаризируясь с С. И. Машинским, В. Н. Баскаков писал, что библиография как важнейшая вспомогательная дисциплина оказывает прямое и непосредственное воздействие и на интенсивность развития литературоведения и на его научный уровень. Однако литературная библиография «далеко не всегда идет в ногу с наукой, которую она обслуживает, не всегда бывает свободна от пробелов и нерешенных задач» (249, с. 21).

Как и Машинский, Баскаков относил к числу важнейших задач сегодняшнего дня совершенствование теории и методики литературной библиографии. Это подтверждается изменениями в теории библиографического поиска, в методике отбора, характеристике и группировке

материала, вызванными бурным ростом литературоведения и критики, объема печатной продукции.

В статье «Потребности науки и возможности библиографии» поднята одна из наиболее актуальных проблем современности — проблема создания библиографической системы. Она должна решаться путем обеспечения текущего и ретроспективного охвата всех составных разделов литературоведения; учета всей без исключения научно значимой литературы; хронологической преемственности отдельных составных частей этой библиографической системы. Только на основе такого охвата литературы может осуществляться дальнейшая углубленная библиографическая разработка наиболее актуальных проблем литературоведения и творчества крупных писателей. Обязательным условием библиографической системы, подчеркивают авторы статьи, должно быть сочетание текущего учета с его переработкой в ретроспективные указатели. Отсутствие единой системы не позволяет в настоящее время научному работнику получать соответствующую информацию по любому разделу литературоведения и за любой отрезок времени. Существующее множество указателей не складывается в единую многокомпонентную систему. «Таким образом, — настаивают авторы статьи, — основной вопрос улучшения информационной работы — это не только создание разнообразных библиографических пособий, но и организация их в систему, обеспечивающую всю нашу литературоведческую науку» (244, с. 216).

7

Еще более основательно, чем в первые послевоенные годы, шло осмысление опыта составления литературных семинариев, которые получили наибольшее распространение в 50—60-х годах. Появились первые крупные обобщающие теоретико-методические работы, в которых прослеживалась история формирования и развития этого жанра пособий и давалось научно-методическое обобщение накопленного в семинариях опыта.

Как мы отмечали ранее, изучение семинариев, по существу, началось со статьи А. И. Барсука «Семинарий как рекомендательное пособие для специалиста» (149). В статье семинарии ошибочно были отнесены к рекомендательным пособиям и эту ошибку повторили авторы учебных пособий по библиографии художественной лите-

ратуры для библиотечных факультетов. Позднее А. И. Барсук самокритично отметил, что сближение методических качеств семинариев и рекомендательных пособий вредно и в чисто практическом отношении и с точки зрения перспектив развития жанра (204). Пересмотрели свои взгляды на семинарии и авторы учебных пособий. Начавшееся углубленное изучение семинариев продолжили Е. И. Прохоров (192), Ю. М. Лауфер (202), С. А. Рейсер (206, 216), В. В. Гура (181, 208). Однако все они не давали полного представления о семинариях. Отсюда острая необходимость в создании таких работ о семинариях, в которых многогранность конкретно-исторического исследования была бы органично совмещена с освещением современной теории и методики их составления. Это было сделано А. И. Барсуком в книге «Печатные семинарии по русской литературе» (205).

В книге определялось место семинария в системе пособий литературной библиографии, говорилось о зарождении жанра в дореволюционные годы, прослеживались процесс его становления и эволюции в советское время, динамика теоретико-методических исканий, определялись задачи и перспективы семинариев.

Барсук показывал, что возникнув еще в дореволюционное время, семинарий прошел длительный путь своего развития. Если в прежних своих работах Барсук не касался неперсональных семинариев, то в книге рассматривались и проблемно-тематические семинарии. Он справедливо считал, что уже в 20-е годы определился тип этого учебно-методического и библиографического пособия, его структура. В книге сделан верный вывод о том, что семинарий следует рассматривать как пособие, предназначенное для углубленного исследования отдельных научных проблем и молодыми исследователями, и студентами-филологами, и преподавателями средних школ. Выделена и группа семинариев, в задачу которых входят чисто учебные цели, однако предпочтение отдано основной группе. Такой подход нам представляется верным, и мы согласны с В. В. Гурой, который заметил, что отводить семинарию роль только учебно-методического пособия, рассчитанного на студентов, как это делал С. А. Рейсер, значит слишком утилитарно понимать этот жанр.

В книге Барсука приведены важные аргументы в пользу историографического введения в изучение ли-

температуры, представляющего собой исторический отчет о состоянии и задачах науки о литературе или творчестве писателя к моменту выхода семинария. С таким назначением «введений» полностью солидаризировался Гур, зато начисто отвергал их целесообразность Рейсер, по мнению которого семинарий «сразу начинает напоминать уродца с непропорционально большой головой и очень коротким туловищем». Отвергает Рейсер и, казалось бы, не вызывающие сомнений советы Барсука по поводу широты и разнообразия тем для специальных работ, отражения в темнике всей наиболее актуальной проблематики литературной науки по тому или другому вопросу. В противоположность Барсуку и Гуре, он предлагает давать только примерный круг тем.

Никак нельзя согласиться с С. А. Рейсером и тогда, когда он непомерно преувеличивал опасность включения в перечни ведущей, наиболее ценной в научном отношении литературы по предлагаемым для изучения темам. Он полагал, что литература, отраженная в списках, должна лишь давать «толчок для дальнейших разысканий». В этой связи заслуживают серьезного внимания доводы Гуры, который, опираясь на книгу Барсука и все новое, появившееся в практике составления списков для семинариев, утверждал, что в подлинно научном семинарии списки основываются на разысканиях самого составителя, в результате чего представляют собой авторитетный перечень научно-информационного типа по избранному периоду истории литературы или творчества писателя. Такой принцип составления списков несколько не сковывает дальнейших библиографических разысканий молодого литературоведа, никак не мешает расширению им круга используемых источников. Жаль только, что в пылу полемики Гур говорил о какой-то другой точке зрения, «согласно которой семинарий превращается чуть ли не в регистрационный библиографический справочник». Причем сторонником этой точки зрения он сделал автора этих строк, хотя никогда ничего подобного нами сказано не было.

Барсук и Гур дорожили справочными разделами семинария — «хронологической канвой», «справочно-библиографическими и источниковедческими материалами», «изданиями текстов писателя» — их большими возможностями в стимулировании самостоятельных разысканий с целью углубления того или иного частного вопроса.

И здесь трудно понять возражения Рейсера, решительно отвергнувшего всю очевидную пользу этих разделов: «такие семинарии отучают от самостоятельной работы», — писал он.

Книга Барсука, статьи Гуры обобщили сложившиеся в современной теории, методике и практике понятия о семинарии, одного из интереснейших жанров литературоведческого и библиографического пособия. Полемика, которую вели А. И. Барсук и В. В. Гур с другими авторами теоретико-методических работ и составителями семинариев, убедительна и сильна своей конкретностью.

8

Заметные изменения произошли в методике краеведческой библиографии художественной литературы и литературоведения. В недавнем прошлом в печати раздавались голоса о том, что «разработка теоретических и методических вопросов краеведческой библиографии, обобщение ее опыта стоит на очереди дня» (154). И действительно, если ранее делались только первые шаги по выявлению особенностей краеведческого библиографирования художественной литературы и литературоведения, то с середины 50-х годов, в соответствии с определенным основным направлением деятельности областных библиотек по разработке краеведческих литературных пособий, шло более углубленное осмысление специфики их составления. Появились работы, авторы которых анализировали развитие теоретико-методической мысли и говорили об очередных задачах в области изучения вопросов краеведческой литературной библиографии. К таким работам и по времени их написания и по их назначению прежде всего относились кандидатская диссертация И. И. Корнейчика (158) и его статья «Вопросы краевой библиографии художественной литературы», написанная на основе диссертации (168). Корнейчик исторически верно дал представление о начавшихся еще в 20-е годы методических исканиях, показал участие в них Н. К. Пиксанова, Н. Н. Фатова, А. М. Пунтцева, М. К. Азадовского, Н. В. Здобнова, Е. И. Рыскина, отметил ценные находки в этой области и ошибочные теоретические тенденции. Автор утверждал, что в 20-х годах определение задач краеведческой литературной библиографии базировалось на литературоведче-

ских принципах, в основу которых была положена порочная теория «областных культурных гнезд», выдвигавшая «областной принцип» в литературоведении, как ведущий метод изучения литературы. Сторонники этого принципа придавали большое значение «местному» фольклору в историко-литературном процессе, отграничивали «областную» литературу от общенациональной, игнорировали общенациональные, общенародные истоки развития литературы. Таких ошибок не избежал Н. К. Пиксанов, автор семинария «Областные культурные гнезда» (1928 г.). В исследовании Корнейчика говорилось (хотя и недостаточно полно) о взглядах С. А. Венгерова и Н. В. Здобнова относительно отбора имен авторов для биобиблиографического словаря. Ошибочное утверждение Здобнова, высказанное им в «Материалах для Сибирского словаря писателей» (1927 г.) и в «Основах краевой библиографии» (1931 г.), о необходимости включения в биобиблиографический словарь всех лиц, независимо от их значения, Корнейчик квалифицировал как проявление буржуазно-объективистских взглядов в библиографии. Разумеется, мы найдем у С. А. Венгерова и Н. В. Здобнова неверные положения, но, во-первых, не надо эти заблуждения преувеличивать и, во-вторых, не должно выводить их непременно из «буржуазно-объективистского» корня. Такие дефиниции чрезмерно огрублены. Скорее эти высказывания Венгерова и Здобнова следует связывать с тем, что они исходили из посылки: потребности науки накладывают на библиографические словари обязанность исчерпывающе представить источниковедческий материал.

Проанализировав высказывания М. К. Азадовского и А. А. Мансурова о более полном раскрытии в аннотациях содержания произведений художественной литературы и других материалов для целей литературного краеведения, о широком привлечении в указатели литературно-краеведческих источников, характеризующих связь произведения с краем, Корнейчик пришел к выводу, что это способствовало развитию методики краеведческой библиографии.

Настойчивые поиски в методике краеведческой литературной библиографии привели к более обстоятельному анализу отдельных типов краеведческих библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению. Специального изучения требовали биобибли-

ографические краеведческие словари, интерес к которым в практической работе был велик, а многие методические проблемы не получили окончательного решения. На обсуждении еще не вполне ясных вопросов и сосредоточился главный интерес А. А. Туровской в ее статье «О некоторых вопросах методики составления биобиблиографических словарей писателей края» (211). Прежде всего не было достаточно верного решения такого основного для методики составления словарей писателей края вопроса, как отбор имен писателей. Туровская, приведя ранее высказанные другими библиографоведами предложения, считала, что качественный отбор имен писателей, при одинаковом и обязательном учете реальных творческих связей писателей с жизнью края, производится по-разному — в зависимости от читательского и целевого назначения пособия. Если пособие рассчитано на широкие круги читателей, то ведущим критерием для включения писателей в словарь должна быть идейно-художественная значимость их творчества. Если же пособие составляется для оказания помощи в исследовании литературного процесса, в изучении творчества писателей края, то закономерен учет не только писателей, чье творчество сохранило идейно-художественную ценность до наших дней, но и второстепенных, литературная деятельность которых представляет всего лишь исторический интерес, и тех, чье творчество отмечено печатью реакционности. По поводу биобиблиографических справок о писателях, представленных в словаре, Туровская удачно заметила, что из таких кратких очерков должна быть понятна связь писателя с краем, дающая основание для включения его в биобиблиографический словарь.

Интересным опытом практической деятельности по составлению научно-вспомогательных указателей типа «Край в художественной литературе» поделилась на страницах «Советской библиографии» Г. М. Шевелева (248). На примере указателя «Орловский край в художественной литературе, в мемуарах и письмах писателей» Шевелева довольно полно осветила методику составления таких указателей.

Говоря об отборе материала в указателе, она настаивала на отражении в нем не только популярных художественных произведений, но и давно забытых романов, повестей, рассказов малоизвестных авторов, в том числе и тех из них, которые в силу своей социальной ограни-

ченности допускали ошибки в изображении реальных событий действительности. В то же время Шевелева выступила против включения в указатель произведений, если они не имеют безусловно познавательного краеведческого значения, рекомендовала очень ограниченно отражать литературные очерки советских писателей, так как большинство из них представляют временный интерес. Зато она оправдывала включение в указатели публицистики, писем, историко-бытовых мемуаров, путевых заметок.

Шевелева останавливается и на группировке материала в указателе. Она верно заметила, что группировка в хронологии описываемых в произведениях событий не отвечает читательскому назначению указателя, поэтому ей следует предпочесть расположение, соответствующее периодизации, принятой в истории литературы. Одновременно с этим для расширения возможностей использования указателя различными категориями читателей и облегчения поиска литературы необходимо снабжать пособие вспомогательными ключами — именным и предметно-тематическим.

Можно констатировать, что с появлением статьи Г. М. Шевелевой прояснилось еще одно звено методики литературной краеведческой библиографии.

9

Благодаря решительному повороту литературного библиографоведения к более глубокому познанию библиографической практики, к выработке оригинальных понятий и представлений о литературной библиографии, начиная со второй половины 50-х годов создаются условия для формирования теории литературной библиографии, опирающейся в своих выводах и положениях на специфический опыт литературной библиографии. И не случайно, что именно в это время начинается серьезное изучение границ литературной библиографии, определение ее объекта и предмета литературного библиографоведения, их методов.

Само собой разумеется, что в основе понимания литературным библиографоведением этих теоретических проблем лежит переосмысленная общebiблиографическая теория об исходной сущностной природе библиографии и библиографоведения, их объекта и предмета.

Идея о том, что библиография — это область научно-практической деятельности, имеющая собственный объект, а библиографоведение — научная дисциплина, изучающая и разрабатывающая вопросы теории, истории и организации библиографии, начала получать решение в библиографоведении с середины 50-х годов*. Бесспорной вехой в осознании этого положения были статьи И. И. Решетинского «О теории и практике библиографии» (171), В. А. Николаева и О. П. Коршунова «Спорные вопросы общей библиографии» (162), В. Т. Вытяжкова «О предмете библиографии» (166), редакционная статья сборника «Советская библиография» «О некоторых теоретических вопросах библиографии» (187), И. И. Решетинского и В. А. Николаева «Некоторые спорные вопросы теории библиографии» (193), И. Е. Баренбаума «К вопросу о предмете библиографической науки» (200) — участников дискуссии, вызванной изданием двух учебников по курсам «Общая библиография» — одного для учащихся библиотечных техникумов (157), другого — для библиотечных факультетов институтов культуры (176).

Ценность дискуссий состояла в том, что были выдвинуты весомые аргументы в пользу обособления теории библиографии, так как в ней имеются закономерности, которые не входят и, главное, по своей природе не могут входить в объект практической библиографической деятельности. Теория библиографии имеет свой, специфический предмет исследования.

Положительные результаты, достигнутые общим библиографоведением в прояснении этих проблем, не могли не отразиться на теории литературной библиографии.

Первым, кто задался целью определить объект литературной библиографии и предмет ее теории, был Е. И. Рыскин. Характеристика литературной библиографии как научной вспомогательной дисциплины литературоведения, попытки определить ее объект и задачи делались и ранее, здесь в первую очередь следует вспомнить А. Г. Фомина (89; 105, с. 16 — 17, 39, 40 — 41), но до книги Е. И. Рыскина «Очерки теории и методики литературной библиографии» (1965 г.) (210) у нас не было

* Хотя первые попытки разграничения практической библиографической деятельности и библиографической науки предпринимались уже в сороковых годах. Первым это сделал И. Г. Марков в статье «О предмете и методе библиографии» (132).

работ, в которых специально определялся бы объект литературной библиографии, ее функции, границы, а также методы и предмет ее теории. Теория библиографии существовала в сознании библиографоведов вообще, без членения на отраслевое библиографоведение. В результате не было достаточного представления о существовании специфического объекта и метода литературной библиографии. Шаг, сделанный Рыскиным, был важным шагом на пути формирования теории литературной библиографии и библиографоведения в целом. Теория библиографии, до того бывшая в глазах библиографоведов единой и как бы неделимой, вдруг обнаружила свою нерархическую системность. Вместе с тем сделанных Е. И. Рыскиным выводов и выработанных им понятий оказалось недостаточно, чтобы можно было говорить о более или менее полном решении кардинальных проблем литературного библиографоведения.

В главе «Библиография и литературоведение» он доказывает, что литературная библиография — «составная часть двух наук: библиографии и литературоведения». Это обязывало к дальнейшему выводу: «объект литературной библиографии связан с объектами библиографической и литературоведческой наук, хотя объекты эти весьма различны» (210, с. 10). Рыскин считал, что литературная библиография как научная дисциплина изучает проблемы и способы библиографирования художественной литературы и литературоведения. Ее объектом является также библиографическое литературное источниковедение, т. е. печатные или рукописные библиографические труды, содержащие сведения о появившихся в печати книгах, статьях, рецензиях и т. д. Объект же самой литературной библиографии — произведения слова (210, с. 5) и «библиографические знания» («собственный объект»), «которые она и только она призвана исследовать»* (210, с. 10). К этим «библиографическим

* В этой связи уместно заметить, что, в соответствии с тезисом Е. И. Рыскина, Б. Я. Бухштаб в свою книгу «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века» (213) включил статью «О тексте „муравьевской оды“ Некрасова», отнесенную Е. И. Рыскиным к типичным примерам «библиографических знаний». Такое решение вызвало протест Е. И. Прохорова: «Мы позволим себе не согласиться ни с уважаемым автором, ни с уважаемым библиографом и утверждаем, что статьи Б. Бухштаба — это чисто историко-литературные разыскания и к библиографии они имеют отношение постольку, поскольку связаны с книгой вообще» (213а).

знаниям» Рыскин относил: раскрытие на основании литературных источников авторства анонимного или псевдонимного текста; установление первой публикации текста и ее датировка; изучение истории публикации текста; аналитическое изучение текста (т. е. выделение текстов, включенных в другое произведение, и изучение их тематики); проблема полноты библиографического пособия; проблема историзма (т. е. выявление литературы, в которой та или иная проблема была впервые поставлена, а также литературы, показывающей ход последующего развития этой проблемы).

По нашему убеждению, при таком определении специфического объекта литературная библиография отменяет или, во всяком случае, подменяет литературоведение, точнее — текстологию. Естественно, что рассмотрение объекта литературной библиографии приобретало качества обобщенности, суммарности, исчезла четкость в установлении ее границ.

В то же время Рыскину была свойственна важная мысль об использовании литературной библиографией литературоведческих методов. «Библиограф любой отрасли литературы в какой-то мере является филологом, широко пользующимся филологическими методами работы», — писал он (210, с. 6).

Это убеждение Рыскина мы полностью разделяем. Как всякая научная дисциплина, литературная библиография, взаимодействуя с другими науками, использует их методы и приемы в целях изучения своего объекта и предмета. Являясь неразрывной частью библиографии вообще, она не может развиваться без широкого и разнообразного использования общebiблиографических теоретических и методических принципов, приемов и навыков. С другой стороны, будучи самостоятельной научной дисциплиной, находясь, однако, в тесном контакте с литературоведением она не может не употреблять литературоведческие методы и приемы, в противном случае она перестала бы существовать. Вместе с тем, она имеет собственную историю, теорию, методологию и методику, которые, разграничиваясь по разным признакам, составляют единое литературное библиографоведение.

Однако Рыскин ничего не говорит о методе литературной библиографии как теоретико-методической науке, изучающей проблемы и способы библиографирования

художественной литературы и литературоведения. Каждая из самостоятельных отраслей общего библиографоведения, в том числе, конечно, и литературного библиографоведения, развивает присущие ей методы исследования.

Осознание всех этих проблем становилось безусловным по мере дальнейшего развития науки о библиографии. В общебиблиографической теории все четче проявлялась главная сторона библиографии — ее исходная сущностная природа — вспомогательность (вторичность, свернутость) библиографической информации в общественной системе документально-информационных коммуникаций (в системе «документ — получатель, погребитель»). В результате длительного дискутирования были определены объект библиографической деятельности — документ — получатель, потребитель и предмет библиографоведения — библиографическая общественная практика, было доказано, что наукой в строгом смысле является библиографоведение, а собственно библиография — это область научно-практической деятельности по подготовке и доведению до получателей — потребителей библиографической информации. В итоге развития библиографоведческой мысли эти теоретические положения были закреплены Государственными стандартами «Библиография. Термины и определения» 1970 и 1977 гг. (225, 269). Неопровержимость этого теоретического постулата установлена в статье О. П. Коршунова «Библиография в системе информационных коммуникаций» (253) и его монографии «Проблемы общей теории библиографии» (257), в статьях А. И. Барсука «На путях формирования библиографоведения как целостной научной дисциплины» (260), Э. К. Беспаловой «Проблемы общей теории библиографии» О. П. Коршунова и концепция рекомендательной библиографии» (261), Д. Ю. Теплова «О новой гипотетической концепции библиографии» (266), И. Е. Баренбаума «Библиографоведение как наука книговедческого цикла» (259), Ю. М. Лауфера «Досадные просчеты в целостной концепции» (264), Б. А. Смирновой «Теория библиографии и ее связи с практикой» (265), Ю. М. Тугова «Об исходном пункте теоретического воспроизведения библиографии» (271), А. И. Серебренникова и Г. П. Фонотова «О компонентах общей теории библиографии в книге О. П. Коршунова» (270).

Таким образом, усилиями библиографоведов последних десятилетий внесена ясность в наиболее сложные проблемы библиографоведения, в том числе и литературного. Четко обозначилась особенность литературной библиографии, которая состоит в том, что она, являясь составной частью библиографии вообще, имеет собственный объект — художественная литература, критико-литературоведческие работы и читатель. Литературная библиография — научная вспомогательная дисциплина литературоведения. Поэтому, в отличие от общего библиографоведения, в центре внимания литературного библиографоведения находятся те специальные проблемы, которые образуют систему знаний, вскрывающую закономерности развития литературной библиографии в обществе и способы ее воздействия на читателя. В этом выражается сущность литературной библиографии и литературного библиографоведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование и утверждение литературного библиографоведения как целостной совокупности определенных знаний со своими понятиями, теорией, методикой и историей и орудия, познания библиографических явлений началось в советские годы. Это соответствовало естественному ходу развития — необходимо было накопить известный минимум знаний, проверенных практикой и направленных на дальнейшее ее познание и изменение. Без ясно очерченного предмета исследования, без понимания природы литературной библиографии, ее особенностей, общественной роли, границ и взаимоотношений с другими сопредельными дисциплинами невозможно существование литературного библиографоведения как самостоятельной дисциплины. Дальнейшее развитие литературного библиографоведения привело к рассмотрению отдельных специфических свойств и качеств библиографических явлений. Современная фаза его развития характеризуется теоретическим осмыслением литературной библиографии и литературного библиографоведения, идет процесс выработки понятий, терминов, исследовательских и методических приемов.

Освещение в нашей книге большого исторического пути движения теоретико-методической мысли, которая отнюдь не была однородной и единой, показывает ярко выраженную закономерность — укрепление понимания специфичности литературной библиографии как одной из форм социальной информации, выступающей в виде научно-практической деятельности, назначение которой — целенаправленная подготовка и доведение до читателя (получателя — потребителя) библиографической информации о произведениях художественной литературы, критики и литературоведения. Из этого ее качества выс-

тупает важное своеобразие литературной библиографии, обусловившее ее специфичность, — она содействует распространению художественной литературы, критики и литературоведения для их воздействия на читателя; активно способствует литературному образованию и идейно-эстетическому воспитанию трудящихся. Литературная библиография — составной элемент структуры литературной науки.

Такое принципиальное осмысление литературной библиографии не было бы воспринято современным библиографоведением, если бы оно не опиралось на теоретическую традицию, которая проявлялась иногда стихийно или, может быть, понималась слишком прямолинейно. Материал книги показывает, что такое осознание литературной библиографии — исторически закономерно и неизбежно. Этот исключительно важный и принципиальный аспект в конечном счете — определяющий в библиографоведении. Он стал генерализирующим в сравнении со всеми другими суждениями, мнениями и теоретико-методическими воззрениями.

В развитом социалистическом обществе место, роль и значение литературной библиографии, ее теории и методики определяются насущными потребностями и задачами коммунистического строительства.

Все более возрастающее значение гуманитарных наук в социально-нравственном воспитании народа вызывает значительные усложнения в решении задач, стоящих перед литературной библиографией по совершенствованию ее теоретических и методических принципов. Их актуальность становится особенно очевидной в свете указаний XXIV и XXV съездов КПСС (7, 8), постановлений ЦК партии «О литературно-художественной критике» (1972 г.) (16) и «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) (17). В этих решениях партии литература и искусство, литературная критика и литературоведение рассматриваются как часть общего дела, как важнейшие средства коммунистического воспитания и оружие идеологической борьбы, связываются со смежными областями — журналистикой, радио, телевидением, кино, печатным делом и библиографией. Отчетливо выступила задача разработки всей системы средств пропаганды через каналы массовой информации, и, в частности, совокупности средств библиографи-

ческой пропаганды художественной литературы, критики и литературоведения. Обозначилась необходимость четкого определения места, роли и значения литературной библиографии среди других функционирующих каналов социальной информации. Являясь открытой информационной системой, библиография все больше проникает за системным подходом.

Процесс совершенствования всех аспектов библиографической работы вызывает необходимость широкого научного обобщения и анализа, усиления теоретико-методической основы библиографоведения.

Получает особую значимость максимальное выяснение взаимосвязей литературной библиографии и литературного библиографоведения с другими науками. Важное значение имеет изучение возможностей усвоения и использования библиографией и библиографоведением методов смежных наук. Одновременно все более отчетливо становится самостоятельное культурное значение литературной библиографии, ее теории и методики. Повышение теоретического уровня библиографоведения требует от него глубокого использования социологических методов исследования, применения системного анализа.

Советское библиографоведение много сделало, чтобы раскрыть основополагающий принцип советской библиографии — принцип партийности. Партийный, классовый подход, научная обоснованность, достоверность, полнота и точность, полезность и новизна, оперативность и актуальность — вот основные требования, которые предъявляет социалистическое общество ко всем библиографическим звеньям. Однако каждая новая историческая ступень в развитии нашего общества обнаруживает в этом принципе новые грани и выдвигает новые проблемы. Этим диктуется необходимость дальнейшего изучения ленинского учения о партийности библиографии.

Хотя наиболее ощутимые результаты получены при изучении рекомендательной библиографии как способа продвижения художественной литературы по каналам массовой информации, однако решающее значение приобретает глубокое и всестороннее исследование наиболее эффективного использования целостной системы пропаганды художественной литературы с помощью всех каналов массовой коммуникации. Отсюда вытекает и другая, не менее важная задача — создание научно обос-

нованной системы пособий по художественной литературе, критике и литературоведению.

Существенным условием действенной пропаганды художественной литературы является дальнейшее изучение чтения советских людей, социально-психологических особенностей ее восприятия разными группами читателей. На очередь дня поставлено научное обоснование типологии читателей художественной литературы. Переход библиотек на централизованную систему обслуживания населения предопределяет более активное и последовательное изучение всех этих проблем рекомендательной библиографии художественной литературы, критики и литературоведения.

Успешное решение задач, связанных с повышением эффективности и качества библиографической деятельности, в значительной мере зависит от обогащения методики теоретико-методологическими принципами марксистско-ленинской философии, этики, эстетики и литературоведения. Самые последние годы отмечены анализом проблем рекомендательной библиографии в свете марксистско-ленинского философского учения о ценности, активным поиском критериев целостности библиографического указателя как элемента системы библиографических пособий. Рост общей мобильности методики рекомендательной литературной библиографии сопровождается выяснением отдельных специфических ее сторон: рекомендательно-библиографическое сообщение как средство идейно-воспитательного воздействия на читателя, учет психологических мерил восприятия информации, создание проблемной ситуации в библиографическом сообщении и т. п.

Как весьма положительный факт, следует отметить успешное развитие методики научно-вспомогательной литературной библиографии. Однако современный уровень науки о литературе, рост числа и рассеяния публикаций, «старение» первичной информации, интеграция науки, изменение принципов и приемов исследования, когда литературоведение приобретает все более синтетический характер, вступая в тесный контакт со смежными общественными науками (историей, философией, социологией), с математикой, выдвинули на первый план проблему дифференцированных критериев учета материала, избирательного библиографирования по качественному признаку, обеспечение иерархической систе-

мы текущего и ретроспективного охвата всех отраслей литературоведения, всех без исключения научно значимых источников.

Чтобы повысить эффективность и качество литературной библиографии, необходимо усилить связи литературного библиографоведения с практикой.

Сложность задач, стоящих перед литературной библиографией, требует расширения круга исследуемых проблем, комплексного их решения. Комплексные исследования еще больше раскроют специфические особенности литературной библиографии, ее теории и методики.

В этой связи дальнейшее раскрытие сущности литературной библиографии и литературного библиографоведения, их объекта и предмета, изучение возможностей использования ими научных методов имеет первостепенное значение. Всестороннее совершенствование теории и методики литературной библиографии — залог дальнейшего поступательного движения литературной библиографии на новых этапах ее развития.

Выяснение путей и способов повышения эффективности литературной библиографии и литературного библиографоведения может быть осуществлено только на основе дальнейшего углубленного осмысления закономерностей развития литературной библиографии, ее теории и методики на всех качественно различных этапах, которые они прошли. Это возможно сделать лишь на прочном фундаменте марксистско-ленинской методологии — философской основы советской литературной библиографии и литературного библиографоведения, на основе применения принципа историзма.

Разрешение этой комплексной проблемы подготавливалось всем предшествующим опытом литературной библиографии, ее теории и методики.

ЦИТИРУЕМАЯ И УПОМИНАЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 43.
2. Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии». — Там же, с. 497.
3. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 99—105.
4. Ленин В. И. Рецензия. Н. А. Рубакин. Среди книг, том II (изд-во «Наука»). М. 1913 г. Цена 4 руб. (изд. 2-ое). — Там же, т. 25, с. 111—114.
5. Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). — Там же, т. 26, с. 82—93.
6. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете. 11 июля 1919 г. — Там же, т. 39, с. 67.
7. Материалы XXIV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1972. — 320 с.
8. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. — 256 с.
9. О пролеткультах. Письмо ЦК РКП. — В кн.: КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., Политиздат, 1963, с. 146—148.
10. Тринадцатый съезд РКП(б). Москва. 23—31 мая 1924 г. — В кн.: О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. М., Мысль, 1972, с. 108—116.
11. О политике партии в области художественной литературы. Резолюция ЦК РКП(б). 18 июня 1925 г. — Там же, с. 392—396.
12. Об издательской работе. Постановление ЦК ВКП(б). 15 авг. 1931 г. — Там же, с. 403—410.
13. О перестройке литературно-художественных организаций. Постановление ЦК ВКП(б). 23 апр. 1932 г. — Там же, с. 413—414.
14. О литературной критике и библиографии. Постановление ЦК ВКП(б). 2 дек. 1940 г. — Там же, с. 418—420.
15. О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране. Постановление ЦК КПСС. 22 сент. 1959 г. — В кн.: КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., Политиздат, 1963, с. 274—281.

Материал расположен в хронологической последовательности а в пределах года — в алфавитном порядке имен авторов и заглавий коллективных работ.

16. О литературно-художественной критике. Постановление ЦК КПСС. 21 янв. 1972 г.— В кн.: Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник документов (1965—1973 гг.). 2-е изд., доп. М., Политиздат, 1973, с. 524—528.
17. О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе. [Постановление ЦК КПСС].— Правда, 1974, 26 мая.
18. Греч Н. Н. [Заметка].— Сын отечества, 1814, ч. 18, № 48, с. 112.
19. Греч Н. Н. изд[атель] «С[ына] о[течества]».— Сын отечества, 1823, ч. 83, № 4, 192—193.
20. Полевой Н. [Заметка].— Моск. телеграф, 1825, ч. 3, № 9, с. 73.
21. Полевой Н. А. [Заметка].— Моск. телеграф, 1826, ч. 7, № 1, с. 79—83.
22. Полевой Н. [Заметка].— Моск. телеграф, 1826, ч. 12, № 21, с. 57.
23. Новые книги.— Сев. пчела, 1826, № 109, стб. 2.
24. Пушкин А. С. <О журнальной критике>.— Полн. собр. соч. М.— Л., 1949, т. 11, с. 89.
25. Надеждин Н. И. [Библиография].— Телескоп, 1831, № 1, с. 113—115.
26. Белинский В. Г. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы.— Полн. собр. соч. М., 1953, т. 2, с. 7—50.
27. Белинский В. Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя».— Там же, с. 123—177.
28. Белинский В. Г. Несколько слов о «Современнике».— Там же, с. 178—184.
29. Белинский В. Г. <Общее значение слова литература>.— Там же, М., 1954, т. 5, с. 620—653.
30. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года.— Там же, М., 1956, т. 10, с. 7—50.
31. Чернышевский Н. Г. Письмо Н. И. Костомарову.— Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1950, т. 15, с. 905.
32. Михайлов М. Л. Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке.— Библиотека для чтения, 1854, т. 123, № 2, с. 41—43.
33. Чернышевский Н. Г. О поэзии.— Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1949, т. 2, с. 265—266.
34. Лонгинов М. Н. Библиографические записки.— Соч. М., 1915, т. 1, с. 28.
35. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы.— Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1947, т. 3, с. 272—273.
36. Чернышевский Н. Г. Письмо Н. А. Некрасову.— Там же, М., 1949, т. 14, с. 337.
37. Чернышевский Н. Г. Русский библиографический указатель за 1855 год.— Там же, М., 1948, т. 4, с. 556.
38. Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова».— Собр. соч. в 9-ти т. М.— Л., 1961, т. 1, с. 182—279.
39. Добролюбов Н. А. Сочинения Пушкина.— Там же, М.— Л., 1962, т. 2, с. 164—177.
40. Добролюбов Н. А. Указатель статей серьезного содержания,

- помещенных в журналах прежних лет.— Там же, М.— Л., 1902, т. 3, с. 372—379.
41. Добролюбов Н. А. Стихотворения. Михаила Розенгейма.— Там же, М.— Л., 1963, т. 7, с. 305—306.
42. Добролюбов Н. А. Поденьшина. Пустомеля. Кошелек.— Там же, М.— Л., 1962, т. 3, с. 459—465.
43. Минцлов Р. И. Что такое библиография и что от нее требуется?— Библиогр. зап., 1858, № 12, стб. 382—384.
44. [Ответ редакции «Библиографические записки» на статью Минцлова Р. И.].— Библиогр. зап., 1858, № 13, стб. 416—418.
45. Добролюбов Н. А. Литературные мелочи прошлого года.— Собр. соч. в 9-ти т. М.— Л., 1962, т. 4, с. 60.
46. Некрасов Н. А. Г. Геннади, исправляющий Пушкина (Письмо из провинции).— Полн. собр. соч. и писем. М., 1950, т. 9, с. 592—595.
47. Некрасов Н. А. Литературная травля, или Раздраженный библиограф.— Там же, М., 1948, т. 2, с. 482—486.
48. Писарев Д. И. Наша университетская наука.— Соч. в 4-х т. М., 1955, т. 2, с. 176.
49. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тетеньке.— Собр. соч. в 20-ти т. М., 1972, т. 14, с. 417.
50. Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия.— Там же, М., 1973, т. 15, кн. 1, с. 15—16.
51. Ильинский Г. А. Авторефераты как тип библиографии.— Лит. вестник, 1901, т. 1, кн. 4, с. 403—406.
52. Ловягин А. М. О содержании библиологии или библиографии.— Лит. вестник, 1901, т. 1, кн. 1, с. 6—17.
53. Лященко А. Несколько слов памяти Л. Н. Майкова.— Лит. вестник, 1901, т. 1, кн. 1, с. 60—65.
54. Горнфельд А. [Рец. на кн.:] Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц.— Рус. богатство, 1904, № 7, с. 127.
55. Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии (итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет).— В кн.: Избранное. Труды по библиотековедению и библиогр. М., Книга, 1972, с. 10—59.
56. Фомин А. Г. Библиография новейшей русской литературы.— В кн.: Русская литература XX века. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916, т. 2, с. 138.
57. Бем А. Л. К истории изучения Толстого.— Библиол. сборник, 1916, т. 1, вып. 3, с. 138—139.
58. Калишевский А. И. Каталогизация в небольших библиотеках.— М., 1919.— 40 с.— В надзаг.: Моск. гор. нар. ун-т им. А. Л. Шанявского.
59. Венгеров С. А. Наша задача.— В кн.: Sertum bibliologicum в честь... проф. А. И. Маленна. Пг., Госиздат, 1922, с. 1—4.
60. Дерунов К. Н. Библиография русских рецензий (1850—1924): (Вместо доклада — к съездам библиотекарей и библиографов 1924 г.).— Орел, 1924.— 36 с.
61. Звездин В. О нормальной постановке руководства чтением: (К вопросу о предметном каталоге).— Красный библиотекарь, 1924, № 2—3, с. 37—39.
62. Белов А. Алфавитный каталог и аннотация.— Л.: Кн. сектор ЛГОНО, 1925.— 25 с.
- 15 Лауфер Ю. М.

63. Жук И. Принципы аннотирования книг.—Красный библиотечарь, 1926, № 7, с. 20—27.
64. Крупская Н. К. Краеведение и библиотека.—Пед. соч. в 10-ти т. М., 1960, т. 8, с. 144—158.
65. Ловягин А. М. Основы книговедения.—Л.: Начатки знаний, 1926.—166 с.
66. Сафонов М. Аннотация или рецензия? (О карточках Бюро центр. каталогизации).—Книгоноша, 1926, № 36, с. 15—16.
67. Троповский Л. Н. Итоги II Всероссийского библиографического съезда.—Книгоноша, 1926, № 44—45, с. 1—4.
68. Труды Первого Всероссийского библиографического съезда.—М., 1926.—263 с.—В надзаг.: Рус. библиогр. о-во при Моск. ун-те.
69. Бек А. На библиотечном фронте.—На лит. посту, 1927, № 17—18, с. 78—79.
70. Библиографическое дело: Сборник/Под ред. Н. Ф. Яницкого.—М.; Л.: Гиз, 1927.—IV, 163 с.
71. Жук И. Спорные вопросы аннотирования. (Тезисы докл.).—Бюл. Бюро Центр. каталогизации ГПП, 1927, № 16—17, с. 1—2.
72. Жук И., Минчина М. Аннотация общего каталога массовой библиотеки.—Красный библиотечарь, 1927, № 8, с. 55—62, № 9, с. 61—66.
73. Киперман Я. Е. Педагогическая аннотация: Указания к сост. аннот. для читателей профсоюз. б-к.—Л.: Ленингр. Губпрофсовет, 1927.—52 с.—В надзаг.: Библ. секция кабинета культработников ЛГСПС.
74. Малешин А. И. Исторический очерк развития библиографии и современное состояние ее на Западе и в СССР.—В кн.: Библиографическое дело. Сборник. М.—Л., ГИЗ, 1927, с. 24—42.
75. Фомин А. Г. Современное состояние русской библиографии и ее очередные задачи.—В кн.: Избранное. М., Книга, 1975, с. 14—34.
76. Владиславлев И. В. Библиография и социализм: К вопросу о построении марксистской теории книговедения. Докл. прочт. на II-м Всерос. библиогр. съезде.—М.; Л.: Госиздат, 1928.—84 с. То же, № 80.
77. Сомов Н. М. Критическая библиография.—М., 1928.—86 с.
78. Шамурин Е. Н. Организация библиографического дела в РСФСР (1917—1927 гг.).—М., 1928.—83 с.—Отт. из сборника «Библиография в СССР и книжные палаты».—М., 1928.
79. Балика Д. А. Рекомендательная (критическая) библиография.—Библиогр., 1929, № 4, с. 41—71.
80. Владиславлев И. В. Методология библиографии и теория диалектического материализма.—В кн.: Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 19—37. См. № 76.
81. Горький А. М. Письмо в редакцию «Крокодила».—Крокодил, 1929, № 2, с. 11.
82. Жук И. П. Типы аннотаций и методы аннотирования.—В кн.: Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 154—162.
83. Жук И., Минчина М. Аннотация в каталоге массовой библиотеки: (Методика описат. аннотирования).—М.; Л.: Гиз, 1929.—142 с.
84. Крупская Н. К. [Приветствие II Всероссийскому библиографическому съезду].—Пед. соч. в 10-ти т. М., 1960, т. 8, с. 159—162.
85. Петров Ф. Н. Приветствие.—В кн.: Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 7—8.

86. Троповский Л. Н. Проблемы рекомендательной библиографии.—В кн.: Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 76—82.
87. Фомин А. Г. Аннотации (типы и методы составления).—В кн.: Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 151—154.
88. Фомин А. Г. Аннотации: Теория и практика их составления.—Л., 1929.—IV, 147 с.—В надзаг.: Науч.-исслед. ин-т книговедения при Гос. публ. б-ке.
89. Фомин А. Г. Библиография литературы.—Лит. энцикл. М., 1929, т. 1, стб. 478—489.
90. Фомин А. Г. Методы составления библиографических указателей.—В кн.: Избранное. М., Книга, 1975, с. 35—50.
91. Фомин А. Г. Методы составления библиографических указателей.—В кн.: Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 162—171.
92. Невский В. И. Наши задачи.—Библиотековедение и библиогр., 1930, № 1—2, с. 3—7.
93. Троповский Л. Н. Задачи советской библиографии.—Библиотековедение и библиогр., 1930, № 1—2, с. 26—34.
94. Азодовский М. К методологии декабристской библиографии. (По поводу «Библиографии» Н. М. Ченцова).—Каторга и ссылка, 1931, № 6, с. 184—197.
95. Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии: Практ. руководство.—2-е изд.—М.; Л.: Соцэкгиз, 1931.—182 с.
96. Левинтов Б. Журнал «Библиотековедение и библиография».—Красный библиотечарь, 1931, № 8, с. 15—22.
97. Смушкова М. Самокритикой и коллективным авторством подыдем «Красный библиотечарь» на должную высоту.—Красный библиотечарь, 1931, № 1, с. 37—40.
98. Владиславлев И. В. За реформирование органов государственной библиографии.—Кн. фронт, 1932, № 11—12, с. 40—43.
99. Романов С. Г. О марксистско-ленинской библиографии.—Книга и пролет. революция, 1932, № 6—7, с. 11—15.
100. Русская литература и критика в реестрах реакционно-буржуазных библиографов.—Книга и пролет. революция, 1932, № 6—7, с. 16—18.—Подпись: Н. К.
101. Троповский Л. Неотложные задачи библиографической работы.—Книга и пролет. революция, 1932, № 1, с. 6—9.
102. Балухатый С. Работа М. Горького за сорок лет (1892—1932 г.).—Вестн. АН СССР, 1933, № 8—9, стб. 27—55.
103. Шамурин Е. Н. Методика библиографической работы.—М.: Гос. центр. кн. палата, 1933.—295 с.—(Пособия по библиогр. и библиогр. технике; Вып. 5).
- а. Рец.: Эйхенгольц А. Первый опыт учебника по библиографии.—Книга и пролет. революция, 1935, № 6, с. 35—42.
104. Балухатый С. Д. К пересмотру принципов литературной библиографии. (Тезисы докл.).—В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 459—463.
105. Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии, биобиблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы: Сист. аннот. указ. рус. книг и журн. работ, напеч. в 1736—1932 гг.—Л.: ГИХЛ, 1934.—335 с.
106. Библиографические заметки. «К пересмотру принципов ли-

тературной библиографии». — Сов. библиогр., 1935, вып. 3, с. 134—136.

107. Владиславлев Н. В. Из библиографий по литературоведению последнего времени. — Сов. библиогр., 1935, вып. 3, с. 128—131.

108. Зимовский Ф. «Библиография марксизма» В. И. Ленина и наша библиографическая практика. — Книга и пролет. революция, 1935, № 6, с. 17—34.

109. Кобленц Н. Некоторые вопросы библиографической методики. — Книга и пролет. революция, 1935, № 6, с. 43—48.

110. Мацуев Н. Вопросы библиографии художественной литературы. — Книга и пролет. революция, 1935, № 6, с. 67—81.

111. Троповский Л. Н. О пропаганде библиографии и борьбе за большевистские кадры в библиографии. — Книга и пролет. революция, 1935, № 6, с. 10—16.

112. Удолова вопросы советской библиографии. — Книга и пролет. революция, 1935, № 6, с. 3—9.

113. Здобнов Н. В. Добролюбов и библиография. — Известия АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1936, № 1—2, с. 329—343.

114. Здобнов Н. В. Работа Ленина с библиографической литературой. — Ки. новости, 1936, № 2, с. 4—5.

115. Рыскин Е. Аннотирование художественной литературы. — Сов. библиогр., 1936, вып. 2, с. 31—68.

116. Здобнов Н. В. Пушкин и библиография. — Ки. новости, 1937, № 2, с. 47—51.

117. Крупская Н. К. Выполним указания Ленина о библиотечной работе. (Вступит. слово на Всесоюз. совещ. по теорет. вопросам библиотечного дела и библиогр.). — Пед. соч. в 10-ти т. М., 1960, т. 8, с. 626—640.

118. Ленин Л. А. О рекомендательной библиографии. — Сов. библиогр., 1937, вып. 3, с. 6—32.

119. Масанов Ю. А. С. Пушкин в библиографии. — Сов. библиогр., 1937, вып. 2, с. 45—54.

120. Троповский Л. Вопросы библиографии на библиотечно-библиографическом совещании. — Красный библиотечник, 1937, № 4, с. 62—60; № 8, с. 45—49.

121. Рыскин Е. Н. О связи библиографии с вопросами чтения. (Глава из «Методики составления указателя по художественной литературе для массового читателя»). — Труды/Моск. гос. библ. ин-т, 1938, вып. 1, с. 34—76.

122. Эйхенгольц А. Ленин и библиография. — Труды/Моск. гос. библ. ин-т, 1939, вып. 2, с. 6—21.

123. Рыскин Е. Библиография истории русской литературы: Учеб. материал для спец. по темам: общ. указ., виды и типы персоналий. — Уфа: Башгосиздат, 1942. — 64 с. — В изд-во: Моск. гос. библ. ин-т.

124. Здобнов Н. В. История русской библиографии: От древнего периода до начала XX века/Под ред. Н. Л. Рубинштейна. — М.: Всесоюз. ки. палата, 1944—1947. — Т. 1—2.

124. 1. То же, под загл.: История русской библиографии до начала XX века. — 2-е изд./Под ред. К. В. Сивкова. — М., 1951. — 512 с. — В изд-во: АН СССР, Б-ка.

124. 2. То же. — 3-е изд./Под ред. В. С. Боднарского. — М.: Госкультпросветиздат, 1955. — 608 с.

а. Рец.: Брисман М. — Звезда, 1945, № 5—6, с. 161—162.

б. Рец.: Берков П. Н. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1948, № 2, с. 60—166.

в. Рец.: Берков П. Н. — Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1948, т. 7, вып. 4, с. 353—358.

г. Рец.: Козьмин В. Н. — Сов. книга, 1948, № 7, с. 102—106.

д. Рец.: Берков П. Н. Ценная книга по истории русской библиографии. — Звезда, 1952, № 10, с. 100.

е. Рец.: Зайончковский П. А. — Вопр. истории, 1956, № 12, с. 179—180.

125. Рекомендательная библиография. — Парт. стр-во, 1914, № 14, с. 43—45.

126. Савицкая Р. М. Принципы и методика аннотирования. — М., 1944. — 398 л. — В изд-во: Моск. гос. библ. ин-т. — Машинопись.

127. Бучилова Я. Шире пропагандировать книги. — Культура и жизнь, 1946, 40 окт.

128. Вавилов С. Н. Несколько замечаний о книгах. — Сов. книга, 1947, № 1, с. 15—20.

129. Горюцкий А. А. С. Пушкин и библиография: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. — Ульяновск, 1947. — 149 л. — Машинопись.

130. Брисман М., Волошин Д. Некоторые вопросы рекомендательной библиографии. — Библиотекарь, 1948, № 11, с. 26—30.

131. Всероссийское совещание библиотечных работников 23—29 марта 1948 года. — М.: Госкультпросветиздат, 1948. — 219 с.

132. Марков Н. Г. О предмете и методе библиографии. (Опыт постановки вопроса) — Труды/Моск. гос. библ. ин-т, 1948, вып. 4, с. 101—135.

133. Мацуев Н. Н. Новые библиографические указатели о Беллинском. — Сов. библиогр., 1948, вып. 6, с. 77—81. Подпись: М. Николаев.

134. Олишев В. Г. Рекомендательная библиография — важное средство пропаганды книги. — Правда, 1948, 4 апр.

135. Рыскин Е. Н. Новые методы библиографирования русской художественной литературы. — Труды/Моск. гос. библ. ин-т, 1948, вып. 4, с. 93—100.

136. Симонова А. Против недооценки важнейшего участка идеологической работы. — Парт. жизнь, 1948, № 5, с. 69—73.

137. Смирнова Б. Насущные задачи рекомендательной библиографии. — Библиотекарь, 1948, № 3, с. 1—8.

138. Берков П. Н. А. Г. Фомин (1887—1939). Очерк жизни и науч. деятельности. М., 1949, с. 15. («Деятели книги»).

139. Волошин Д. А. О рекомендательной аннотации. — Сов. библиогр., 1949, вып. 2, с. 32—51.

140. Глазголева Н., Цинбал Н. Против формализма в рекомендательной библиографии. (Об изданиях Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). — Библиотекарь, 1949, № 9, с. 30—33.

141. Крендель Р. Библиографические работы областных и краевых библиотек по художественной литературе. — Библиотекарь, 1949, № 10, с. 10—16.

142. Масанов Ю. Литература о Пушкине и ее библиография. — Сов. библиогр., 1949, вып. 2, с. 3—14.

143. Рыскин Е. Н. Библиографические указатели русской литературы XIX века. — М., 1949. — 260 с. — В изд-во: Моск. гос. библ. ин-т.

144. Федоров И. В. Библиография литературы о Чехове и его творчестве.— Сов. библиогр., 1949, вып. 3, с. 90—93.
145. Рыкалина И. Рекомендательные указатели серии «Великие русские писатели».— Сов. библиогр., 1950, № 1, с. 27—39.
146. Рыскин Е. И. Библиография русской литературы и фольклора в 1949 году.— Сов. библиогр., 1950, вып. 1, с. 55—70.
147. Рыскин Е. Краевая библиография художественной литературы.— Библиотекарь, 1951, № 3, с. 32—36.
148. Рыскин Е. И. Краевая библиография художественной литературы.— М.: Госкультпросветиздат, 1951.— 16 с.— В надзаг.: Моск. гос. библ. ин-т.
149. Барсук А. И. Семинарий как рекомендательное пособие для специалиста.— Сов. библиогр., 1952, вып. 2, с. 36—48.
150. Волошин Д., Морачевский Н. О рекомендательной библиографии. Письмо в ред.— Правда, 1952, 16 июля.
151. Крендель Р. Обзор библиографических пособий областных библиотек по художественной литературе.— Библиотекарь, 1952, № 10, с. 33—37.
152. Олишев В. Г. Состояние и задачи рекомендательной библиографии.— В кн.: Сборник статей по вопросам библиотечного дела и библиографии. М., 1953, вып. 1, с. 22—49.
153. Рыскин Е. И. Библиография текстов.— М.: Госкультпросветиздат, 1953.— 20 с.— В надзаг.: Моск. гос. библ. ин-т.
154. Боровой С. Я. Некоторые вопросы краеведческой библиографии.— Сов. библиогр., 1954, вып. 36, с. 103.
155. Бухштаб Б. Я., Ефимова В. А., Ильина А. К. и др. Персональная библиография художественной литературы: Учеб. пособие для библ. ин-тов/Б. Я. Бухштаб, В. А. Ефимова, А. К. Ильина, К. Д. Муратова.— М.: Госкультпросветиздат, 1954.— 88 с.
156. Вытяжков В. Т. Аннотирование произведений классиков марксизма-ленинизма: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук.— М., 1954.— 232 л.— В надзаг.: Моск. гос. библ. ин-т. Машинопись.
157. Денисьев В. Н. Общая библиография: Учеб. пособие для учащихся библ. техникумов.— М.: Госкультпросветиздат, 1954.— 224 с.
158. Корнейчик И. И. Краевая библиография художественной литературы: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук.— М., 1954.— 221 л.— В надзаг.: Моск. гос. библ. ин-т. Машинопись.
159. Масанов Ю. И. Добролюбов и Чернышевский о библиографии и библиографическом направлении в литературной критике.— Сов. библиогр., 1954, вып. 37, с. 25—39.
160. Улучшить постановку критики и библиографии в местных партийных журналах.— Коммунист, 1954, № 13, с. 112—117.
161. Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования: Источниковедение. Библиогр. Разыскание.— Л.: Учпедгиз, 1955.— 154 с.
162. Николаев В. А., Коршунов О. П. Спорные вопросы общей библиографии.— Сов. библиогр., 1955, вып. 41, с. 33—41.
163. Рыскин Е. И. Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения: Учебник для библ. ин-тов.— М.: Госкультпросветиздат, 1955.— 128 с.
164. Эвентов И. Эти книги нужны.— Новый мир, 1955, № 8, с. 283.

165. Берков П. Н. Новинки советской литературоведческой библиографии. (Несколько замечаний о нуждах сов. литературоведения в обл. библиогр.).— Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1956, т. 15, вып. 6, с. 538—541.
166. Вытяжков В. Т. О предмете библиографии.— Сов. библиогр., 1956, вып. 44, с. 40—45.
167. Вытяжков В. Т. О разработке методики аннотирования.— Уч. зап./Харьк. гос. библ. ин-т, 1956, вып. 2, с. 65—86.
168. Корнейчик И. И. Вопросы краевой библиографии художественной литературы.— Уч. зап./Харьк. гос. библ. ин-т, 1956, вып. 2, с. 101—118.
169. Крендель Р. Н., Пескина Б. А. Методика составления персональных указателей. (Опыт работы над серией библиогр. указ. «Великие русские писатели»).— Библиотеки СССР. Опыт работы, 1956, вып. 6, с. 106—143.
170. Мацуев Н. Краткий рекомендательный...— Лит. газ. 1956, 27 ноября.
171. Решетинский И. И. О теории и практике библиографии.— Сов. библиогр., 1956, вып. 42, с. 37—44.
172. Розанов И. Очевидная истина.— Новый мир, 1956, № 9, с. 280.
173. Трубников С. А. Основные вопросы идейно-эстетической характеристики произведений художественной литературы в рекомендательной библиографии: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук.— М., 1956.— 396, XX л.— В надзаг.: Моск. гос. библ. ин-т. Машинопись.
174. Щербина В. Р. Задачи литературоведения в свете решений XX съезда КПСС.— Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1956, вып. 5, с. 403.
175. Мацуев Н. Репертуар русской книги.— Новый мир, 1957, № 9, с. 286—287.
176. Общая библиография: Учебник для библ. ин-тов.— М.: Сов. Россия, 1957.— 464 с.
177. Олишев В. Г. Некоторые вопросы советской библиографии.— Библиотекарь, 1957, № 10, с. 37—43.
178. Эйхенгольц А. Д. Сорок лет советской библиографии.— Сов. библиогр., 1957, вып. 48, с. 6.
179. Барсук А. И. Насущные проблемы литературной библиографии.— Сов. библиогр., 1958, вып. 51, с. 22—36.
180. Библиография художественной литературы и литературоведения: Учебник для библ. ин-тов.— М.: Сов. Россия, 1958.— Ч. 2.— 207 с.
181. Гура В. В. О технике литературоведческого труда.— Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1958, № 2, с. 135—141.
182. Здобнов Н. В. Об отношении Ленина к библиографии.— Сов. библиогр., 1958, вып. 49, с. 18—31.
183. Левина С. С., Смирнова Б. А. Старые погудки в «Новом мире».— Сов. библиогр., 1958, вып. 50, с. 79—81.
184. Лидин В. В гостях у Смирдина.— Новый мир, 1958, № 3, с. 260—263.
185. Машинский С. В борьбе за классическое наследие.— Новый мир, 1958, № 3, с. 214—239.
186. Машкова М. В. Вопросы теории и истории библиографии в учебнике «Общая библиография».— Сов. библиогр., 1958, вып. 52, с. 46.

187. О некоторых теоретических вопросах советской библиографии. — Сов. библиогр., 1958, вып. 50, с. 3—14.
188. Машкова М. В. Н. В. Здобнов (1888—1942): Очерк жизни и деятельности. — М.: Всесоюз. кн. палата, 1959. — 132 с. («Деятели книги»).
189. Фрадкина З. Л. Конференция по вопросам библиографии. — Сов. библиогр., 1959, № 2, с. 104—110.
190. Библиография художественной литературы и литературоведения: Учебник для библиотечных работников. — М.: Сов. Россия, 1960. — Ч. 1. — 248 с.
191. Зубов Ю. С. Об основных чертах системы библиографических пособий по художественной литературе. — Сов. библиогр., 1960, № 3, с. 15—24.
192. Прохоров Е. И. Семинарии по советской литературе. — Вопр. лит., 1960, № 4, с. 191—198.
193. Решетинский И. И., Николаев В. А. Некоторые спорные вопросы теории библиографии. — Сов. библиогр., 1960, № 5, с. 3—16.
194. Советская библиография: Сборник статей/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. — М., 1960. — 488 с.
195. Брисман М. А. Советская теория библиографии в 20-е 30-е годы. — Труды/Ленингр. гос. библиотеч. ин-та, 1961, т. 9, с. 97—125.
196. Бухштаб Б. Я. О рекомендательной литературоведческой библиографии для специалистов. — Труды/Ленингр. гос. библиотеч. ин-та, 1961, т. 9, с. 13—31.
197. Кондаков И. П. Рекомендательная библиография в помощь общему самообразованию и всестороннему развитию личности. — В кн.: Сопровождение по рекомендательной библиографии 19—21 янв. 1961 г. Сборник материалов. М., 1961, с. 9—37.
198. Моргенштерн И. Г. Развитие советской тематической библиографии художественной литературы. — Труды/Ленингр. гос. библиотеч. ин-та, 1961, т. 9, с. 33—59.
199. Равич Л. М. Текущая библиографическая информация в русских литературных журналах первой половины XIX века. — Труды/Ленингр. гос. библиотеч. ин-та, 1961, т. 9, с. 127—143.
200. Баренбаум И. Е. К вопросу о предмете библиографической науки. — Сов. библиогр., 1962, № 4, с. 34—43.
201. Крендель Р. Н. Серия общих рекомендательных указателей «Русские писатели». — Труды/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1963, т. 7, с. 119—131.
202. Лауфер Ю. М. Библиография русской советской литературы: Учеб.-справ. пособие. — М., 1963. — 110 с. — В надзаг.: Моск. гос. библиотеч. ин-т.
203. Моргенштерн И. Г. Проблемы тематической библиографии художественной литературы. — Сов. библиогр., 1963, № 5, с. 46—59.
204. Барсук А. И. О зависимости принципов отбора литературы от целевого назначения литературоведческих семинариев. — Труды/Ленингр. гос. библиотеч. ин-та, 1964, т. 15, с. 219—239.
205. Барсук А. И. Печатные семинарии по русской литературе (1904—1963): Ист.-библиогр. очерк. — М.: Книга, 1964. — 253 с.
206. Рейсер С. Эволюция жанра. — Вопр. лит., 1964, № 4, с. 182—185.
207. Смирнова Б. А. Деятельность Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в области рекомендательной библиографии. — М.: Книга, 1964. — 236 с. — В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

208. Гура В. Судьба литературоведческого жанра. — Рус. лит., 1965, № 4, с. 170—177.
209. Моргенштерн И. Г. Тематическая библиография художественной литературы: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. — М., 1965. — В надзаг.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. — Машинопись.
210. Рыскин Е. И. Очерки теории и методики литературной библиографии. — М.: Книга, 1965. — 122 с.
211. Туrowsкая А. А. О некоторых вопросах методики составления библиографических словарей писателей края. — Труды/Ленингр. гос. ин-т культуры, 1965, т. 16, с. 61—71.
212. Брисман М. А., Гранский В. И. О рекомендательной библиографии для специалистов. — Сов. библиогр., 1966, № 4, с. 32—43.
213. Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. — М.: Книга, 1966. — 175 с.
а. Рец.: Прохоров Е. И. Историко-литературные разыскания по русской литературе XIX века. — Вопр. лит., 1967, № 2, с. 233—234.
214. Бухштаб Б. Я. Насущные вопросы научно-информационной литературоведческой библиографии. — В кн.: Тезисы докладов к XIII научной конференции 26 февраля—марта 1966 года. Л.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1966, с. 46. — Ротапринт.
215. Кондаков И. П. Рекомендательная библиография в современных условиях. — Сов. библиогр., 1966, № 2, с. 15—20.
216. Рейсер С. Предмета для спора нет. — Вопр. лит., 1966, № 6, с. 130—131.
217. Соловьева Н. Н. Обсуждение проблем рекомендательной библиографии. — Сов. библиогр., 1966, № 2, с. 35—41.
218. Чубарьян О. С. Рекомендательная библиография и руководство чтением. — Сов. библиогр., 1966, № 2, с. 21—34.
219. Барсук А. И. Жизненные вопросы теории и практики библиографии. — Сов. библиогр., 1967, вып. 2, с. 3—26.
220. Рекомендательная библиография и руководство чтением: Сборник статей по теории и методике/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. — М.: Книга, 1967. — 175 с.
221. Рыскин Е. И. Журнал А. С. Пушкина «Современник» 1836—1837: Указ. содерж. — М.: Книга, 1967. — 95 с.
222. Глубже разрабатывать теоретические проблемы библиографии. — Сов. библиогр., 1968, № 5, с. 48—56.
Авт.: Е. И. Баренбаум, А. И. Барсук, А. И. Манкевич, А. М. Соркин, Д. Ю. Теплов.
223. Коршунов О. П. Книга — библиография — читатель. (К вопросу о целевом и читательском назначении рек. библиогр. пособий). — Сов. библиогр., 1968, № 1, с. 20—37.
224. Библиография: Общий курс. Учебник для библиотеч. фак. ин-тов культуры/Под ред. М. А. Брисмана и А. Д. Эйхенгольца. — М.: Книга, 1969. — 560 с.
225. ГОСТ 16448—70. Библиография. Термины и определения. — Введ. 1.07.71. — 12 с.
226. Давыдова М. И. Литературная рекомендательная библиография и ее общественное назначение. — Сов. библиогр., 1970, № 4, с. 29—35.
227. Мартынов И. Ф. К истории возникновения и становления

библиографии в русских периодических изданиях XVIII века.— Труды/Ленингр. гос. ин-т культуры, 1970, т. 21, с. 113—136.

228. Равич Л. М. О некоторых спорных вопросах истории и теории библиографии.— Сов. библиограф., 1970, № 2, с. 57—63.

229. Соловьева Н. Н. Библиография в помощь образованию и воспитанию.— Сов. библиогр., 1970, № 7, с. 3—12.

230. Трубников С. А. Литературная библиография как средство эстетического развития читателей: Пособие по спецкурсу для студентов библи. фак.— М., 1970.— 238 с.— В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.

231. Тугов Ю. М. Рекомендательная библиография — объект системного исследования.— Сов. библиогр., 1970, № 3, с. 40—55.

232. Барсук А. И. Основные типы пособий. В порядке постановки вопр.— Библиотекарь, 1971, № 12, с. 39—43.

233. Библиография художественной литературы и литературоведения: Учебник для библи. фак. ин-тов культуры/Под ред. Б. Я. Бухштаба.— М.: Книга, 1971.— 400 с.

234. Тугов Ю. М. О структуре рекомендательной библиографии.— Сов. библиогр., 1971, № 2, с. 30—41.

235. Коршунов О. П. Библиография как система. (Опыт постановки вопр.) — Сов. библиогр., 1972, № 1, с. 52—75.

236. Куликова А. П. К вопросу об эффективности библиографической периодики в руководстве чтением.— В кн.: Рекомендательная библиография в системе пропаганды книги в СССР. М., 1972, вып. 6, с. 22—38.

237. Машинский С. Золотонскатель — перед Гималаями. О справ.-библиогр. службе.— Лит. газ., 1972, 29 ноября.

238. Смирнова Б. А. Вернемся к рекомендательной библиографии.— Сов. библиогр., 1972, № 4, с. 63—83.

239. Беляева Л. И. Психологический анализ восприятия художественной литературы.— М., 1973.— 91 с. (Книга и чтение в жизни небольших городов. Сборник науч. трудов. Вып. 4).— В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

240. Вохрышева М. Г. Основные аспекты изучения системы средств библиографической пропаганды художественной литературы: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук.— М., 1973.— 189, 36, 51 л.— В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.— Машинопись.

241. Гусева Н. И. О специфике рекомендательно-библиографической характеристики произведений художественной литературы.— В кн.: Рекомендательная библиография в системе пропаганды книги в СССР. М., 1973, вып. 10, с. 50—77.

242. Коровицына С. И. Проблемы дифференцированного раскрытия содержания литературы о писателе в библиографических пособиях для научных целей: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук.— М., 1973.— 235 л., 1 л. ил.— В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.— Машинопись.

243. Куликова А. П. Создание проблемной ситуации как метод библиографирования.— В кн.: Рекомендательная библиография в системе пропаганды книги в СССР. М., 1973, вып. 8, с. 60—78.

244. Потребности науки и возможности библиографии.— Вопр. лит., 1973, № 8, с. 209—217.

Авт.: Н. Гельфанд, В. Либман, В. Пироговская, Ю. Рыскин.

245. Проблемы чтения и формирования человека развитого социалистического общества: Науч. конф. Тезисы докл. и сообщ./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.— М., 1973.— 178 с.

246. Современные проблемы развития рекомендательной библиографии: Сборник статей/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.— М.: Книга, 1973.— 160 с.

247. Соловьева Н. Н. XXIV съезд КПСС и вопросы пропаганды книги.— Сов. библиотекосведение, 1973, № 1, с. 39—52.

248. Шевелева Г. М. О методике составления указателей «Край в художественной литературе». (Из опыта Орловской обл. б-ки).— Сов. библиогр., 1973, № 2, с. 36—43.

249. Баскаков В. Н. Литературная библиография в ее настоящем и будущем.— Рус. лит., 1974, № 2, с. 21—31.

250. Вохрышева М. Г. Система средств пропаганды художественной литературы и опыт изучения ее эффективности.— Сов. библиотекосведение, 1974, № 1, с. 29—38.

251. Давыдова М. И. Литературная рекомендательная библиография на пути создания системы указателей в помощь самообразованию.— Сов. библиогр., 1974, № 6, с. 38—46.

252. Коровицына С. И. Эволюция методов дифференцированного раскрытия содержания литературы о писателе в персональных научно-вспомогательных библиографических пособиях.— Сов. библиогр., 1974, № 3, с. 62—76.

253. Коршунов О. П. Библиография в системе информационных коммуникаций. (К вопр. о соотношении библиогр. с библи. делом и науч.-информ. деятельностью).— Сов. библиогр., 1974, № 6, с. 64—82.

254. Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: Методологический очерк.— М.: Книга, 1975.— 206 с.

255. Беляева Л. И. К вопросу о типологии читателей.— В кн.: Проблемы социологии и психологии чтения. М.: Книга, 1975, с. 143—161.— В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.

256. Беспалова Э. К. Некоторые проблемы развития теории рекомендательной библиографии.— Сов. библиогр., 1975, № 3, с. 57—75.

257. Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии: (Монография).— М.: Книга, 1975.— 191 с.

258. Рекомендательная библиография в руководстве чтением: (Итоги исследования)/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.— М.: Книга, 1975.— 112 с.

259. Баренбаум И. Е. Библиографоведение как наука книговедческого цикла.— Сов. библиогр., 1976, № 4, с. 47—56.

260. Барсук А. И. На путях формирования библиографоведения как целостной научной дисциплины.— Сов. библиогр., 1976, № 2, с. 53—66.

261. Беспалова Э. К. «Проблемы общей теории библиографии» О. П. Коршунова и концепция рекомендательной библиографии.— Сов. библиогр., 1976, № 2, с. 67—82.

262. Евгенова И. В. Проблема «общего указателя» в литературной рекомендательной библиографии.— В кн.: Рекомендательная библиография в системе пропаганды книги в СССР. М., 1976, вып. 14, с. 114—129.

263. Куликова А. П. Современные проблемы рекомендательного библиографирования художественной литературы на страницах центральных газет: Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук.— М., 1976—233 л.— В надзаг.: Моск. Гос. ин-т культуры.— Машинопись.

264. Лауфер Ю. М. Досадные просчеты в целостной концепции.— Сов. библиогр., 1976, № 5, с. 38—46.

265. Смирнова Б. А. Теория библиографии и ее связи с практикой.— Сов. библиогр., 1976, № 6, с. 57—69.

266. Теплоу Д. Ю. О новой типологической концепции библиографии.— Сов. библиогр., 1976, № 4, с. 38—47.

267. Туровская А. А. Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972 г.) и задачи литературной библиографии.— Труды Ленингр. гос. ин-та культуры, 1976, т. 30, с. 7—16.

268. Барсуку А. И., Коршунов О. П. Советское библиографоведение: состояние, проблемы, перспективы.— М.: Книга, 1977.—108 с.

269. ГОСТ 7.0—77. Библиография. Термины и определения: Взамен ГОСТ—16448—70.— Введ. 1.01.78.—24 с.

270. Серебренников А. И., Фонов Г. П. О компонентах общей теории библиографии в книге О. П. Коршунова.— Сов. библиогр., 1977, № 3, с. 63—86.

271. Тузов Ю. М. Об исходном пункте теоретического воспроизведения библиографии.— Сов. библиогр., 1977, № 1, с. 50—67.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

272. ГБЛ, ф. 573. Архив Б. С. Боднарского. Деловая переписка, п. А—В. Письмо А. М. Белова Б. С. Боднарскому от 1 марта 1916 г.

273. ГБЛ, ф. 573. Архив Б. С. Боднарского. Переписка, п. Н—П. Письмо Н. Н. Орлова Б. С. Боднарскому от 31 янв. 1936 г.

274. ГБЛ, ф. 369. Архив В. Д. Бонч-Бруевича, к. 273, ед. хр. 23, л. 1. Письмо Б. С. Боднарского В. Д. Бонч-Бруевичу от 2 февр. 1948 г.

275. ГБЛ, ф. 369. Архив В. Д. Бонч-Бруевича, к. 149, ед. хр. 57. Письмо В. Д. Бонч-Бруевича Н. И. Здобновой от 15 марта 1952 г.

276. ГБЛ, ф. 369. Архив В. Д. Бонч-Бруевича, к. 273, ед. хр. 23. Письмо Н. И. Здобновой В. Д. Бонч-Бруевичу.

277. ГБЛ, ф. 369. Архив В. Д. Бонч-Бруевича, к. 387, ед. хр. 24.

278. ГБЛ, ф. 384. Архив В. И. Невского, к. 14, ед. хр. 32. Письмо И. В. Владиславлева В. И. Невскому от 10 февр. 1928 г.

279. ГБЛ, ф. 384. Архив В. И. Невского, к. 13, ед. хр. 10. Письмо В. И. Невского И. В. Владиславлеву от февр. 1928 г.

280. ГБЛ, ф. 384. Архив В. И. Невского, к. 14, ед. хр. 32. Письмо И. В. Владиславлева В. И. Невскому от 2 янв. 1935 г.

281. ГБЛ, ф. 384. Архив В. И. Невского, к. 4, ед. хр. 21. Ответ т. Левинтову.

282. ГБЛ, ф. 457. Архив Л. Н. Троповского. Материалы.

283. ГБЛ, ф. 457. Архив Л. Н. Троповского. Науч.-исслед. ин-т библиотекосведения. Предварит. тезисы докл. на библиогр. группне Ин-та библиотекосведения аспиранта А. В. Лебедева.

284. ГБЛ, ф. 457. Архив Л. Н. Троповского. Отзыв на рукопись Шапурина «Основы библиографии».

285. ГБЛ, ф. 457. Архив Л. Н. Троповского. Творческие рукописи.

286. ГБЛ, ф. 457. Архив Л. Н. Троповского. Творческие рукописи. Стеногр. докл. Л. Н. Троповского «О мероприятиях по реализации постановления ЦК партии «О литературной критике и библиографии» на науч. сессии Ленингр. Ком. политико-просвет. ин-та им. Н. К. Крупской, посвящ. памяти Н. К. Крупской 5 марта 1941 г.

287. Шапурина Е. И. Основы библиографии. М., 1931. 135 с.—Машинопись. Личный архив С. Е. Шапуриной.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Азадовский М. К. 94, 209, 210, 227

Амбарцумян З. Н. 113

Амвросий 15

Анненков П. В. 32

Антипина Ю. П. 174

Афанасьев А. Н. 27, 29

Балика Д. А. 62—64, 88, 226

Балухатый С. Д. 4, 92, 94, 95—100, 115, 124, 137, 197, 203, 227

Баренбаум И. Е. 156, 213, 216, 232, 233, 235

Барсуку А. И. 9, 13, 124—126, 142, 143, 153—156, 186, 206—209, 216, 230—236

Баскаков В. Н. 205, 235

Бек А. А. 72, 226

Белинский В. Г. 14—29, 37, 64, 131—133, 137, 138, 224

Белов А. М. 51, 57, 226, 236

Беляева Л. И. 145, 234, 235

Бем А. Л. 40, 225

Бенардаки Н. Д. 35

Берков П. Н. 4, 14, 65, 115, 131—133, 194, 195, 229—231

Беспалова Э. К. 9, 216, 235

Бестужев (псевд. Марлинский) А. А. 15, 35

Богачевская К. П. 114, 202

Богусевич Ю. М. 35

Боднарский Б. С. 51, 131, 133, 229, 236

Бонч-Бруевич В. Д. 130, 133, 236

Боровой С. Я. 230

Борщевский С. С. 114

Брежнев Л. И. 139

Брисман М. А. 9, 116, 131, 133, 151—153, 174—177, 229, 232—234

Бронштейн М. П. 155

Бубнов А. С. 82

Булгарин Ф. В. 35

Бухштаб Б. Я. 4, 114, 151—154, 174, 175, 179, 214, 230, 232—234

Бучилов Я. 111, 229

Вавилов С. И. 109, 229

Везирова Л. А. 10

Венгеров С. А. 38, 47, 48, 210, 225

Витман А. М. 92

Владиславлев И. В. (наст. фамилия Гульбинский) 53—55, 80, 88, 92, 93, 97, 226—228, 236

Волков А. А. 14, 134

Волошин Д. А. 116, 119, 120, 123, 163, 229, 230

Вохрышева М. Г. 184, 190, 191, 234, 235

Вытяжков В. Т. 161—164, 213, 230, 231

Гаркисс М. 76

Гельфанд Н. В. 205, 235

Геннадий Г. Н. 28, 29, 31—34

Глаголева Н. 116, 229

Глинка Ф. Н. 35

Гоголь Н. В. 18—21, 33, 34

Горещкий А. Н. 22, 229

Горифельд А. Г. 40, 225

Горький А. М. 45, 72, 73, 97, 132, 226

Гранский В. И. 151—153, 233

Гребенщиков Я. П. 46

Греч Н. И. 16, 224

Гура В. В. 207—209, 231, 233

Гусева Н. И. 192, 234

Давыдова М. И. 156, 157, 187, 188, 234, 235

Давыдова Т. Е. 174

Дамаскин, епископ (Семенов-Руднев Д. Е.) 134

Денисьев В. Н. 230

Дерман Г. К. 88

Дерунов К. Н. 41, 48, 225

Добровольский Л. М. 114, 115

Добролюбов Н. А. 28—31, 33, 35—37, 131—133, 224, 225

Добрынина Н. Е. 142, 143

Евгений, митр. (Болховитинов Е. А.) 134

Евгенова И. В. 189, 236

Ежов И. С. 107

Ефимова В. А. 174, 230

Ефремов П. А. 27

Жук И. П. 57—59, 65, 68—71, 88, 162, 167, 226

Зайончковский П. А. 131, 229

Зайцев В. А. 37, 38

Звездин В. 51, 225

Здобнов Н. В. 12, 13, 15, 18, 21, 22, 24—26, 31, 55, 57, 77, 128, 130—134, 209, 210, 227, 228, 231

Здобнова Н. И. 236
 Зимовский Ф. Я. 77, 228
 Золя Э. 70
 Зубов Ю. С. 10, 142, 143, 180, 184—187, 232
 Зуева Т. М. 112
 Ильина А. А. 174
 Ильина А. К. 174, 230
 Ильинский Г. А. 41, 225
 Калишевский А. И. 51, 52, 57, 225
 Каутская М. 76
 Кеневич В. Ф. 38
 Кеппен П. И. 17
 Киперман Я. Е. 67—69, 226
 Киреевский И. В. 20
 Кобленц И. Н. 84, 85, 228
 Козьмин Б. П. 131, 229
 Комовский В. Д. 19
 Кондаков И. П. 140, 232, 233
 Корнейчик И. И. 209, 210, 230, 231
 Коровицына С. И. 203, 204, 234, 235
 Коршунов О. П. 9, 10, 26, 77, 146, 158, 159, 213, 216, 231, 233—236
 Костомаров Н. И. 29
 Краевский А. А. 133
 Крендель Р. Н. 129, 177—179, 229—232
 Крупская Н. К. 52, 53, 85, 226—228
 Куликова А. П. 184, 185, 191, 192, 234—236
 Кулиш П. А. 21
 Куприн А. И. 65
 Курочкин Н. С. 37
 Лавров В. М. 114, 115
 Лавров П. Л. 37
 Ламбин П. П. 28
 Лассаль Ф. 76
 Лауфер Ю. М. 174, 207, 216, 232, 236
 Лебедев А. В. 237
 Левин Л. А. 163, 228
 Левина С. С. 195, 196, 231
 Левинтов Б. М. 81, 227, 236
 Ленин В. И. 7, 42—45, 52, 76, 77, 85, 105, 169, 199, 223
 Лернер Н. О. 21
 Либман В. А. 205, 235
 Лидин В. Г. 194, 232
 Ловягин А. М. 39, 40, 49, 50, 225, 226
 Ломоносов М. В. 29, 132
 238

Лонгинов М. И. 27, 28, 38, 224
 Луначарский А. В. 76
 Лященко А. И. 39, 225
 Майков Л. Н. 38
 Макаренко А. С. 115
 Малени А. И. 62, 226
 Мало Г. 52
 Мандельштам Л. С. 88, 89
 Манкевич А. И. 156, 233
 Мансуров А. А. 210
 Марков И. Г. 213, 229
 Маркс К. 7, 45, 76, 169, 223
 Мартынов И. Ф. 13, 14, 234
 Масанов Ю. И. 31, 114, 138, 228, 230
 Мацуев Н. И. 92, 138, 194, 195, 228, 229, 231
 Машинский С. И. 194, 204, 205, 232, 234
 Машкова М. В. 114, 131, 232
 Маяковский В. В. 115
 Межов В. И. 38
 Мезьер А. В. 38
 Минцлоф Р. И. 37
 Минчина М. Е. 65, 69—71, 88, 162, 226
 Михайлов М. Л. 36, 38, 224
 Морачевский Н. Я. 119, 120, 230
 Моргенштерн И. Г. 180, 181, 232, 233
 Мордовченко Н. И. 115
 Муратова К. Д. 93, 174, 196—203, 230
 Н. К. 227
 Надеждин Н. И. 19, 224
 Наумов Е. И. 124
 Невский В. И. (псевд. Криво-бокова Ф. И.) 54, 55, 78, 81, 82, 227, 236
 Некрасов Н. А. 31, 32, 34, 37, 132, 225
 Николаев В. А. 213, 231, 232
 Николаев М. см. Мацуев Н. И.
 Новиков Н. И. 12, 14, 15, 132, 134
 Олишев В. Г. 112, 113, 116, 118, 119, 195, 196, 229—231
 Орлов Н. Н. 46, 236
 Островский А. Н. 137
 Панов А. В. 101
 Пекарский П. П. 27
 Перетц В. Н. 38
 Пескина Б. А. 177—179, 231
 Петров Ф. Н. 53, 227

Пиксанов Н. К. 38, 124, 209, 210
 Пироговская В. П. 205, 235
 Писарев Д. И. 37, 38, 225
 Плеханов Г. В. 103
 Покровская (Хаймович) Н. Д. 92
 Покровский А. А. 69, 101
 Полевой Н. А. 17, 18, 133, 224
 Пономарев С. И. 28, 38
 Прокопович Ф. 15
 Прохоров Е. И. 207, 214, 232, 233
 Путинцев А. М. 209
 Пушкин А. С. 18—22, 29, 31—33, 114, 132, 138, 202, 224
 Пыпин А. Н. 38
 Равич Л. М. 13, 232, 234
 Рейсер С. А. 174, 207—209, 233
 Решетинский И. И. 213, 231, 232
 Розанов И. Н. 194, 195, 231
 Розен Е. Ф. 35
 Розенгейм М. П. 29
 Романов С. Г. 76, 77, 227
 Рубакин Н. А. 42, 45, 76, 77, 101
 Рубинштейн Н. Л. 228
 Руманова Л. Ю. 184—186
 Рыкалина И. А. 120—122, 178, 230
 Рыскин Е. И. 4, 21, 100—104, 108—110, 121, 122, 127—129, 135—138, 142, 145—148, 150, 161—163, 167—174, 193, 196—199, 201—203, 209, 213—215, 228—231, 233
 Рыскин Ю. Д. 10, 205, 235
 Савицкая Р. М. 108, 229
 Сантов В. И. 38
 Салтыков-Щедрин М. Е. 32, 33, 132, 225
 Сафонов М. П. 71, 226
 Саведж Э. А. 59, 71
 Сенковский О. И. 133
 Серебренников А. И. 216, 236
 Сивков К. В. 132, 229
 Симонова А. 229
 Сиповский В. В. 38
 Смирнова Б. А. 113—118, 158, 195, 196, 216, 229, 231, 233, 234, 236
 Смушкова М. А. 82, 227

Соловьева Н. Н. 158, 182, 183, 187, 233—235
 Сомов Н. М. 63, 64, 226
 Сопиков В. С. 29
 Сорокин А. М. 156, 233
 Спиридонов В. С. 93
 Сумароков А. П. 14
 Теплов Д. Ю. 156, 216, 233, 236
 Тихонравов Н. С. 21, 27, 29, 38
 Толстой А. Н. 115
 Толстой Л. Н. 45
 Тредиаковский В. К. 15
 Троповский Л. Н. 46, 47, 53, 56, 57, 61, 63, 78—80, 82—89, 226—228, 236, 237
 Трубинов С. А. 25, 142, 148—150, 157—160, 164—167, 184—187, 231, 234
 Тугов Ю. М. 141, 158, 159, 216, 234, 236
 Тургенев И. С. 137
 Туровская А. А. 192, 211, 233, 236
 Фатов Н. Н. 209
 Федоров И. В. 138, 230
 Фомин А. Г. 4, 40, 57, 58, 60, 62, 65—67, 88—91, 136, 137, 162, 213, 225—228
 Фонотов Г. П. 216, 236
 Фрадкина З. Л. 232
 Цинбал Н. 116, 229
 Ченцов Н. М. 94
 Чернышевская Н. М. 114
 Чернышевский Н. Г. 7, 28—30, 36, 37, 45, 131—133, 224
 Чубарьян О. С. 140—142, 233
 Шамурин Е. И. 55, 57, 62, 87, 88, 162, 226, 227, 237
 Шамурина С. Е. 237
 Шевелева Г. М. 211, 212, 235
 Шелгунов Н. В. 38
 Шелгунова Л. П. 38
 Шолохов М. А. 83, 115
 Шербина В. Р. 194, 231
 Эвентов И. С. 194, 231
 Эйхенгольц А. Д. 61, 77, 88, 227, 228, 231, 234
 Эльяшберг И. В. 72, 73
 Энгельс Ф. 7, 45, 76, 169, 223
 Эттингер М. Э. 92
 Языков Д. Д. 38, 40
 Яницкий Н. Ф. 61, 226

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава I

ИСТОКИ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

11

Глава II

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЯ В 20-е ГОДЫ

44

Глава III

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ В 30-е ГОДЫ

75

Глава IV

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЯ В 1941—1963 ГОДАХ

Теория и методика литературной библиографии
периода Великой Отечественной войны (1941—1945 годы)

107

Послевоенная теория и методика
литературной библиографии (1945—1963 годы)

109

Глава V

ПУТИ ЛИТЕРАТУРНОГО БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЯ В 50—70-е ГОДЫ

139

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

218

ЛИТЕРАТУРА И УПОМИНАЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

283

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

286

УКАЗАТЕЛЬ

287

